

ОНЛ

82.3(2)

Б 24

С. БАРДАХАНОВА

МАЛЫЕ
ЖАНРЫ
БУРЯТСКОГО
ФОЛЬКЛОРА

✓

1161329

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
БУРЯТСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

С. С. БАРДАХАНОВА

МАЛЫЕ ЖАНРЫ БУРЯТСКОГО ФОЛЬКЛОРА

пословицы, загадки, благопожелания

БУРЯТСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
УЛАН-УДЭ 1982

Бардаханова С. С.

Б247 Малые жанры бурятского фольклора. Пословицы, загадки, благопожелания.— Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1982.— 208 с. (Ин-т общ. наук БФ СО АН СССР.)

Монография посвящена исследованию истории развития, современного состояния, генезиса и поэтики малых жанров бурятского фольклора. На обширном фольклорном, этнографическом материале в работе показаны жанровые, идейно-художественные особенности бурятских пословиц, загадок, благопожеланий, выявлена их нравственно-эстетическая ценность.

Происхождение, формирование и современное бытование малых жанров исследователь рассматривает в тесной связи с жизнью бурятского народа на всех этапах его исторического развития.

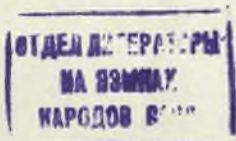
Монография рассчитана на фольклористов, этнографов, лингвистов, студентов и всех тех, кто интересуется вопросами бурятского устнопоэтического творчества.

Б 70700—077
042(02)5—82 089—82 3603010000

82.3(2)

Ответственный редактор
А. Б. Соктоев

1161329

© Бурятский филиал СО АН СССР, 1982 г.

13803/N1-84 гм

ВВЕДЕНИЕ

Пословицы, загадки, благопожелания, издавна пользующиеся в народе огромной популярностью, активно бытуют и в условиях современной действительности. Об этом свидетельствует богатый материал по афористической поэзии, собранный фольклористами, лингвистами, этнографами за годы Советской власти. Произведения малых жанров встречаются почти во всех материалах фольклорных, лингвистических экспедиций последних десятилетий, а также в ранних записях, например, членов ВСОРО, писателей, ученых.

Из записей 20—30-х годов привлекают внимание исследователей пословицы и поговорки, собранные членом ВСОРО С. В. Шараповым в Аларском районе Иркутской области. В 1926—1927 годах сбором устнопоэтического творчества аларских бурят занимался Б. Ш. Дамбинов. В его интересных фольклорных записях много пословиц, скороговорок, благопожеланий, которые характеризуют особенности жизни и быта их носителей.

В 30—40-е годы произведения устной поэзии активно собирали известные бурятские фольклористы С. П. Балдаев, И. Н. Мадасон. Учителяствуя в разных местах с бурятским населением, они интересовались местными обычаями, обрядами, этнографией, фольклором. Их плодотворная работа по сбору и систематизации афористической поэзии бурят вылилась в последующем в сборники пословиц и поговорок.

Большой интерес представляет фольклорный материал Н. О. Шаракшиновой, собранный в Боханском районе Иркутской области. В ее записях 135 загадок, несколько десятков песен, пословиц, поговорок, записанных от известного бурятского улигершина А. А. Тороева и других сказителей.

Заметно оживилась работа по сбору произведений фольклора в 50—60-е годы. В разных районах Бурятской АССР, Иркутской и Читинской областей работают в эти годы фольклорные, лингвистические, этнографические экспедиции, в материалах которых упоминается немало произведений малых жанров устнопоэтического творчества.

Наиболее «урожайной» была фольклорная экспедиция в Хоринский район (1957 г.). Участницами этой экспедиции

З. Габеевой, Е. Доржиевой, О. Бадмаевой собрано большое количество пословиц, благопожеланий, особенно много загадок (свыше 600). Интересны песни, сказки, легенды, пословицы и загадки, записанные Т. М. Болдоновой от одаренных сказителей Д. Тагаровой и Р. Ц. Цырендоржиева из села Алан Хоринского района.

Плодотворной оказалась фольклорная экспедиция 1958 года в Баргузинский и Курумканский районы. Заслуживают внимания записи супругов Н. Б. и Д. Ц. Дугаровых, Д. Сабаевой.

В 1959 году фольклорные экспедиции работали в Тункинском и Окинском районах. Большой интерес для нас представляют записи Л. И. Борхонова, В. Ж. Мунконова, известного бурятского поэта Д. А. Улзытуева.

Участниками фольклорных, диалектологических экспедиций зафиксирован разнообразный материал по афористической поэзии в Агинском национальном округе. Так, К. Л. Малакшанов в Аге записал сотни пословиц и поговорок от разных по возрасту и профессии осведомителей. В списке исполнителей афористических произведений встречаются такие разные фамилии, как, например, известного бурятского писателя Жамьяна Балданжабона и служителя Агинского дацана Цыбикова.

Пословицы, записанные от Ж. Балданжабона, отличаются своим нравственно-поучительным звучанием. Например:

Бусалханһаа ама хүрэ,
Бууралһаа үгэ дуула.
Түргэн горхон адагта
хүрэхэ үгы,
Түргэдэһэн хүн түрүү
болохо үгы!

Сваренное отведай,
К словам седого прислушайся.
Быстрая речка до устья
не дойдет,
Невыдержанный человек
предводителем не станет.

Своеобразны по своему звучанию афоризмы в исполнении служителя Агинского дацана Цыбикова. Они в какой-то мере раскрывают натуру человека, причастного к религиозному культу. Например: «Буухые бурхан мэдэхэ, бусахые халхин мэдэхэ» — «Нисхождение ведомо бурхану, возвращение ведомо ветру» (инв. № 2720). Есть в его репертуаре и другие изречения, которые, наоборот, обличают власть бурхана — «всесильного»: «Холын бурханһаа дүтын шүдхэр дээрэ» — «Ближний черт лучше дальнего бурхана» (инв. № 2720).

Богатый материал по малым жанрам устного народного творчества бурят собран участниками фольклорной экспедиции в Кабанском районе в 1964 году. Большое количество песен (550), загадок (160), юролов, пословиц, поговорок записано Т. М. Болдоновой в улусе Ранжурово (к-з им. Карла Маркса). Собирательница отмечает, что «в советское время широкое развитие получили песни. Особенно много песен создано в первые годы Советской власти, в годы колхозного строительства и в годы Великой Отечественной войны. Перефразированы на новый

лад старые юролы, созданы или заимствованы некоторые новые загадки»².

В улусах Ранжурово, Хандала, Корсаково, Загза Кабанского района работал И. Н. Мадасон. Собиратель указывает: «Улигеры и сказки не бытуют. Загадки тоже забываются. С большим трудом мне удалось записать 120 загадок. Загадки все старые, из старого быта. Новых советских загадок нет»³.

Подобные наблюдения и выводы по свежим следам проведенных полевых работ, несмотря на разноречивость, помогают в какой-то мере судить о бытовании тех или иных жанров бурятского фольклора в различных районах Бурятской АССР, Читинской и Иркутской областей.

В изучение актуальной проблемы современного бытования бурятского фольклора существенный вклад вносят наблюдения и выводы членов фольклорной экспедиции 1977 года в МНР. Экспедиция в составе Е. В. Баранниковой, В. Ш. Гунгарова, С. С. Бардахановой и Е. Н. Кузьминой при сопровождении научного сотрудника Института языка и литературы АН МНР Х. Сампилдэндэва работала в Хэнтэйском и Восточном аймаках, где ныне проживают потомки агинских, хоринских, сравнинских, селенгинских бурят.

Членами экспедиции записаны интересные сказки, легенды, предания, пословицы, загадки и благопожелания. Среди знатоков афористической поэзии выделяются сказители Бадмацэрэнэй Доржоханда из Биндар сомона, Санжын Дулмажаб из Батширэта. Эти одаренные сказочники оказались великолепными знатоками-импровизаторами малых жанров бурятского фольклора.

Немалый интерес представляют для фольклористов загадки, пословицы, благопожелания, записанные от Базарын Дашанимы, Шагдарын Домшой из Батширэта Хэнтэйского аймака и Данжаагай Бата из сомона Баян Уула Восточного аймака.

В материалах Боханской, Тункинской (1954 год), Баргузинской (1961 год) диалектологических экспедиций содержатся сотни пословиц, поговорок, загадок и благопожеланий.

Рукописный отдел БФ СО АН СССР пополняется также фольклорными записями самодельных энтузиастов, любителей устной народной поэзии. Большую ценность представляют легенды, предания, сказки, а также произведения малых жанров — десятки юролов, около 200 пословиц, поговорок, 100 загадок, собранные П. Д. Банзаракцаевым в улусе Харгана Иволгинского района Бурятской АССР в 1959—1960 годах.

В РО БФ СО АН СССР хранятся материалы А. Н. Бальбурова, записанные у унгинских бурят: сказки, легенды, шаманские призывания, песни, произведения афористической поэзии. Довольно большое место в материалах А. Н. Бальбурова занимают загадки (свыше 100), пословицы, поговорки (91). Отдель-

ные афоризмы сопровождаются пояснениями и комментариями собирателя.

Определенная работа по сбору фольклорных материалов, в частности пословиц, загадок и благопожеланий, проводится педагогами-бурятоведами, а также собирателями-любителями. Однако работа собирателей-любителей все еще носит стихийный характер. Они не имеют единого руководящего, направляющего центра для систематической, планомерной организации сбора устнопоэтических произведений бурят. Недостаточен контакт между Домом народного творчества, Бурятским филиалом СО АН СССР, Минпросом, школами, который способствовал бы активизации собирательской деятельности.

Объединенные усилия фольклористов, педагогов, писателей, всех любителей народного творчества расширили бы возможности выявления интересных фольклорных материалов, новых имен сказителей, сказительских школ. Следовало бы организовывать различные семинары для собирателей и любителей устной поэзии с тем, чтобы знакомить их с методикой сбора и обработкой фольклорных материалов.

Знакомство с собранными в разные годы фольклорными материалами, с записями различных по возрасту, полу, профессии, образованию собирателей убеждают нас в том, что интерес к устнопоэтическому творчеству проявляется в среде и старых, и молодых, и очень юных. Не совсем одинаков, может быть, уровень их записей, качество оформления материалов, зато всех объединяет одна благородная цель: собрать жемчужины народного творчества, выявить знатоков устной поэзии и донести их до широких масс.

Активные поиски эффективных методов собирания народных произведений велись еще в 30-е годы, в пору, когда не было магнитофона, занявшего одно из центральных мест в экспедициях последних лет. Составлялись только опросные листы, которыми пользовались собиратели. Опросный лист включал свыше 30 вопросов, заданных с целью выявления сведений о сказителе, о произведениях, исполняемых ими, о преемственности фольклорной традиции, об аудитории, об ее интересе, проявленном к исполнению. Кроме того, сюда включались вопросы о составе населения, вероисповедании, роде хозяйства, о различных обрядах и обычаях.

Использование опросных листов в какой-то мере способствовало получению наиболее полных сведений о сказителях, о среде, в которой бытовали фольклорные произведения. Тем не менее паспортизация малых жанров при их записи оставляла желать лучшего. Если улигер или сказка обязательно даются с именами сказителей, с необходимыми сведениями о них, то этого нельзя сказать о малых жанрах бурятского фольклора. Очень часто пословицы и загадки в экспедиционных материалах встречаются без ссылки на осведомителей. Это, по-видимо-

му, объясняется определенным отношением собирателей к фиксируемому материалу. Они как бы подразделяют произведения фольклора на жанры крупные, требующие при записи большой серьезности, ответственности, и малые: загадки, пословицы, поговорки.

Знакомство с собранными в разные годы фольклорными материалами, а также наши непосредственные наблюдения в процессе полевых работ дают основание говорить о том, что афоризмы встречаются в речи людей как старшего поколения, так и молодежи. Не случайно, что в качестве осведомителей наряду с людьми старшего возраста названы совсем юные — школьники, даже дошкольники.

Богатый материал по афористической поэзии бурят, накопленный усилиями собирателей разных поколений, определенным образом систематизирован. Значительная часть его легла в основу опубликованных сборников.

Одним из основоположников бурятской литературы, великодушным знатоком устной народной поэзии Х. Н. Намсараевым в 1947 году был издан сборник «Бурят-Монголой оньһон үгэнүүд» («Бурят-монгольские пословицы»), в который вошли наиболее популярные в народе пословицы, в основном традиционные. Встречаются и новые изречения, отражающие советскую действительность. Пословицы даны в тематической классификации: о труде, о трудолюбии и лени, о дружбе и силе коллектива и т. д. — всего 15 тематических групп, объединяющих в общей сложности 649 пословиц. Нумерация дана по группам. В некоторых из них 150, 85 пословиц, в других — 17, 14.

Сборник Х. Намсараева является одним из первых изданий, в котором бурятские пословицы даны на языке оригинала в наиболее удобочитаемой и систематизированной форме. Поскольку сборник носит популярный характер, составитель обходится без ссылок на источники, откуда взяты публикуемые образцы. Нет примечаний, поясняющих принципы унификации пословиц, записанных, безусловно, в разных местах и от осведомителей, говорящих на различных диалектах. Познавательное и воспитательное значение сборника Х. Намсараева для своего времени огромно. И в настоящее время фольклористы, любители устной поэзии довольно часто обращаются к нему.

Наиболее полным изданием пословиц и поговорок является сборник «Бурят арадай оньһон, хошоо үгэнүүд»⁴ («Пословицы и поговорки бурятского народа»), составленный поэтом И. Н. Мадасоном, прекрасным знатоком устного народного творчества.

И. Н. Мадасон придерживается принципа тематического расположения материала, принятого за основу многими составителями. Даются отдельные варианты пословиц и поговорок, наиболее интересные, заслуживающие внимания. Не часто, но встречаются в сборнике повторения одних и тех же пословиц

в разных тематических группах, что оправдано неоднородным характером их идейного содержания. Примечательно, что составитель включил в данное издание пословицы современной эпохи.

Открывается сборник пословицами о В. И. Ленине, партии, о новой социалистической действительности. К сборнику предпослано введение составителя, поясняющее принципы отбора, классификации, расположения материала в книге; упоминаются имена осведомителей, от которых записаны издаваемые пословицы. Однако полного научного аппарата в сборнике нет. Тем не менее значение одного из полных собраний бурятских пословиц и поговорок трудно переоценить.

Следует отметить, что многие пословицы, поговорки упомянутых выше двух изданий и рукописного сборника, хранящегося в Рукописном отделе Бурятского филиала СО АН СССР⁵, переключаются между собой. Рукописный сборник, судя по сохранившемуся материалу, готовился к изданию Х. Н. Намсараевым, И. Н. Зандановым, С. П. Балдаевым, В. Л. Егоровым и И. Н. Мадасоном на двух языках (русском и бурятском), по-видимому, в 30—40-е годы. Сборник по каким-то причинам не был издан и хранится в настоящее время в РО БФ СО АН СССР. В нем 774 пословицы в оригинале и переводе. Пословицы и поговорки в рукописи даны по тематическим группам, в которых встречаются некоторые повторения. Уровень переводов недостаточно высок, есть неточности, допускается вольность.

В Рукописном отделе БФ СО АН СССР хранится сборник, составленный С. П. Балдаевым⁶. Многие пословицы переключаются с текстами упомянутых выше сборников, но есть и оригинальные изречения в записи составителя. Сборник готовился на двух языках, переводы с некоторыми комментариями принадлежат также С. П. Балдаеву.

Уровень переводов разный: одни очень удачно, предельно сжато, лаконично передают смысл оригинала, другие — отходят от него. Отмечаются разночтения и в бурятских текстах. Часть оригинального материала дана на литературном бурятском языке, некоторые тексты сохраняют диалектное звучание. В данном варианте сборника нет научного аппарата, сохранились лишь отдельные пояснения к словам, сделанные составителем на полях. Датирован сборник 1934 и 1942 годами.

Во второй половине 30-х годов бурятские ученые проявляли большой интерес к произведениям афористической поэзии. Научными сотрудниками ГИК, ГИЯЛИ делались неоднократные попытки издать сборники пословиц, поговорок, ими собраны и систематизированы тысячи текстов, наиболее популярных в народе. Именно в те годы зародилась идея двуязычного издания лучших образцов афористической поэзии бурят, которая

должна найти активную поддержку современных фольклористов.

В Рукописном фонде БФ СО АН СССР хранится сборник, составленный Харбасаровым (Н. С. Болдоновым). В него включены сказки, песни, загадки, благопожелания, шаманские призывания, пословицы, поговорки. Материал, собранный в разных местностях с бурятским населением, расположен в сборнике по районам. Есть комментарии, примечания составителя к отдельным текстам, которые даны в транскрипции, с переводом на русский язык. Часть загадок из этого сборника подготовлена к изданию и опубликована Д. Д. Амоголоновым и Г. Н. Румянцевым⁷. Бурятские тексты даны в современной графике. Русский перевод, выполненный самим Харбасаровым, оставлен почти без изменений, за исключением некоторых орфографических правок.

Ц. Б. Будаевым проделана огромная работа по подбору и систематизации адекватных пословиц и поговорок разных народов. В течение многих лет исследовательской, переводческой работы ему удалось собрать интересный материал, характеризующий аналогичные явления в афористических произведениях народов, живущих на различных континентах, выявить сходные по звучанию и смыслу пословицы и поговорки. Многолетний целенаправленный труд исследователя увенчался успехом. Так, в 1959 году им опубликован «Словарь русско-бурятских адекватных пословиц и поговорок»⁸, составленный по алфавитно-смысловому принципу.

В основу словаря легли пословицы, поговорки, изданные в разных сборниках, на страницах местных газет и журналов, рукописные материалы из фондов Х. Намсараева, А. И. Шадаева, а также и собственные записи составителя.

Ц. Б. Будаевым довольно удачно подобраны наиболее популярные в народе бурятские пословицы, к которым найдены соответствующие эквиваленты на других языках. Однако не все приведенные пословицы очень близко сходятся по смыслу. Некоторые из них обнаруживают лишь приблизительные аналогии. Поэтому такие пособия необходимы при выявлении адекватных пословиц и поговорок для сравнительного их изучения.

Ц. Б. Будаев пишет в предисловии: «Перевод русских пословиц и поговорок на бурятский язык представляет большие трудности. Дословный перевод таких выражений не дает впечатления афористичности и разговорной естественности вследствие различия их смысловых и стилистических оттенков. С точки зрения передачи эмоциональной окраски и содержания текста наибольший эффект имеет использование адекватного, близкого по смыслу, пословичного и поговорочного материала, существующего в языке, на который делается перевод»⁹.

Безусловно, мы не можем категорически отрицать применимость в некоторых случаях вместо переводов соответствующих

в другом языке эквивалентов пословиц и поговорок. Это возможно лишь тогда, когда не требуется точность в выражении или передаче смысла, содержания пословицы на другом языке. В таких случаях можно ограничиться ссылкой на сходное по смыслу пословичное выражение, которое существует на том или другом языке, и не прибегать к дословному переводу.

Однако это не значит, что для передачи «меткости, эмоциональности» следует пользоваться только адекватными пословицами и поговорками. Конечно, разным оказывается уровень переводов, так как переводчики различаются по опыту и подготовке. Тем не менее мы не можем отрицать удачные переводы произведений афористической поэзии, которые передают национальный колорит, тонкость смысловых и стилистических нюансов. Следовательно, целесообразнее сочетать в популяризации пословиц, поговорок переводческую работу с использованием эквивалентов.

Интересное начало по классификации и изучению адекватных пословиц, поговорок, заложенное в бурятоведении Ц. Б. Будаевым, было продолжено и расширено им. В результате в печати появилась вторая книга Ц. Б. Будаева «Адекватные пословицы и поговорки разных народов»¹⁰. В ней собраны аналогичные пословицы народов разных континентов. Среди них встречаются и бурятские пословицы, которые даны на языке оригинала и в переводе на русский. Материал в книге расположен по смысловому принципу.

К сборнику предпослано предисловие, в котором автор затрагивает проблемы частичного и полного совпадения афоризмов разных народов, относящихся к различным группам языков. Основу первой части предисловия составляет статья Ц. Б. Будаева «О семантических сходствах пословиц и поговорок разных народов», опубликованная им еще в 1960 году¹¹. В ней автор отмечает, что пословицы и поговорки разных народов проявляют сходство историко-типологическое, историко-генетическое и сходство, обусловленное заимствованием. Уместны в сборнике краткие сведения о малоизвестных языках, образцы которых представлены в книге. Разделы, не вошедшие в настоящую книгу, стали основой следующего сборника, изданного в 1969 году¹².

Сборник открывается предисловием составителя, в котором затрагиваются некоторые лингвистические наблюдения исследователя: «В составе пословиц и поговорок нередко встречаются устаревшие слова, малопонятные сочетания их. Раскрыть или уточнить семантику таких фразеологизмов, в частности бурятских, помогает сравнение их с аналогичными по содержанию пословицами и поговорками других народов»¹³. На конкретных примерах автор пытается доказать эту точку зрения. «В пословице: түргэн — түүхэй, удаан — даамай (досл.: быстро — сыро, медленно — надежно) — затемнено значение слов

түүхэй и даамай,— пишет исследователь.— Семантику этого выражения проясняет сопоставление его со сходными выражениями из других языков. Ср. русское: поспешишь — людей на-смесишь; японское, китайское: поспешность губит дело; бразильское: спешка — мать несовершенства; английское: поспешная работа — испорченная работа и т. д. Итак, значение этой бурятской пословицы таково,— заключает автор,— поспешность не приносит ничего, кроме вреда»¹⁴.

Возможно, где-то приемлемо такое объяснение смысла непонятных слов. На наш взгляд, вызывает сомнение целесообразность объяснения семантики данных бурятских слов на основе сходных пословиц на другом языке. Это, конечно, предмет специального изучения, но, по нашему мнению, для уточнения смысла тех или иных слов, выражений пословиц прежде всего следует основываться на арсенале того языка (или группы близких ему языков), на котором они возникли.

Те или иные непонятные слова в метких изречениях бурят могут быть объяснены какими-то архаическими, пережиточными явлениями, ушедшими в глубокую древность. Возможны и заимствования отдельных слов или выражений в пословице, но едва ли смыслом аналогичных изречений в других языках объясняется их суть. Попытка такого изучения может привести к неудачам, так как сходные по своему основному смыслу изречения народов оказываются разными в своих лингвистических деталях. Эти частности и детали могут порой оказаться причиной не совсем правильного объяснения отдельных слов или выражений.

В настоящем сборнике, завершающем большую работу Ц. Б. Будаева, значительно расширился по сравнению с предыдущими изданиями контингент народов, пословицы, поговорки которых представлены в названной книге. Сборник пополнился, в частности, изречениями латиноамериканских народов. Автор, как и в прежних работах, указывает в нем основные источники, комментирует отдельные слова, выражения. Все пословицы и поговорки, кроме бурятских, в этих двух сборниках даны только на русском языке, так как составителем использованы в основном переводные издания. В качестве источников Ц. Б. Будаевым привлекаются как академические, так и популярные издания, поэтому научная точность оригинального материала, в особенности переводов, разная.

Примечательно выявление автором типологически сходных материалов на общем арсенале пословиц и поговорок разных народов. Расположение адекватных пословиц различных народов по семантическим гнездам во многом облегчает исследовательскую работу фольклористов, работающих в этой области. Особенно отрадна попытка проведения аналогий бурятских пословиц и поговорок с меткими изречениями других народов.

Подобные сборники, изданные на русском языке, великолепно служат популяризации образцов афористической поэзии.

Наряду с пословицами Ц. Б. Будаев довольно успешно собирает и изучает загадки. В 1979 году им опубликована статья «О двух видах бурятских загадок»¹⁵, раскрывающая некоторое своеобразие жанра. В 1980 году издан научно-популярный очерк Ц. Б. Будаева¹⁶, посвященный загадкам монгольских народов. В очерке находим очень интересные наблюдения автора о сходстве калмыцких, бурятских, монгольских загадок, об их поэтике и языке; дана тематическая классификация материала.

Несомненно, такая работа, успешно начатая Ц. Б. Будаевым, должна быть активно подхвачена фольклористами, сотрудниками Рукописных фондов и архивов.

Со дня публикации первых сборников по афористической поэзии бурят и со времени подготовки рукописных сборников по пословицам прошли десятилетия, наполненные систематическими экспедиционными, полевыми сборами, лабораторными изучениями и исследованиями бурятского фольклора, что способствовало накоплению богатого фонда по малым жанрам. Частично этот богатый материал был положен в основу нового сборника пословиц и поговорок на бурятском языке «Онһон үгэ оностой»¹⁷. Сборник подготовлен Ц.-А. Дугар-Нимаевым, Б. Д. Даксановой, Р. Ж. Жалсановой под редакцией А. Б. Соктоева и Ц.-А. Дугар-Нимаева. В нем представлены лучшие образцы традиционных и новых пословиц и поговорок бурятского народа, хранящиеся в Рукописном отделе БФ СО АН СССР. Тексты пословиц и поговорок в сборнике распределены по тематическому принципу на двадцать разделов. Во вступительной статье обосновывается принцип отбора и расположения материала, дается общая характеристика богатейшего фонда бурятских пословиц, насчитывающего, по словам автора, свыше десяти тысяч текстов. В статье упоминаются новые записи, новые имена собирателей и информаторов.

Ц.-А. Дугар-Нимаевым, Б. Д. Даксановой, Р. Ж. Жалсановой подготовлен и издан на бурятском языке сборник загадок «Түмэн таабари», содержащий свыше четырех тысяч текстов. Данный сборник является одной из основательных публикаций текстов загадок, хранящихся в Рукописном отделе Бурятского филиала СО АН СССР.

Теперь со всей остротой назревает проблема двуязычного академического издания пословиц, поговорок, загадок, благопожеланий бурятского народа с обстоятельным предисловием, примечаниями, научными комментариями, а также монографических исследований этих жанров. В плане исследования афористической поэзии бурятскими учеными, фольклористами сделано уже немало.

В 1955—1958 годах М. П. Хамагановым опубликованы статьи по пословицам, поговоркам, загадкам, благопожеланиям¹⁸.

В них исследователь затрагивает отдельные проблемы, касающиеся жанровой специфики произведений афористической поэзии бурят. Вопросы возникновения, бытования, развития малых жанров фольклора шире и обстоятельнее рассмотрены им в работе «Очерки бурятской афористической поэзии»¹⁹. М. П. Хамаганов справедливо утверждает, что «богатство идей, мыслей, заключенное в народных афористических произведениях, необходимо раскрыть лишь изучая их в тесной связи с той исторической почвой, которая их породила, т. е. в неразрывной связи с жизнью народа, с историей общества»²⁰.

Верный этому принципу, исследователь рассматривает пословицы, поговорки, загадки, благопожелания на широком историческом фоне. В хронологической последовательности анализируются в монографии произведения афористической поэзии, начиная с эпохи общинно-родового строя до наших дней. Автор довольно убедительно показывает эволюцию пословиц, поговорок, загадок, благопожеланий в органической связи с изменяющейся действительностью, порождающей их.

М. П. Хамаганов выделяет три периода в развитии афористического творчества бурятского народа. К первому периоду он относит «афористические произведения, возникшие в давно-прошедшие времена, в эпоху первобытнообщинного строя, в эпоху его разложения и формирования патриархально-феодальных отношений, — с древних времен до середины XVII века, до присоединения Бурятии к России»²¹. Ко второму периоду исследователь относит произведения, возникшие после добровольного присоединения Бурятии к России. Для третьего периода характерны, по словам автора, произведения советской эпохи. Периодизация, принятая автором относительно всех малых жанров бурятского фольклора, на наш взгляд, выглядит в работе недостаточно убедительно. Во-первых, не совсем обосновано само деление афористического материала на названные выше три крупных периода. Во-вторых, думается, что, оперируя таким неоднородным материалом, включающим в себя пословицы, поговорки, загадки, благопожелания, следовало бы исходить из жанровых особенностей и специфики их реального бытования.

Не потому ли сам автор в четвертой главе этой же монографии прибегает к наиболее простой классификации благопожеланий. Бурятские благопожелания он делит на два периода: традиционные (дореволюционные) и благопожелания советской эпохи. Кстати, юролы, созданные на темы советской действительности, анализируются в работе шире, чем новые пословицы, поговорки и загадки, о которых автор говорит в монографии почти мимоходом.

Схематично характеризуется степень активности бытования в наши дни названных жанров бурятского фольклора. Не все проблемы и традиционной афористической поэзии рассмотрены

автором достаточно глубоко. Многие из них лишь сформулированы и поставлены в этой работе. Это и понятно. Работа М. П. Хамаганова «Очерки бурятской афористической поэзии» была одной из первых монографических исследований по малым жанрам бурятского фольклора, поэтому автор при всем желании не мог всесторонне осветить все вопросы.

На анализе фактического материала автор довольно убедительно сумел продемонстрировать тематическое разнообразие пословиц, поговорок, загадок, благопожеланий, их идейную направленность, специфику отображения в них конкретных исторических событий, жизненных явлений и т. д. Несомненна ценность данной монографии для фольклористов, исследователей и всех любителей народной мудрости.

В книге Н. О. Шаракшиновой «Бурятский фольклор», изданной в Иркутске в 1959 году, имеются разделы, посвященные пословицам, поговоркам и загадкам. На богатом фактическом материале автор показывает, что многообразная жизнь бурят в разные эпохи нашла специфическое преломление не только в крупных эпических произведениях, улигерах, сказках, но и в малых жанрах фольклора. Затрагивая сложные проблемы возникновения и происхождения пословиц, загадок, исследователь справедливо отмечает, что многие из них созданы в эпоху первобытнообщинного строя, в период классового неравенства бурят. Автор обосновывает эволюцию бурятских пословиц, поговорок, загадок, раскрывает их содержание, тематическое разнообразие.

Исследователь довольно убедительно говорит в работе о некоторых жанровых особенностях этих произведений, дает тематическую классификацию пословиц, поговорок, которая, на наш взгляд, является спорной. Н. О. Шаракшинова делит пословицы, поговорки на такие 4 группы: 1) социально-бытовые; 2) социально-политические; 3) пословицы, отражающие любовь к Родине; 4) мифологические. Приведенные ею пословицы, поговорки, загадки даны без ссылок на источники, поэтому трудно понять где, от кого они записаны, в каком фонде или архиве хранятся.

В работе, освещающей почти все жанры фольклора, Н. О. Шаракшинова не могла, к сожалению, всесторонне рассмотреть вопросы, связанные с малыми жанрами бурятского фольклора, но многие проблемы возникновения и бытования пословиц, поговорок поставлены ею и разрешены на высоком исследовательском уровне.

Некоторые вопросы смысловых, функциональных и синтаксических признаков бурятских пословиц и поговорок затрагиваются в статье Т. А. Бертагаева «Об устойчивых фразеологических выражениях»²², которые автор делит на две большие группы: фразеологические сочетания и фразеологические речения.

Пословицы, поговорки, афоризмы автор относит к фразеоло-

гическим речениям, которые по смыслу и функциям распадаются в свою очередь на следующие три группы: «1) фразеологические речения в прямом значении; 2) фразеологические речения в переносном значении; 3) фразеологические речения типа идиомов»²³.

Данные положения Т. А. Бертагаев обосновывает конкретными примерами, довольно удачно подтверждающими концепцию автора. По синтаксическим признакам исследователь делит фразеологические речения на «двусоставные, имеющие состав подлежащего и сказуемого, односоставные, имеющие состав одного сказуемого, иногда состав одного подлежащего. Кроме того выделяется группа речений, составленных из одних развернутых второстепенных членов предложения и выступающих в этой же роли, будучи включены в какую-нибудь целую фразу»²⁴.

Настоящая статья, как и последующие работы лингвистов, частично и фольклористов, рассматривающие наряду со смысловыми признаками пословиц и поговорок их структурно-грамматические особенности, представляет большой интерес в бурятоведении.

Вопросы художественной формы, поэтического и грамматического строя афористических произведений бурят, изучение которых робко начато нашими исследователями, призваны уже стать предметом специального изучения. Между тем мы еще до сих пор не имеем таких работ, кроме немногочисленных статей, одной из которых является доклад М. П. Хомонова на II научной конференции по изучению советского фольклора народов Сибири, проходившей с 6 по 10 июля 1965 года в г. Улан-Удэ.

М. П. Хомонов достаточно обоснованно раскрывает в статье художественно-изобразительные средства некоторых афористических произведений бурят, рассматривает параллелизмы, аллитерации, ритмическую организацию бурятских пословиц, поговорок, благопожеланий, поясняет особенности распределения ударений в произведениях афористической поэзии бурят.

Автор уделяет внимание художественно-поэтическим средствам, которые придают пословицам, поговоркам, благопожеланиям выразительность и красочность, говорит о сравнениях, гиперболах, которые «служат художественной обрисовкой предметов и явлений»²⁵. Затрагиваются некоторые вопросы выражения в пословицах, поговорках, благопожеланиях особенностей говора конкретных местностей. «Характерной чертой,— пишет он,— является сохранение местных выражений с лексическими особенностями, а также особенностями, отражающими быт, обычай, хозяйство... Для них характерен подбор местных слов и выражений, по которым можно определить их принадлежность к той или иной «племенной» группировке»²⁶.

Исследователь отмечает использование в афористических произведениях бурят заимствованных слов, употребляющихся

«как равноправная лексическая единица в создании художественных форм»²⁷. «Русские слова, так же как и бурятские,— пишет он,— входя в оформление пословиц, поговорок и благопожеланий, участвуют в аллитерированных стихах, рифмах и других ритмических построениях... Русские слова не просто заменяют отсутствующие в бурятском языке термины и понятия, но и выполняют стилистические задания, усиливают значение того или иного слова, то есть могут становиться художественными эпитетами, характеризую ту или иную сторону явления, в конечном итоге играя роль изобразительных средств»²⁸.

Говоря об интересных наблюдениях и выводах автора, следует остановиться и на отдельных противоречивых моментах в его суждении. Например, признавая эволюцию афористических произведений, творческий подход народа к ним, М. П. Хомонов приходит к неожиданному и не совсем логичному заключению: «пословицы и поговорки, созданные веками, в художественном отношении прошли отшлифовку и в настоящее время без изменения передаются из поколения в поколение»²⁹.

Если взять на вооружение такое утверждение автора, то пословицы, поговорки нужно рассматривать как застывшие явления афористической поэзии бурят, которые не подвергаются влиянию новой эпохи и изменившихся условий жизни. Однако же автор сам опровергает это, доказывая на примерах развитие, обогащение этих произведений.

В работе А. И. Уланова, посвященной древнему фольклору бурят, имеется раздел о пословицах, поговорках и загадках³⁰. Исследователь убедительно показывает органическую связь архаических афоризмов с древними воззрениями людей.

Анализируя конкретный материал, автор пишет: «Дошли до нас пословицы и поговорки, отражающие родовые отношения, обычаи и нравы, несмотря на то, что изменившиеся общественные отношения, хозяйственные занятия приводили к изменению содержания и смысла древних метких изречений»³¹.

А. И. Уланов говорит об особенностях отражения в пословицах, поговорках эпохи материнского рода и периода господства патриархальных отношений. Им выявлена специфика изображения в афористических произведениях бурят взаимоотношений людей в древнем коллективе, а также межродовых отношений. На наглядных примерах исследователь показывает, как метко пословицы передают «правовое положение члена рода, который мог поступать так, как все другие, но не мог нарушить обычаи и неписанные законы: «Кто оставил свой род, того даже на воде огонь уничтожит» («Уг түрэлөө алдаһан хүнийе түймэр уһан дээрэ эдихэ»). Такими были воззрения и обычаи, связывавшие коллектив воедино»³².

В работе дается характеристика отношения древних людей к огню, своему очагу. Выделены автором пословицы и поговорки, отражающие любовь к родине, к родному краю, которые

играют большую воспитательную роль и занимают достойное место в устнопоэтическом творчестве.

А. И. Улановым рассмотрены особенности загадок, которые «возникли в древнее время, когда господствовали оборотнические взгляды на окружающий мир, когда предметы казались людям живыми. Поэтому в основе архаичных загадок лежит принцип оживления «мертвой» природы, сравнение ее с жизнью человека, животных. Отсюда многие загадки имеют метафорический характер»³³. На веских и убедительных фактах основываются выводы исследователя о происхождении загадок, об отражении в них анимистических представлений древних людей. Удачно подобранные автором загадки характеризуют специфику «восприятия явлений природы и общества собирателями трав и охотниками»³⁴.

Названный выше раздел как органическая часть большой работы А. И. Уланова, раскрывающей особенности древнего фольклора бурят, имеет большое значение в изучении генезиса малых жанров устной поэзии нашего народа.

В статье «О бурятском советском фольклоре»³⁵ А. И. Уланов затрагивает вопросы эволюции произведений устной поэзии. Автор справедливо замечает, что «бурятское устнопоэтическое творчество прошло долгий и яркий путь. Начало этого пути мы видим в древних мифах и сказаниях»³⁶. Не вдаваясь в подробности анализа фольклорных произведений, бытовавших в разные эпохи, автор называет характерные особенности отражения в них изменений новой жизни, вызванных Великой Октябрьской социалистической революцией.

Отмечая разную степень гибкости различных жанров фольклора в изображении новых явлений действительности, автор выделяет наибольшую подвижность песен, которые одними из первых откликнулись на бурные события революции и строительства социализма. Эта мысль подкрепляется конкретными примерами, которые обосновывают утверждения исследователя. А. И. Уланов констатирует активность малых жанров фольклора в отражении явлений сегодняшнего дня. «Можно предполагать,— пишет ученый,— что пословицы, поговорки, благопожелания и в будущем будут существовать, возникать, главным образом, в устной форме»³⁷.

Далее, А. И. Уланов говорит о тенденции сближения литературы и фольклора в наши дни. Эта сложная проблема, сформулированная и поставленная исследователем, требует в дальнейшем специального изучения. Для того чтобы доказать степень сближения литературы с фольклором, требуется тщательное сравнительное изучение произведений поэтов, писателей и творений устной народной поэзии.

А. И. Уланову удалось в лаконичной форме показать, что многие традиционные жанры фольклора: сказки, улигеры, прославления, песни — обретают черты новой жизни. Изменяются,

по справедливому утверждению автора, язык, манера исполнения, содержание, поэтические приемы исполнителя. Причиной таких изменений и источником появления новых произведений автор считает изменившиеся условия жизни их создателей, мировоззрения народа, его художественно-эстетических вкусов, морально-этических норм.

В статье «Антиклерикальный фольклор Советской Бурятии» Е. В. Баранникова обоснованно говорит о все более возрастающей роли атеистической пропаганды, в которой достойное место занимают произведения устнопоэтического творчества. «Во многих произведениях устной народной поэзии Бурятии,— отмечает автор,— бурятских и русских пословицах и поговорках, сказках и песнях — отчетливо проводится убеждение, что для трудящихся масс (и русских, и бурят) в одинаковой мере ненавистны попы и монахи, ламы и шаманы. Беспощадная и остроумная сатира в них обличает лживость, тунеядство, а в целом — эксплуататорскую политику служителей культа»³⁸. Правоммерно утверждение Е. В. Баранниковой об активности и подвижности малых жанров бурятского фольклора, которые в общем русле атеистических произведений являются действенным оружием в борьбе с ламами, шаманами и остатками религиозных пережитков в народе.

Говоря об утверждающей новые воззрения и понятия силе советского фольклора бурят, исследователь отмечает и активность самих сказителей, которые оказываются в гуще современных событий. На ярком примере известного бурятского сказителя А. А. Тороева, посрамившего шамана своими импровизациями, Е. В. Баранникова затрагивает одну из характерных черт современных сказителей, которые своим творчеством служат общему делу строительства новой жизни и коммунистического воспитания трудящихся.

Интересные работы наших предшественников, а также богатейший материал по малым жанрам бурятского фольклора, собранный за годы Советской власти, подготовили возможность для дальнейшего изучения пословиц, загадок, благопожеланий. Тематическое богатство, многообразие собранного материала способствуют раскрытию ряда важных проблем и вопросов, касающихся жанровой специфики, идейного содержания и художественной формы афористических произведений.

Как творения устной поэзии пословицы, загадки и благопожелания содержат многие типичные, характерные для фольклорных произведений черты и свойства. В них, как и во всех жанрах устнопоэтического творчества бурят, находим совпадающие детали и компоненты, одинаковые образы и мотивы, устойчивые обороты, образные словосочетания, постоянные эпитеты, обусловленные общим жизненным материалом и единой языковой основой. В загадках, особенно в благопожеланиях, встречаются традиционные улигерные и сказочные формулы.

Отдельные виды загадок и благопожеланий обнаруживают сходство с песенным жанром. Близость их способствует передаче некоторых загадок и благопожеланий в песенной форме.

Особенно тесно связаны между собой пословицы, загадки и благопожелания. Одной из характерных особенностей этих жанров является их краткость в выражении определенной мысли. При предельной экономности словесных, художественных средств афористические произведения достигают высокой степени обобщения человеческой мысли.

Нередко отдельные тексты бурятских пословиц и загадок совпадают дословно. Некоторые звенья числовых загадок в процессе самостоятельного бытования переходят в пословицы. Активно происходит и обратный процесс: меткие изречения включаются в состав загадок и благопожеланий.

Пословицы, загадки и благопожелания бытуют в основном в стихотворной форме. Для большинства из них характерна аллитерация, которая часто сочетается с конечной рифмой.

Общим для пословиц, загадок и благопожеланий является использование идентичных изобразительных средств: эпитетов, сравнений, антитезы, тавтологии, синонимов.

Специфические черты пословиц, загадок, благопожеланий, выделившие их в самостоятельные жанры бурятского фольклора, требуют специального анализа и изучения, что и определило структуру нашего исследования. Работа состоит из трех частей, каждая из которых посвящена изучению одного из названных жанров. Объектом исследования первой части являются пословицы, второй — загадки, третьей — благопожелания.

Произведения исследуемых нами жанров рассматриваются в органической связи с духовной, материальной культурой бурят, с их обычаями и обрядами. Конкретный анализ пословиц, загадок, благопожеланий подчинен основной цели — раскрыть самобытность этих произведений, их социальную сущность, выявить их идейно-эстетическую ценность и художественное своеобразие.

¹ Рукописный отдел Бурятского филиала Сибирского отделения АН СССР (РО БФ СО АН СССР), инв. № 2720. В дальнейшем ссылки к изречениям, приведенным из РО БФ СО АН СССР, будут указываться в тексте только с указанием инв. №.

² РО БФ СО АН СССР, инв. № 3096.

³ Там же.

⁴ Бурят арадай оньһон, хошоо үгэнүүд. Улаан-Удэ, Бурядай номой хэблэл, 1960.

⁵ РО БФ СО АН СССР, инв. № 111.

⁶ РО БФ СО АН СССР, инв. № 286.

⁷ См.: Сборник трудов по филологии. Вып. 2. Улан-Удэ, Бурмонгиз, 1949, с. 120—125.

⁸ Будаев Ц. Б. Словарь русско-бурятских адекватных пословиц и поговорок. Улан-Удэ, Бурят. кн. изд-во, 1959.

⁹ Там же, с. 5.

- ¹⁰ Будаев Ц. Б. Адекватные пословицы и поговорки разных народов. Улан-Удэ, Бурят. кн. изд-во, 1962.
- ¹¹ См.: Краткие сообщения Бурятского комплексного научно-исследовательского института. Вып. 2. Улан-Удэ, 1960, с. 111—117.
- ¹² См.: Будаев Ц. Б. Адекватные пословицы и поговорки разных народов. Улан-Удэ, Бурят. кн. изд-во, 1969.
- ¹³ Там же, с. 3.
- ¹⁴ Там же, с. 4.
- ¹⁵ См.: Краеведение Бурятии. Улан-Удэ, Бурят. кн. изд-во, 1979, с. 189—192.
- ¹⁶ См.: Будаев Ц. Б. Загадки монгольских народов. Улан-Удэ, Бурят. кн. изд-во, 1980.
- ¹⁷ Онһон угэ оностой. Улаан-Удэ, Буряадай номой хэблэл, 1979.
- ¹⁸ См.: Художественные особенности бурят-монгольских пословиц.— Зап. БМНИИК. Вып. XX. Улан-Удэ, 1955; Бурят-монгольские поговорки.— Уч. зап. БМГПИ им. Д. Банзарова. Вып. IX. Улан-Удэ, 1956; Бурят-монгольские загадки-триады.— Уч. зап. БМГПИ им. Д. Банзарова. Вып. XI. Улан-Удэ, 1957; Бурят-монгольские загадки (опыт исследования).— Сб. тр. по филологии. Вып. III. Улан-Удэ, 1958; Советские бурятские благопожелания (юролы).— Тр. Кяхт. музея краеведения им. В. А. Обручева и Кяхт. отдела Геогр. об-ва СССР. I.XVII, вып. I. Кяхта, 1958.
- ¹⁹ Хамаганов М. П. Очерки бурятской афористической поэзии. Улан-Удэ, Бурят. кн. изд-во, 1959.
- ²⁰ Там же, с. 5.
- ²¹ Там же, с. 7.
- ²² См.: Сборник трудов по филологии. Вып. II. Улан-Удэ, Бурмонгиз, 1949, с. 64—119.
- ²³ Там же, с. 111.
- ²⁴ Там же, с. 111.
- ²⁵ Роль фольклора в коммунистическом воспитании. Улан-Удэ, Бурят. кн. изд-во, 1967, с. 209.
- ²⁶ Там же, с. 211—212.
- ²⁷ Там же, с. 212.
- ²⁸ Там же, с. 213.
- ²⁹ Там же, с. 210.
- ³⁰ См.: Уланов А. И. Древний фольклор бурят. Улан-Удэ, Бурят. кн. изд-во, 1974, с. 18—25.
- ³¹ Там же, с. 22.
- ³² Там же, с. 19.
- ³³ Там же, с. 24.
- ³⁴ Там же, с. 25.
- ³⁵ См.: Роль фольклора в коммунистическом воспитании, с. 22—31.
- ³⁶ Там же, с. 22.
- ³⁷ Там же, с. 29.
- ³⁸ Там же, с. 198.

ГЛАВА I

ПОСЛОВИЦЫ — ОНЬОН УГЭНҮҮД

ПРОИСХОЖДЕНИЕ БУРЯТСКИХ ПОСЛОВИЦ

Пословицы и поговорки являются одним из популярных жанров устной поэзии бурят, неотъемлемой частью их духовной культуры и речевого богатства. Они представляют собой логически завершённые, грамматически отшлифованные меткие изречения, которые в очень сжатой и четкой форме выражают жизненные, реальные наблюдения людей, их нравственные, эстетические оценки и содержат полезные советы, поучения, различные суждения, выводы о вещах и явлениях многообразной действительности. «Вообще пословицы и поговорки,— писал А. М. Горький,— образцово формируют жизненный, социально-исторический опыт трудового народа...»¹.

В живой разговорной речи люди активно пользуются пословицами с тем, чтобы убедительно и четко выразить, сформулировать определенную мысль при наименьшей затрате слов, придать весомость фразе, подтвердив собственное высказывание народной мудростью.

Сам народ, создавший многочисленные пословицы и поговорки, дает им очень высокую оценку, выражая ее в тех же афористических образцах: «Хуушан хүүртэ худал үбэй, худаги оёрто загаһан үбэй» — «В старинных словах неправды нет, на дне колодца рыбы нет» (инв. № 1587); «Хуушан хүүр хубсаһа һандааха» — «Старинные слова одежду перетрут» (инв. № 2967).

Тематическое богатство пословиц и поговорок определяется многообразием жизненного материала, ставшего основой этих произведений. Пословицы неразрывно связаны с жизнью и бытом их творцов и носителей, поэтому на основе пословичного материала можно проследить своеобразие отражения в них различных исторических периодов, событий, характерных особенностей труда и быта людей в разные времена.

При изучении исторического развития бурятских пословиц и поговорок вполне естественно возникает вопрос об их проис-

хождении как жанра, так и отдельных образцов. Проблема генезиса афористических произведений является одной из важнейших и малоисследованных проблем в бурятской фольклористике, требующей специального исследования. Не претендуя на полноту освещения всех вопросов, связанных с возникновением бурятских афоризмов, попытаемся изложить наши выводы, к которым мы пришли в процессе непосредственного изучения богатого пословичного материала.

Анализ идейно-художественных особенностей бурятских пословиц и поговорок показывает, что как произведения словесного искусства они органически связаны с исторической действительностью, являются отражением реальной жизни и мировоззрения людей разных эпох. Изучение конкретных текстов позволяет говорить о том, что многие пословицы и поговорки возникли в глубокой древности, в процессе непосредственной трудовой деятельности людей.

Известно, что на раннем этапе развития человеческого общества одним из основных средств существования людей была охота, особенностью которой нашли широкое отражение в произведениях народного творчества бурят, в частности в пословицах и поговорках. В них в обобщенной форме выражены разные стороны охотничьего процесса:

Абатан төбшөни зангаар,
Архинша сөншөни зангаар.
(Инв. № 1587).

Облавшики — по примеру
разводящего,
Выпивающий — по примеру
разливающего.

В течение определенного времени одним из основных орудий наших предков были лук и стрела, которые воспеты во многих жанрах устнопоэтического творчества бурят, в том числе в пословицах и поговорках. Например:

Һомоо харбаад, номоо нюугаа.
(Инв. № 111).
Хадада харбаһан һомо олохо
үбэй
Харида өгөһөн басаган олохо.
(Инв. № 111).

Пустив стрелу, лук запрятал.
Стрела, пущенная в гору, не
находится,
Девушка, выданная (замуж) в
чужой род, найдется.

В те давние времена, когда охота была важным источником добывания жизненных средств, люди большие надежды возлагали на таежный мир, обеспечивающий людей продуктами и одеждой. Поэтому не случайно пословица гласит: «Тайга баян, табар тарган» — «Тайга богата, изобильна» (инв. № 111).

Человек, благодарный природе за ее милость одаривать его, очень тепло говорит о ней:

Тэнгэрийн өгөсөн тэбхэр,
Газарын өгөсөн галбагар.
(Инв. № 111).

Что небом дано, приметно,
Что землей дано, обширно.

В процессе охотничьей практики складывались различные изречения, характеризующие отдельные повадки и особенности зверей:

Арсалани баатар үнэгэндэ туса	Храбрость льва лисе
үгэй,	бесполезна,
Үнэгэни уран арга арсаланда туса	Хитрость лисы льву
үгэй.	бесполезна.

(Инв. № 111).

В период определяющей роли охотничьего промысла в жизни людей активно рождались изречения о природе, о ее разнообразных особенностях, о взаимоотношении человека с окружающим миром.

У истока своего зарождения пословицы и поговорки были тесно связаны с жизнью, бытом древних людей, выражали их конкретные соображения, основанные на непосредственных трудовых и жизненных наблюдениях. Однако такие частные выводы, связанные с определенными жизненными и природными явлениями, постепенно отходили от конкретных событий, переходили в область абстрактных логических суждений, выражающих общее, характерное для всего коллектива или общества умозаключение. Передаваясь из уст в уста, они постепенно закреплялись, шлифовались, обретали устойчивость, не утрачивая при этом своей органической связи с той эпохой, которая способствовала их возникновению. Во многих мудрых изречениях бурят и в настоящее время находим следы далекого прошлого.

Само появление афоризмов в глубокой древности было связано с интересами, характером, потребностью первобытного общества, нуждавшегося в своеобразном лаконичном оформлении важных жизненных явлений. В те давние времена, когда не было письменности, афористические выражения играли важную роль, в весьма устойчивой, сжатой, краткой форме передавая основные положения нравственных, этических и эстетических норм человеческого общежития. Они были своеобразным сводом неписаных законов древнего общества. Об этом в какой-то мере свидетельствуют дошедшие до нас пословицы и поговорки нравоучительно-назидательного характера. Взятые в комплексе, они могут характеризовать основные правила морали, выработанные в разные эпохи, но в силу их общечеловеческого смысла не потерявшие своего значения и в наши дни.

Каждая эпоха вносит свои коррективы в пословицы и поговорки, созданные предыдущим поколением. Но краткость, лаконичность и ритмичность афоризмов способствовали наиболее легкому запоминанию и передаче их в дальнейшем без особых изменений. В силу этого афористические выражения по сравнению с другими жанрами, особенно эпическими, оказались наименее подверженными влиянию нового времени. Это способствовало тому, что в настоящее время мы располагаем множе-

ством афоризмов, характеризующих глубокую древность, сохранивших многие архаические моменты. Тем не менее под влиянием различных социальных изменений вносятся некоторые новые элементы в звучание традиционных афористических выражений.

В пословицах и поговорках, как и в произведениях других жанров бурятского фольклора, нашли отражение взгляды людей различных исторических эпох, в них запечатлены почти все крупнейшие события в жизни народа с далеких времен до наших дней. Следовательно, одним из основных источников бурятских пословиц, поговорок является историческая действительность, реальная жизнь, хозяйственная, трудовая деятельность народа.

Источником возникновения некоторых пословиц и поговорок служат различные обряды бурят, которые своими корнями уходят в глубокую древность. Издавна у бурят существовал обычай испытания жениха. Об этом свидетельствуют не только этнографический материал, но и многочисленные фольклорные произведения, в которых говорится об испытании ума, смекалки, находчивости, силы и меткости жениха:

Хүригэн хөбүүн хүшөө үзүүлхэ,
Хүрэгшэ үнээн шимээ үзүүлхэ.
(Инв. № 111).

Зять должен силу (свою)
показать,
А буренушка — (свою)
упитанность.

В прошлом, когда среди бурят была очень высокая смертность, особенно среди детей, родители новорожденного прибегали к различным средствам, чтобы сохранить своего малыша, уберечь его от болезни и смерти. Они обращались к помощи шаманов, прибегали к разным формам оберегов. Например, в некоторых местах существовал негласный закон, по которому не следовало заходить после заката солнца в тот дом, где родился ребенок, особенно женщинам. В качестве оберегающего предмета от всяких «нечистых духов» служил нож, воткнутый с верхней внутренней стороны в косяк двери. Иногда в люльку клали завернутый порох, чтобы «злые духи» не приближались к ребенку. Сам факт рождения ребенка, по-видимому, когда-то тщательным образом скрывался. Поэтому у бурят не принято было заранее что-то готовить ребенку, чтобы не привлечь внимания нечистых сил.

В результате таких запретов, табу, совершаемых в период ожидания ребенка, возникла, по-видимому, пословица:

Төрөө үгы хөбүүндэ
Төмөр өлгы бэлдэдэггүй.
(Инв. № 286).

Ребенку, еще не родившемуся,
Железную люльку не готовят.

Подобные пословицы встречаются и у других народов. Например, у якутов: «Төрүү илик олого биһик онорбукка дылы» —

«Подобно тому, как сделать зыбку для неродившегося ребенка»²; у калмыков: «Һарад уга куукдт төмр өлгө кенө» — «Делают железную люльку еще не родившемуся ребенку»³. У бурят немало пословиц, основанных на их свадебных обрядах. Сватам на свадьбе обычно преподносили почетное блюдо — төөлэй — сваренную голову домашнего животного, чаще баранью, о чем гласит пословица: «Төөлэй түрэдэ хүндэтэй, төөдэй нютагтаа хүндэтэй»⁴ — «Төөлэй на свадьбе почетна, бабушка в улусе почетна». Сватье в качестве почетного блюда подавали сваренную в желудке кровь, что также нашло определенное выражение в пословице: «Хотойн шуһан худагын, хоторгойн шуһан эжэнэй»⁵ — «Сваренная в желудке кровь — сватье, сваренная в кишке — хозяевам».

У всех монгольских народов популярна пословица, которая на бурятском языке звучит так: «Хуримда хубхай толгой мухараа» — «На свадьбе обглоданный череп валется» (инв. № 111), на калмыцком — «Хурм гихлэ хумха толһа өмкрж» — «При слухе о свадьбе катятся сухие (пустые) головы»⁶.

В. Л. Котвич дает следующее пояснение данной пословице: «Здесь разумеются легкомысленные люди, которые руководствуются неосновательными слухами»⁷. А. Кичиков таким образом комментирует эту пословицу: «Свадьба редкое явление в однообразной жизни кочевников, поэтому стремятся попасть на веселье, даже высохшие черепа (мертвые головы) приходят в движение и катятся туда, где играют свадьбу»⁸.

Смысловой основой данной пословицы могли послужить, на наш взгляд, разные обстоятельства.

Во-первых, пословица, возможно, связана с культом почитания предков. Любая традиционная свадьба бурят не обходилась без молебственных церемоний, посвященных духам умерших предков, способных, по древним воззрениям, покровительствовать молодоженам. Их предполагаемое незримое присутствие на свадьбе могло найти подобное выражение в пословице.

Во-вторых, в некоторых бурятских улусах существовал обычай, при котором сопровождающие свадебный поезд бросали по пути «именное мясо» — сэмгэ — полую трубчатую кость, үбсүү (грудинку). Возможно, бросали и голову, что и послужило основой для выражения «толгой мухарина».

В-третьих, вполне допустимо и буквальное понимание смысла данной пословицы: «множество обглоданных голов», преподнесенных гостям на свадьбе в качестве «төөлэй». При всех разночтениях данной пословицы ясно одно, что она органически связана с определенным свадебным обрядом.

Источником возникновения афоризмов служили и произведения других жанров бурятского фольклора. В общем арсенале просмотренных нами пословиц и поговорок немалое количество обнаруживает генетическую связь со сказками. Пословица «Бухын дорхиин тасаржи унахын хүлеэжэ, үнэгэн туража үхэ-

бэ» — «Ожидая, когда оторвется частичка от быка, лиса с голоду подохла» произошла от сказки о быке, перехитрившем изворотливую лису. Иногда в самих сказках дается объяснение происхождению тех или иных афоризмов. Например, возникновение пословицы «Нүгэлын нюдэндөө, шэбэлын шэхэндээ» — «Грех в глазах, порок в ушах» сказка объясняет таким образом: «Подружились лисица, волк и ворон. Стали жить вместе. Однажды лисица в поисках еды нечаянно попала в капкан. Ворон узнал об этом, прилетел к лисице и говорит: «Да, сестричка, ты попала в трудное положение. Для того чтобы выбраться, ты должна притвориться мертвой. Хозяин этого капкана меткий охотник. Когда он придет, я подам тебе знак, а ты убегай».

Приезжает хозяин капкана. За спиной у него лук со стрелой. Увидел он мертвую лису, обрадовался и с улыбкой сошел с коня. Освободил лисицу из капкана, вытащил кисет с трубкой, набил его табаком и начал высекать огонь.

В это время ворон, пролетая над ним, закаркал. Притворившаяся мертвой лиса вскочила и побежала к роще, нырнула туда — и пропала. Рассердился охотник, бросил кисет с трубкой, схватил лук и выстрелил вслед лисице. Но стрела попала не в лисицу, а в волка, который ждал, когда она подохнет в капкане».

Сказочного происхождения и пословица «Нохой нагаса ноён зээтэй» — «У дяди-собаки племянник — нойон». Сказка, на почве которой появилось это афористическое выражение, до сих пор популярна в народе. Она своими корнями уходит в древние времена, когда люди ко всем окружающим живым и неживым существам относились как к своим братьям. На основе этих воззрений у них появились различные понятия о царстве лягушек, змей, собак, которые представлялись им очень похожими на человеческий коллектив.

В один из таких обособленных коллективов, в частности в «собачье царство», попадает женщина. Она становится женой предводителя этого царства. У них появляется сын, который, возмужав, перебежал к людям и стал впоследствии большим нойоном. Его частичную принадлежность к «собачьему царству» подчеркивает приведенная выше пословица, которая в нескольких словах обобщает основной смысл сказочного повествования.

Пословицы и поговорки могут вытекать из отдельных мотивов, эпизодов, из каких-то выражений, фраз сказок. Иногда они создаются как лаконичное обобщение всего сюжета, как сжатый, краткий вывод из всего повествования.

Некоторые пословицы и поговорки, по-видимому, своим происхождением обязаны легендам. Например, пословицы: «Тэмээн ехэдээ найдаад, жилээс хожидобо» — «На величину надеясь, верблюд в год не попал» (инв. № 286); «Егшэ тэмээн

елһээн гараа» — «Притворный верблюд из года вышел» (инв. № 111) — возникли на основе легенды, объясняющей происхождение отдельных наименований годов. В частности, в них говорится о том, какмышь попала в наименование годов, поскольку лежала на переднем склоне горы и первой увидела восход. А верблюд, надеясь на свой громадный рост, стоял на северном склоне горы и пропустил восход солнца, а потому, подчеркивает легенда, и не попал в цикл годов.

Данные пословицы, довольно популярные в народе, употребляются в наши дни обычно в иносказательном смысле. В разговорной речи людей часто приходится слышать эти пословицы в значении: не хвались физической силой, мощью, а полагайся на разум.

Пословица «Барилгада ерэхэн Баяндай, олзодо ерэхэн Ользон» — «В плену найденный Баяндай, найденным прибывший Ользон» основана также на легенде.

Легенд, объясняющих происхождение Баяндая и Ользона, несколько. Остановимся на одной из них, записанной от А. С. Холхоевой в с. Гахан Эхирит-Булагатского района Иркутской области. В легенде говорится о том, как войска из рода сэгээнүүд напали на другой род и увели оттуда двух замужних женщин. После долгого и утомительного пути захватчики расположились на отдых. Чтобы пленницы не убежали, их привязали. Когда все заснули, одна из женщин вытащила из кармана ножницы и перерезала веревки. Так женщины вырвались из плена. Они благополучно вернулись домой, а через некоторое время у обеих родились сыновья. Одного из них называли Барилгада ерэхэн Баяндай, а другого Олзодо ерэхэн Ользон.

На наш взгляд, пословица «Архи арбан гурбан ёлоотой»⁹ — «У вина тринадцать поводов» возникла также на основе популярной легенды, объясняющей первоначальное создание людьми вина — архи, в котором собрано тринадцать, а в некоторых вариантах десять различных зол: мунхаг, тэнэг заанай шүлһэн, хорото могойн хэлэн, галзуу нохойн шүлһэн, үхээр эдигшэ шонийн нюдэнэй сэсэгы, галзуу арсаланай сагаан тархи, хорото зүгэйн бал, юһэн бөөгэй яһанай сэмгэн, үхэгээрэ бэе (үхэхэн хүнэй), эмэ арагшин умайн шуса — слюна бешеного слона, жало ядовитой змеи, слюна бешеной собаки, зрачок волка, съевшего пададь, мозг бешеного льва, мед ядовитой пчелы, костный мозг девяти шаманов, труп умершего человека и т. д.

Пословица «Хара гүрөөһэн бөөдэ элюутэй» — «Медведь выше шамана» появилась, по всей вероятности, из мифологического повествования, в котором говорится о том, что медведь вполне разумно может бросить вызов охотнику, оставив царяпину на дереве пихте. Если охотник хочет сразиться с медведем, он делает знак на пихте выше этой метки. Такое дерево называлось «баабгайн онголһон модон» (дерево, освященное медведем). По древним воззрениям людей, шаман должен был

брать кору пихты — (жодоо) только с этого дерева. Поэтому в старину считалось, что медведь выше шамана¹⁰. Данное выражение, постепенно открепляясь от своей первоосновы, приобретало самостоятельность. Оно часто встречается в живой разговорной речи бурят.

Почвой для возникновения некоторых пословиц и поговорок явились устные рассказы бурят. Пословица «Бүүргэдэ бөхыхэ, хабтасанда хатаха» — «На луках седла — сгорбятся, на его досках — иссушатся», по сведениям собирателей и осведомителей, возникла на основе устного рассказа на тему казацкой жизни. «Когда селенгинским бурятам от имени царского правительства раздавали луки со стрелами для зачисления их в казачье сословие, из двух братьев один опоздал к сроку раздачи и приехал домой со слезами. Тогда старик ему сказал: «Не горюй, сынок, те, которые их получили, на луках седла сгорбятся, на его досках иссушатся»¹¹. С тех пор прошло много времени, но это изречение, обретшее независимость в своем бытовании, и в наши дни пользуется в народе популярностью.

Һэнгэлдэрэй басагад
Һэндэгэр һандагар,
Шонойн басагад
Шубуу галуундли¹².

Девушки Һэнгэлдэра
Неопрятны, неуклюжи,
Шоноевские девушки,
Как птицы, как гуси.

Эта пословица основана на следующем устном рассказе: «Когда рано утром приехали сваты из рода шоно, чтобы посмотреть на невесту из рода Һэнгэлдэр, они застали девушек в весьма неприглядном виде. Те не успели еще привести себя в порядок: умыться, одеться, причесаться. Сваты, не довольные этим, неслестно отозвались о них». В результате появилась пословица, которая бытует и в настоящее время, выполняя самостоятельную функцию.

Говоря о том, что та или иная пословица возникла из какой-то сказки, легенды или устного рассказа следует учитывать и обратный процесс. В эпических жанрах устнопоэтического творчества находим большое количество афоризмов, которые при умелом использовании для лаконичной характеристики определенных моментов повествования становятся органической частью улигера, сказки или легенды. Поэтому не всегда возможно безошибочное определение: или афоризм возник на основе какого-то эпического произведения, или пословица, получившая большую популярность в народе, использована в различных эпизодах сказок, легенд, устных рассказов. Возможно то и другое.

Тем не менее конкретное изучение пословиц и поговорок в живом бытовании, по записям разных лет, непосредственное знакомство с комментариями, замечаниями, наблюдениями собирателей бурятского фольклора позволяет сделать определенные выводы по происхождению некоторых афористических вы-

ражений от отдельных произведений эпического, повествовательного жанра.

Некоторые афористические творения словесного искусства возникли на основе определенной характеристики той или иной конкретной ситуации или конкретной личности. В процессе своего дальнейшего употребления они абстрагируются, открепляются от прототипа, от конкретного человека. Остается лишь главный смысл, какой был вложен в основу первичного выражения, ставшего впоследствии афоризмом: «Орогуй аад лэ, Онёонии голобо» — «Не имея кровати, Онею забраковал» (инв. № 2932 (2)). «Эта пословица, — подчеркивает собиратель П. Д. Банзаракцаев, — характеризует высокомерного человека, который не располагая ничем, все-таки считал себя выше девушки по имени Онеон»¹³. Приведенное выражение, по свидетельству фольклорных записей разных лет, обрело популярность и употребляется в настоящее время в значении, осуждающем спесивых людей, пренебрежительно относящихся к другим. Такое же происхождение, по-видимому, имеют и две другие пословицы: «Бодожо ядажа байгаад Босхоолдо дура-тай»¹⁴ — «Еле встает, а влюблена в Босхола»; «Бодоо үгээд, Босхоолдо ханаатай»¹⁵ — «Не встает, а рассчитывает на Босхола».

От прекрасного знатока народной старины Д. А. Булытовой, проживающей в с. Кырен Тункинского района, нами в 1972 году записано много загадок, песен и пословиц. Вот одна из них: «Нэрэнь минии, нэтэрынь Дарма абгайн» — «Имя-то мое, а упорство дяди Дармы».

В полевых записях не только в Тункинском, но и в других районах республики, в Иркутской области находим разные варианты этой пословицы: «Нэрэнь минии, нэтэрынь зоной» — «Имя-то мое, настойчивость народа»; «Нэрэнь минии, нэтэрынь танай» — «Имя-то мое, а упорство ваше». Не исключена возможность, что в процессе дальнейшего развития некоторые изречения утрачивают имя конкретного человека, о котором раньше говорилось, на смену ему приходят обобщающие понятия: «та» — «вы», «зон» — «люди».

Некоторые пословицы и поговорки связаны с именами исторических личностей. Например, в иносказательном смысле встречается выражение «Шэнгэс хаанай шэлгээн, Бошогто хаанай буһалгаан» — «Смута — при Чингис-хане, волнение — при Бошогто-хане» (инв. № 2979).

По своему значению, жанровым особенностям, частично по происхождению, пословицы и поговорки разных народов сходны между собой. Путем сравнительно-исторического анализа конкретных пословиц и поговорок можно выяснить, чем вызвано сходство афористических выражений или отдельных их мотивов.

«При сходстве или единстве бытовых и психологических

условий на первых стадиях человеческого развития,— пишет А. Н. Веселовский,— такие мотивы могли создаваться самостоятельно и вместе с тем представлять сходные черты»¹⁶. Так, русской пословице «Скоро пойдешь — ногу ушибешь» вполне соответствует бурятская пословица «Түргэдэжэ ябаһаар түриигээ һэтэ гэшхэхэ», т. е. поспешишь — голенище себе изорвешь, татарская — «Спешащая нога скоро спотыкается», узбекская — «Скоро бегущий скоро устанет», марийская — «Торопливая работа вкривь идет», белорусская — «Скорый поспех людям на смех», китайская — «Поспешность губит дело...»¹⁷.

Приведенные пословицы различных народов, близкие по своему смыслу и звучанию, могли возникнуть на основе сходства мышления в одинаковой исторической обстановке независимо от культурных связей и территориальной близости их носителей.

«Разумеется, когда мы говорим о повторяемости и преемственности в типологическом смысле,— пишет Б. Н. Путилов,— то имеем в виду, что речь не может идти о каком-то нивелировании особенностей и что процесс в рамках каждого этноса по своему неповторим. Здесь очень важно нам искать границы, меру, возможности типологических соотношений»¹⁸.

Пословично-поговорочные параллели, встречающиеся у отдельных народов, объясняются и генетической общностью. В арсенале пословиц и поговорок родственных народов — монголов, бурят, калмыков — находим много сходных изречений: а) «Лучше сегодня легкие, чем завтра жир». «На монгольском языке это изречение звучит так: «Өглөө идэх өөхнөөс өнөө идэх уушиг дээр». На бурятском языке: «Үглөө эдихэ өөхэнһөө, мүнөө эдихэ уушхан дээрэ». На калмыцком языке: «Мангадурка өөкүнээсү эндүркэ оошка дээрэ»; б) «Гнев человека измучает, гора коня измучает». На монгольском языке это звучит так: «Уур бие зовооно, уул морь зовооно». На бурятском языке: «Уур бэе зобоохо, уула мори зобоохо». На калмыцком языке: «Уур бие зобаадаг, уула мори зобаадаг»¹⁹.

Такие пословицы, которые близки по своему звучанию и структуре в русле других сходных устнопоэтических произведений, подчеркивают общность происхождения культуры этих народов, их совместную жизнь в древности.

Сходство пословиц и поговорок обусловлено и культурно-экономическими связями народов, способствующими их длительному духовному общению, взаимовлиянию, взаимопроникновению и заимствованию устнопоэтических произведений, в том числе и афоризмов. В репертуаре бурятских сказителей бытует много сказок, загадок, пословиц, заимствованных из фольклора других народов. Например, наряду с оригинальными бурятскими изречениями, у нас активно бытуют афоризмы дружественного русского народа. Многие из них характеризуются интернациональным звучанием. Общность исторической жизни

русских и бурят, их давняя дружба, постоянное общение стали благодатной основой взаимного усвоения ими мудрых народных изречений. Афоризмы, перенятые бурятами из языкового богатства русских, на национальной почве обретают некоторые черты и особенности их пословиц и поговорок, не утрачивая при этом органической связи с основой своего первоначального возникновения.

Основная мысль изречения всегда остается, несмотря на незначительные языковые, структурные изменения. Например: популярная русская пословица «Не имей сто рублей, а имей сто друзей» звучит у бурят в разных вариантах: «Зуун түхэригтэй байнхаар, зуун нүхэртэй байхан дээр» — «Чем иметь сто рублей, лучше иметь сто друзей» (инв. № 2754 (1); «Зуун солхообооон зуун нүхэр дээр» — «Сто друзей лучше ста рублей» (инв. № 2840); «Олон малтай ябанхаар, олон нүхэдтэй ябахан дээр» — «Чем иметь много скота, лучше иметь много друзей» (инв. № 2972). Последний пример говорит о том, что заимствованное изречение, сохраняя свое основное значение, вобрало некоторые элементы, являющиеся отражением хозяйственной (скотоводческой) жизни бурят.

Русской пословице «Пьяному море по колено» соответствуют такие бурятские изречения:

Ногтууда далай үбдэгсөө,
Тэнэгтэ тэнгэр ойро²⁰.

Пьяному море по колено,
Дураку небо близко.

Таким образом, заимствованные пословицы и поговорки, в основном отвечающие интересам народа, принявшего их, или переработанные, переосмысленные соответственно его потребностям, пополняют арсенал афористических произведений национального фольклора. Активно бытуя в общем русле образных и метких изречений бурят, они дают богатый материал для сравнительно-сопоставительного исследования и для изучения их дальнейшей эволюции.

Говоря о том, что пословицы и поговорки возникли разными путями, мы не отрицаем их общих, характерных черт, художественных, функциональных особенностей, выделяющих эти афористические выражения в особый жанр бурятского фольклора.

Итак, на основе конкретного материала мы выявили происхождение отдельных пословиц и поговорок, в общих чертах установили их связь с историей, то есть рассмотрели лишь часть большого вопроса о происхождении их как жанра. Сложнейшую проблему происхождения афористических произведений невозможно решить только на бурятском материале. Требуется специальное сравнительно-историческое изучение пословиц и поговорок разных народов, необходима разработка проблемы генезиса других жанров фольклора. Тем не менее очевидно одно: пословицы своими корнями уходят в глубокую древность; они органически связаны с древнейшими представлениями людей, с их мифологией.

ПОСЛОВИЦЫ, ОТРАЖАЮЩИЕ ЭПОХУ РОДОВОГО СТРОЯ И ДРЕВНИЕ ВОЗЗРЕНИЯ ЛЮДЕЙ

Род, родовые порядки, имеющие длительную историю, нашли отражение в произведениях устнопоэтического творчества бурят. В них затрагиваются различные стороны родового строя, о которых в свое время писал еще Б. Я. Владимирцов: «Монгольский род-овох являлся довольно типичным союзом кровных родственников, основанным на агнатном принципе и экзогамии, союзом патриархальным, с некоторыми только чертами переживания былых когнатных отношений, с индивидуальным ведением хозяйства, но с общностью пастбищных территорий, с предоставлением некоторых особых прав младшему сыну при соблюдении известных прав в отношении к старшему, союзом, связанным институтом мести и особым культом»²¹.

Пословицы и поговорки, например, убедительно показывают кровнородственный характер структуры родового общества: «Угыг отолжо болохогуй» — «Родословную не перережешь» (инв. № 2932 (2)); «Модоной үндэһэн газар доогуур, хүнэй үндэһэн газар дээгүүр» — «Корни дерева — под землей, корни человека — над землей» (инв. № 2932 (2)); «Түүхэ төөрихэгүй, уг орхигдохогүй» — «История не заблудится, родословная не оставляется» (инв. № 111).

В эпоху родового строя индивидуальные черты человека ставились в прямую зависимость от его рода, отголоски чего в различных художественных преломлениях донесли до нас произведения устной поэзии бурят.

В бурятских улигерах, например, при встрече с богатырем не спрашивают его имя, а интересуются обычно родом или племенем, которому он принадлежит. Следовательно, поступок конкретного члена коллектива оценивался в основном по достоинствам и заслугам рода. Об этом красноречиво говорит пословица: «Уһан эрьеэрээн, улад удхаараан» — «Вода определяется берегом, а люди — родом» (инв. № 111).

В фольклорных произведениях бурят, особенно в пословицах и поговорках, красной нитью проходит мысль о том, что родословная, происхождение, наследственность играют определяющую роль в формировании человека: «Хүн һайншхадаа удхаһаан үлхэ үбэй, хүлэг һайншхадаа унаганһаан үлхэ үбэй» — «Хоть и хорош человек, не превосходит свой род; хоть и хорош аргамак, не превосходит жеребенка» (инв. № 111); «Һайн удха хүнэсэ, муу удха хюһаса» — «Хорошая родословная и при желании не отделится; плохая, хоть и выскобли, не отстанет» (инв. № 1587).

В старину при женитьбе молодых старики придавали большое значение их родословной. При этом они четко формулировали свое отношение к различиям в происхождении отдельных людей: «Нохойһон халюун гархойма»²² — «Не родится выдра от собаки»; «Гахайһаа халюун гарха үбэй, газар тэнэгһээ ойн

гарха үбэй» — «От свиньи не родится выдра, от глупого не будет мудрости» (инв. № 111).

Если же родословная плохая, то от молодоженов, по мнению людей старого времени, нечего ждать хорошего: «Үүдэ муута гэр уняар дараха хоймороо, удха муута хүн удхаараа дараха үрээ» — «Юрта с плохой дверью дымом покрывает свой «хоймор» (северную сторону), человек с плохой родословной происхождением давит потомков» (инв. № 1236). Вот почему во многих афористических выражениях как наставление или пожелание молодым людям, собирающимся жениться, дается конкретный совет: заранее узнать родословную своей суженой, будущих родственников. «Уг хайта хүүнээр ураг хэ, унги хайта хүхөөр түлээ сабша» — «Породнись с человеком из хорошего рода, руби дрова острым топором» (инв. № 111); «Худа эрөһон хүн удхайн хайе хараг, хотиг абаһан хүн эшээн хайе хараг» — «При сватовстве из хорошего рода пусть выберет, при купле ножа с хорошим черенком пусть выберет» (инв. № 1587).

«Үүдэ муутайн хойморто бү һуу, эхэ муутайн үхине бү аба» — «Не садись в глубине юрты, у которой дверь плохая, не бери в жены девушку, у которой мать плохая» (инв. № 111).

Идентичная пословица встречается у калмыков: «Эк муутин күкиг бичэ аб, үүдн муутин хөөмр (деед бийд) бичэ су»²³.

Смысловую аналогию с этой пословицей имеет и следующее афористическое выражение: «Һүхэ абаха хүн үнгьен шэлэхэ, хүгшэ абаха хүн удхьен шэлэхэ» — «Выбирают топор по качеству, а жену — по происхождению» (инв. № 1236).

Родовая община, основанная на кровнородственных связях людей, на единстве их производства, хозяйства и быта, обуславливала общность интересов, мыслей, чувств, взглядов, норм поведения многочисленных членов коллектива. В каждом родовом коллективе существовали свои обычаи, традиции, свои принципы и законы, которые наделяли его членов определенными правами и обязанностями. Все члены родовой общины должны были подчиняться тем требованиям, которые сложились в коллективе, свято хранить интересы рода, племени, быть преданными им и верными. В противном случае человека ожидало наказание. В пословицах и поговорках вполне определенно говорится о том, что отдельные личности, поставившие себя вне законов рода, порвавшие связь со своими кровнородственными сородичами, теряли под собой почву, оказывались беспомощными и беззащитными:

Угаа алдаһан хүүе
Уһан дээрэһээ гал эдихэ.
Түүхыёо алдаһан хүнии

Тэмээн дээрэһээ нохой эдихэ.
(Инв. № 2720).

Человека, потерявшего свой род,
На воде уничтожит огонь.
Человека, потерявшего свою
родословную,
На верблюде съест собака.

В эпоху родо-племенных отношений людей каждый отдельно взятый человек был связан со всеми членами рода не только кровнородственными узами, но и крепкими материальными, нравственно-этическими нитями. В те давние времена, когда люди в силу своих ограниченных возможностей пользовались примитивными орудиями, производительность труда, направленного прежде всего на добывание жизненных средств — пищи, одежды, — была весьма низкой. Одиночке трудно было противостоять неожиданным, еще не разгаданным силам природы, ее стихийным явлениям. Его нередко ожидала неудача на охоте, которая в определенный период развития человеческого общества была одним из основных источников питания людей. Поэтому безопасность, материальная обеспеченность отдельных членов рода зависели в основном от усилий всего рода, коллектива, общины.

«Порождением родового строя, — говорится в «Очерках истории культуры Бурятии», — были и постоянные межродовые столкновения, поводом к которым служили обычные для кочевого общества угоны скота, борьба за обладание лучшими пастбищными или охотничьими угодьями, похищение женщин, так как добыть жену мирным путем удавалось далеко не всегда, а при безраздельном господстве экзогамии жена должна быть обязательно из чужого рода»²⁴. Это недружелюбное, враждебное отношение к инородцам нашло отражение во многих произведениях устной поэзии бурят, в частности в пословицах и поговорках: «Харяху горхони хабирга донда харбаху хэрэгтэй, хари хүни зүрхэн донда хэлэхү хэрэгтэй» — «Утекающей речке в ребро надо попасть стрелой, чужеродцу в середину сердца надо попасть словами» (инв. № 1385); «Хандагайн сэмгэн тоогоондо багтахгүй, харин хүүн харида багтахгүй» — «Лосиная берцовая кость в котле не влезет, чужеродец на чужбине не приживется» (инв. № 2932 (2)).

Различия обычаев, традиций, нравственных норм, правил поведения нередко были причиной столкновения представителей разных родов. Нормы морали, признанные, установившиеся в одном родовом коллективе, не могли быть приемлемыми для чужеродцев. Поэтому многое в образе жизни одного рода встречало отрицательные оценки со стороны другого. Это послужило, по-видимому, одной из причин возникновения следующих пословиц:

Хүүни муу хурхүүдтэ,
Мяхани муу хүзүүндэ.
(Инв. № 3064 (1)).

Хүнэй муу хоацай,
Хүлэгэй муу жороо.
(Инв. № 1268).

Плохие из людей хурхуты,
Худшее мясо на шее.

Плохие из людей хоацайцы,
Худший из коней иноходец.

В пословицах и поговорках отмечаются резкие, нелестные суждения не только в адрес отдельных родов, но и в адрес различных племен. Например:

Сонгоолдо хононхаар,
Соорхойдо хоно.
(Инв. № 2932 (2).

Булагад хүн буруу санаатай,
Бухал гэдэсэтэй.
(Инв. № 286).

Хори хүн хойто хүлдөө мэхэтэй.
(Инв. № 286).

Чем ночевать у сонгола,
Ночуй на полянке.

Булагаты с неверными
мыслями,
С животом, как копыта.

Хоринцы с хитростью на
задней ноге.

Подобные пословицы с ярко выраженным ироническим звучанием в какой-то мере характеризуют межродовые и межплеменные трения, художественно обобщенные в произведениях фольклора. В бурятских афористических выражениях разными художественно-поэтическими средствами определяются присущие или приписываемые какому-то роду черты и особенности. Вот пример использования различных эпитетов, сравнений:

Балай хара батанай,
Газар хара галзуут.
(Инв. № 1268).

Очень черный батанай,
Черный, как земля, галзут.

Использование эпитета «хара» (черный) в данной пословице возможно и в прямом значении и в переносном. Поводом для такой характеристики могли служить некоторые внешние черты людей названных родов, например смуглость цвета их кожи. Кроме того, этот эпитет мог определять некоторые душевные качества людей. Как богат оттенками эпитет «сагаан» (белый) в бурятском фольклоре, так многозначительно определение «хара» (черный): «хара шарай» (смуглое лицо), «хара ханаан» (темные мысли), «хара ябадал» (темные дела) и т. д.

Различные межродовые и межплеменные отношения, а также взаимоотношения людей внутри одной родовой общины, складывающиеся по-разному в процессе жизненной практики, способствовали рождению довольно интересных изречений, пословиц и поговорок. В них содержится и положительная, и отрицательная характеристика отдельных особенностей родов и племен. Многие из афористических выражений сформулированы как обобщения из непосредственных житейских наблюдений людей:

Сэгээн хайтал зээ хайтай,

Зэргэ муутай.
(Инв. № 3096 (2).

Һайн түрэхэн хайтал.
(Инв. № 2979.)

Сэгээн хайтал с хорошим
внуком (по дочери),
С плохой славой.

Хороший от рождения хайтал.

Некоторые пословицы и поговорки подчеркивают многочисленность тех или иных родов:

Ханхасаггүй газаргүй,
Харганагүй нютаггүй.
(Инв. № 2979).

Үй түмэн сэгээнэд.

(Инв. № 2979.)

Нет земли без бугорков,
Нет местности без харганайцев.

Бесчисленное множество
сэгэнутов.

Тематической основой отдельных пословиц послужили особенности расположения, местожительства некоторых родов или племен. В афоризмах отмечается своеобразие занимаемой теми или другими родовыми коллективами местности, рельефа:

Хайр дээрэ бууһан хайтал,
Сээл дээрэ бууһан цэгээн.

(Инв. № 2979).

Боори газар нуудалтай
бодонгууд.

(Инв. № 1268).

Бооридо боогдосон
шаралдайшуул.

(Инв. № 111).

На песках осевший хайтал,
На омут опустившийся цэгэн.

Живущие в горах бодонгуты.

Огражденные горами
шаралдайцы.

Смысловое направление некоторых афоризмов определили бытующие в народе мотивы, объясняющие происхождение отдельных родов: «Хамаг түмэн хальбин, хара монгол удха» — «Бесчисленное множество хальбиновцев простого монгольского происхождения» (инв. № 1268).

В богатом пословичном фонде бурятского народа встречаются афористические выражения юмористического характера, которые можно услышать на различных праздничных весельях, куда собирается много людей, представляющих разные роды. В качестве примеров можно привести такие пословицы: «Байтаһан үнээнэй мяханда садаагүй, булуур архида һогтоогүй байтай харгана» — «Байтай харгана, не насытившийся мясом от кормленной коровы, не опьяневший от кадушки вина» (инв. № 1268). Эта пословица бытует еще и в таком варианте: «Сагайн мяханда садаагүй, саажан архида һогтоогүй сагаан» — «Саган, не насытившийся мясом вола, не опьяневший от вина двойного перегона» (инв. № 1268).

Интересны пословицы, связывающие различные особенности родов с определенными чертами, качествами женщин, от которых они якобы произошли:

Суута изыһэ гарһан сонгоол.

Түргэн изыһэ гарһан торта.

Номгонһоо гарһан ноят.

Бүдүүн изыһэ гарһан бүхүт.

Шадамар изыһэ гарһан шарайт.

Гоё изыһэ гарһан готол.
(Инв. № 96).

От прославленной женщины
родившийся сонгол.

От шустрой женщины родившийся
торта.

От спокойной (женщины)
родившийся ноят.

От толстой женщины родившийся
бүхүт.

От умелой женщины родившийся
шарайт.

От красивой женщины родившийся
готол.

Пословицы такого смыслового направления в старину, возможно, имели своеобразное звучание, основанное на реальных родовых отношениях. Однако в своем современном бытовании они проявляют главным образом оттенки шуточного характера, в которых ныне не обнаруживаются подлинные факты взаимоотношений родов. Вполне вероятно, что они и не затрагивают какие-то существенные стороны родовых коллективов, тем не менее их наличие в репертуаре сказителей свидетельствует о некотором своеобразии преломления межродовых и межплеменных отношений в афористической поэзии бурят.

В пословицах и поговорках бурятского народа в специфической художественной форме нашли отражение некоторые особенности брачного права родовой общины. «Древний монгольский род был экзогамный, почему члены одного и того же рода не могли вступать в брак с девушками того же рода,— пишет Б. Я. Владимирцов,— а должны были жениться обязательно на женщинах из других не-родственных родов... Монгольский род был агнатным, т. е. члены каждого рода вели свое происхождение от одного общего предка (ebüge). Но так как роды росли и разветвлялись, то оказывалось, что ряд родов (obox) вел свое происхождение от одного и того же ebüge — предка... Брак между членами таких родов не допускался тоже, так как все они считались кровными, агнатными,— сказали бы мы,— родственниками, принадлежащими к одной кости (yasun)»²⁵.

Приведем пословицы, запечатлевшие некоторые требования экзогамного брака: «Ханилхада хари хүн дээрэ» — «Для любви и дружбы чужеродец лучше» (инв. № МІ 385); «Ураг эльгэнэй холонь дээрэ, уһа түлээнэй ойронь дээрэ» — «Лучше, когда родственники находятся далеко, а вода и дрова близко» (инв. № 2932 (2)).

Поскольку девушку отдавали замуж в другой род, она в силу сложившихся обстоятельств постепенно отходила от своих сородичей. Ее жизнь, скрепленная супружескими узами с представителем другого рода, хозяйственные, материальные интересы, дети, рождавшиеся от брака с чужеродцем, все теснее связывали ее с людьми той родовой общины, куда она попадала. Для своих она становилась почти чужой. Это в какой-то мере запечатлено в афористических произведениях бурят: «Зэрлиг таряагаар таряа бэ хэ, зээ хүбүүгээрээ хүбүү бэ хэ» — «Паданку зерна за урожай не принимай, сына от дочери не усыновляй» (инв. № 111).

Несмотря на кровную близость родственников по женской линии, произведения фольклора подчеркивают невидимую нить, определенную преграду, разделяющую их. Например: «Бүлэ хүүни бөөри хүйтэн, бүгтэр модони һүүдэр хүйтэн» — «У двоюродного брата (или сестры) по матери почки холодны, тень наклонившегося дерева холодна» (инв. № 111). Бытует и такой вариант данной пословицы: «Бүлэ хүн бөөрөһөөн хүйтэн, шии-

раһаан дулаан» — «Двоюродный брат (или сестра) по матери от почек холоден, от голеней горяч» (инв. № 111). С данными афористическими выражениями по смыслу перекликается калмыцкая пословица: «Зееһин келн хорн, наһцхин һар күнд» — «Язык племянника (по матери) ядовит; рука дяди тяжела»²⁶.

Прямо противоположную оценку в произведениях устной поэзии бурят получили родственники по отцовской линии, о чем красноречиво говорит такая пословица: «Үхэсэрэ үеэлэ туһатай, хатасара хаяала туһатай» — «Двоюродный брат по отцу до смерти помогает, троюродный брат по отцу до глубокой старости помогает» (инв. № 111).

Во многих эпических творениях бурят, а также в афористической поэзии воспеваются искренние, чистые отношения между людьми вообще, особенно между теми, кто состоит в родстве и обязан добрым, хорошим отношением своим сородичам. Недаром одна из популярных пословиц гласит: «Уһа голоһон адаһан муудаха, урагаа голоһон хүн үбэйрхэ» — «Истошается скот, брезгующий водой, беднеет человек, пренебрегающий родными» (инв. № 111).

В одном русле с такими пословицами и поговорками звучат афористические выражения, характеризующие взаимоотношения между молодыми и старыми, между детьми и родителями. В них красной нитью проходит мысль о том, что к старым, умудренным опытом людям нужно относиться с большим почтением, уважением, так как в их жизненной практике, накопленных знаниях есть много полезного и нужного для подрастающего поколения. Например:

Болосоһоос ама хүрэ, Бууралаас үгэ сонос. (Инв. № 1236).	Сваренного отведай, К словам седого прислушайся.
Өбөсө ургабал юртэмсын шимэг,	Появление зелени — украшение мира,
Өбөгөд сугларбал төрын шимэг.	Собравшиеся старики — украшение свадьбы.
(Инв. № 1236).	
Үбгэн хүнэй хэлзһэн үе дууһасар,	Сказанное стариком — на всю жизнь,
Үтэлһэн нохойн хусаһан үүр сайсар.	Лай старой собаки — до рассвета.
(Инв. № 1236).	

В пословицах и поговорках бурятского народа с большой любовью говорится об отце и матери: «Эсэгээ гомодхооходоо Сүмбэр уулын хамхарһан мэтэ, эхээ гомодхооходоо, һүн шара далайн шэргэһэн мэтэ» — «Обида, нанесенная отцу, подобна разрушению горы Сумеру, обида, нанесенная матери, подобна высыханию молочного желтого моря» (инв. № 2780 (5)). Утверждая почтительное отношение к старшим, пословицы и поговорки бурят в то же время органически сочетаются с теми афо-

ризмами, которые запечатлели установившиеся родовые нормы, правила, требующие почитания старейшин.

Внутриродовая жизнь со своими определенными порядками, требованиями, нормами способствовала, по-видимому, появлению некоторых запретов, относящихся к отдельным родам. Свидетельством этого могут служить такие пословицы, как: «Шошоолог хүн шуһан зээрдэ мори унахагүй, шунхатай эмээл тохохогүй» — «Человек из рода шошоолог не должен садиться на ярко-рыжего коня и пользоваться седлом, отделанным серебром» (инв. № 111).

Вполне возможно, что такие запреты, нашедшие отражение в фольклорных произведениях, были связаны с тотемистическими воззрениями бурят. Следы древнего мировоззрения людей, в частности проявление оборотнических взглядов, отзвуков тотемистических, фетишистских, анимистических представлений обнаружены во многих поговорках бурят.

Наступление тепла, гром или молния, заморозки, сильные ветры — все это не могло не отразиться в произведениях их устной поэзии. В некоторых из них звучит безысходность положения древнего человека, например: «Тэнэг хүүнээр хэлсэл үбэй, тэнгэрийн һалхинаар тэмсэл үбэй» — «Бесполезен разговор с дураком, невозможна борьба с небесным востром» (инв. № 111).

Наши далекие предки возлагали большие надежды на небо, солнце, землю, которые всячески почитались ими не только как покровители добродетели, но и как грозные силы, которые могли и одарить человека и лишить всего: «Үндэр тэнгэри үгэстэймэ, хан дайда харастайма» — «Высокое небо одаривает, величественная земля помогает» (инв. № 2979); «Далай олзотойма, дайда үргэстэйма» — «Озеро одаривает, земля поддерживает (поднимает)» (инв. № 2979); «Далайн олзо далан хоногой, дайдын олзо далан жилын» — «Морская добыча — на семьдесят дней, добыча земли — на семьдесят лет» (инв. № 2979).

Древние люди, пользовавшиеся дарами природы, преклонялись перед ее величием и богатством. Щедрость природы, неба и земли в произведениях устной поэзии бурят сравнивается с добротой отца и матери: «Эсэгэ тэнгэр мэтэ, эхэ дэлхэй мэтэ» — «Отец подобен небу, а мать — земле» (инв. № 2720). «В самом деле, монголы почитали небо мужским, а землю женским началом природы, — пишет Д. Банзаров, — первое дарует жизнь, а вторая — форму предметам; первое у них называется отцом, вторая матерью»²⁷.

В афористических выражениях небо ставится превыше всего. Лишь очень ограниченный и тупой человек, как подчеркивает пословица, может ставить себя выше неба или осмеливается сравниться с ним:

Тэнэг хүн тэнгэрийнээ ехэ,
Ойгүй хүн огторгойноо ехэ.
(Инв. № 111).

Глупый человек выше неба,
Неразумный человек больше неба.

Известен в народе и такой вариант данной пословицы: «Тэнэг хүн тэнгэрийнээ нэгэ наһа аха» — «Глупый человек старше неба на один год» (инв. № 2720 (5)).

«Монголы долго поклонялись небу, как благороднейшей части природы,— пишет Д. Банзаров,— не представляя его себе особым лицом и гением, или безотчетно воображали иногда духом, который являлся им в форме синего неба...»²⁸ Об этом свидетельствует такое афористическое выражение: «Тэнгэридээ мургэжэ тэгшэ жаргадаг» — «Тот, кто поклоняется небу, обретает полное счастье» (инв. № 2720).

Д. Банзаров писал, что небо «как источник добра, есть враг злых духов и всего нечистого; если удар грома разразился над жилищем или деревом, то значит, что тут поселился злой дух или тут есть что-нибудь нечистое.

Человек должен стараться сделаться достойным милости неба, без которой он не может быть счастливым»²⁹.

«Милость» неба, по древним представлениям, можно было вызвать лишь добрым отношением к нему. Поэтому люди тех давних времен всячески «задабривали» тэнгрия, совершали различные обряды и церемонии, посвященные ему. Одни из них были призваны «утихомирить» грохочущее небо, другие «спасали» исчезающее (при затмении) солнце. Не случайно до сих пор у бурят бытуют детские скороговорочные выражения, обращенные к небу, к солнцу как к живым существам:

Тэнгэрийн хубүүн, тэгшэ хара,
Нарани хубүүн, наашаа хара.

Сын неба, прямо смотри,
Сын солнца, сюда смотри.

«Нарани хубүүн, наашаа, хурайн хубүүн, саашаа» — «Сын солнца, появись, сын дождя, скройся».

«Что касается до понятий монголов о небе, то они его представляли правителем мира, вечным, правосудным и источником жизни,— пишет Д. Банзаров.— Не знаем, чему они приписывали начало мира и первых людей. Из некоторых только намеков в молитвах можно заключить, что, по мнению монголов, небо и земля некогда были слиты, соединены в одну массу, вроде хаоса. По крайней мере, в молитве огню (см. ниже) говорится, что огонь зародился при отделении неба от земли... Если стихия огня произошла от этого разединения неба и земли, то монголы, по всей вероятности, полагали, что они этим переворотом дали начало всем вещам и разнообразным формам жизни»³⁰.

Огонь, признанный частицей неба и земли, издавна был предметом почитания и поклонения бурят и монголов. Немало у бурят пословиц и поговорок, свидетельствующих о почитании древними людьми огня. Наши предки чувствовали прямую за-

висимость не только от благ неба и земли, тепла и солнца, но и признавали необходимость огня и воды, к которым относились как к живым существам, способным на разумное отношение к человеку. Поэтому люди старались разными средствами снискать их милость и доброе отношение к себе. Эти воззрения людей способствовали, по-видимому, рождению таких пословиц, как «Гал усан хоёрто бэрхэб гэжэ бү хэлэ, галзуу согтуу хоёрто хүсэтэйб гэжэ бү хэлэ» — «Огню и воде не говори, что ты умелый; бешеному и пьяному не говори, что ты сильный» (инв. № 2979); «Гал уһан хоёр мэээтэй аха дүү» — «Огонь и вода — соперничающие брат и сестра» (инв. № 96). Последняя пословица основана на легенде, в которой говорится о состязании «брата и сестры», то есть огня и воды. Огонь, по мотивам легенды, угрожает воде и пытается сжечь ее. А вода, не желая уступать огню, затопляет все живое. Только вмешательство человека поставило все на свои места: вода спала, огонь утих. Данная пословица, рассматриваемая в тесной связи с легендой, от которой произошла, подчеркивает силу человека, покорителя и победителя природных явлений. По древним представлениям людей, все явления и предметы окружающей человека действительности относятся к живым существам.

Интересна пословица «Далайн юума уһан амитай, дайдын юума һалхин амитай» — «Все морское водою дышит, все земное ветром дышит» (инв. № 111). Определения «уһан амитай» и «һалхин амитай», относящиеся ко всем живым и неживым земным и морским существам, характеризуют эту пословицу как одну из древних. Наши далекие предки не проводили отчетливой границы между живыми и неживыми существами, наделяя их возможностями перехода из одного состояния в другое. Например, умерших, по представлениям древних людей, можно было воскресить, используя различные средства. В произведениях устной поэзии запечатлены разные способы воскрешения человека: использование живой воды (мүнхын хара уһан), волшебного кнута или платочка и т. д. Иногда герой воскресает, нанизываясь на соломинку, на концы камыша («үбһэни үзүүртэ үлгэлдэжэ бодохо, хулһани үзүүртэ холболдожо бодохо»).

Возможность воскрешения людей приписывается в произведениях фольклора не всем, а отдельным лицам, которых пословица характеризует таким образом: «Үхэһэн хүүе амидаруулха, үгээтэй хүүе баяжуулха хүн» — «Человек, оживляющий мертвых и обогащающий бедных». Герои, воскресающие в произведениях устнопоэтического творчества, обычно характеризуются следующим пословичным выражением:

Мөн бээ бээлжэ,
Мөхэрээн шарай шарайлба.
(Инв. № 111).

Прежний вид свой принял,
Округлое лицо свое обрел.

«Для древнего человека,— пишет А. И. Уланов,— всякие превращения представлялись не волшебными, а обычными свойствами вещей. Он ежедневно наблюдал изменения в жизни: смену холода и тепла, таяние снега, цветение и увядание трав, рождение, старение и умирание людей, животных. Все это воспринималось им как превращения. И любое оборотничество понималось как материальное явление»³¹.

Трудная борьба древних людей за свое существование, ограниченность их знаний, возможностей, трудового опыта создали почву для рождения в афористических выражениях мотивов, неверно объясняющих особенности и связь явлений природы, отношение к ним человека. Например: «Нютагтаа абаа, онгондоо мөргүүлбэ» — «В улус свой приняли, заставили поклоняться онгону» (инв. № 2979). Данная пословица свидетельствует о существовавшем у бурят культе онгонов, происхождение которого объяснил еще в свое время Доржи Банзаров: «Первоначальное простое почтение к предкам подверглось искажению и породило онгонов. Так называют монголы души умерших людей, сделавшиеся предметом уважения или страха народного... Но монголы с течением времени стали верить, что душа умершего человека действует во вред или пользу живых, и из них народ создал новый род богов — онгонов. Таким образом, исчезло простое уважение к теньям предков, а вместо него заступило служение добрым и злым онгонам, душам людей чуждых, не принадлежащих к семейству поклонника»³².

Древние воззрения людей наделили природу такими мифическими существами, как бохолдон, ады, шудхэры, дахабары³³, которые могли оказать воздействие на человека, наслать беду, повредить детям, помешать охоте, скотоводству, земледелию:

Айлдаа ада болохо,
Адуундаа шоно болохо.
(Инв. № 111).

В улусе станет чертом,
В табуне — волком.

Не случайно в пословицах эти существа уподобляются по своим функциям бурхану. В некоторых афористических выражениях они ставятся рядом с всевышним:

Буруу бухалай хажууда,
Боохолдой бурханай хажууда³⁴.

Теленок возле копны,
Бохолдой возле бурхана.

С другой стороны, эта пословица подчеркивает генетическую связь понятий «бохолдой» и «бурхан», основанных на суеверных представлениях людей.

Чтобы предотвратить напасти нечистых сил, люди предпринимали различные меры предосторожности. Возможно, это послужило одной из причин того, что злые духи прямо не назывались своими подлинными именами. Например, о бохолдоях часто говорили «муу — найшуул», что буквально означает «плохие — хорошие». Дахабары называли «хаяа зайгаашуул», то

есть «слоняющиеся, скрывающиеся возле стен». Вот почему пословица, определяющая нечистые силы, характеризует их таким образом:

Хаяада харшыгаашан,
Буланда буршыгаашан³⁵.

Скучившиеся у стен,
Сгорбившиеся в углу.

Подобного рода иносказательные названия были понятными людям одного улуса или определенного коллектива, но считались недоступными для злых духов. Такая маскировка, по воззрениям верующих, способствовала избежанию ненужных трений с нечистыми силами.

В связи с такими представлениями людей существовал определенный запрет на личные имена. Чтобы не накликать беды, вечерами на улице не называли имена друг друга, особенно детей. В противном случае их могли услышать злые духи. Часто прибегали к общепринятым обращениям: «ахай», «бүүбэй», «хүбүүн», «басаган» (сестра или брат, деточка или ребенок, сын или дочь и т. д.).

Если умирающий называл чье-то имя, это считалось не к добру, то есть с этим человеком что-нибудь непременно должно случиться или он умрет в скором времени. У бурят есть пословица «Үхэхэ хүн үри бээ дурдабал сээртэй»³⁶ — «Грешно, если умирающий назовет имя ребенка или родных». По-видимому, у бурят, как и у других народов, когда-то существовал запрет, табу, на личные имена в определенных ситуациях. «Некоторые племена Виктории на период оплакивания заменяли имена всех близких родственников умершего описательными терминами, предписываемыми обычаем... У индейцев северо-запада Америки близкие родственники покойного нередко меняют свои имена, чтобы «не привлечь духов, которые будут часто слышать повторение знакомых имен, обратно на землю»³⁷.

Сам факт смерти человека интерпретировался по-разному. В силу ограниченности медицинских знаний, жизненного опыта, из-за недостаточной изученности физиологических, биологических закономерностей люди зачастую приходили к неверному объяснению причин смерти, а именно: умерший стал жертвой каких-то таинственных, злых духов, пославших ему болезнь, а затем смерть: «Хөлөөр ошоһон тэхэрихэ, хөндөлөөр ошоһон хосорхо» — «На ногах ушедший вернется, ушедший по велению бурхана (или шүдхэра) исчезнет» (инв. № 111).

Однако в народных произведениях, в частности в афоризмах, безусловно, позднего происхождения, дается верное объяснение причин таких представлений людей:

Бурхан, шүдхэр мухар хүзэгһөө
Буруу ханаан муу сэдхэлһээ³⁸.

Бог и черт — от суеверия,
Недобрые мысли — от плохой души.

Сөзөгөөс шөдхөр,
Сөзөгөөс бурхан.
(Инв. № 111).

От суеверия — черт,
От суеверия — бог.

С пословицами, в которых четко сформулирован главный смысл народной оценки суеверия и невежества людей, тематически перекликаются следующие афоризмы: «Модоноос унасан набша харин бусаха үгэй, ехэ усанай урасхал анханай газараа бусаха үгэй» — «Опавший лист вновь к дереву не пристанет, текущая река вновь к истоку не придет» (инв. № 111); «Огторгойн одоние тооложо бараха үгэй, уһанай загаһые алажа бараха үгэй» — «Небесные звезды не перечесть, всех рыб в воде не поймать» (инв. № 2720); «Олзо оһол хоёр далайда» — «Удачи и неудачи в море» (инв. № 2697 (4)).

Такого рода пословицы и поговорки характеризуют правильные позиции в определении народом особенностей природы и ее явлений, естественных закономерностей, не зависящих от воли и желания отдельных людей. В. И. Ленин писал: «Наивный реализм» всякого здорового человека, не побывавшего в сумасшедшем доме или в науке у философов идеалистов, состоит в том, что вещи, среда, мир существуют *независимо* от нашего ощущения, от нашего сознания, от нашего Я и от человека вообще. Тот самый *опыт* (не в махистском, а в человеческом смысле слова), который создал в нас непреклонное убеждение, что существуют независимо от нас другие люди, а не простые комплексы моих ощущений высокого, низкого, желтого, твердого и т. д., — этот самый *опыт* создает наше убеждение в том, что вещи, мир, среда существуют независимо от нас»³⁹.

Многие древние пословицы и поговорки ушли в прошлое с исчезновением почвы, питающей их, с изменением условий жизни народа, их мировоззрения. Но тем не менее мы оказываемся свидетелями того, что какая-то часть пословиц и поговорок, отражающих родоплеменные отношения и древние воззрения людей, еще бытует в народе, что по-видимому, объясняется их жанровой спецификой, в силу лаконичности, отшлифованности и отточенности они мало подверглись коррективе времени. Сохранению таких пословиц, по всей вероятности, способствовало наличие в быту и сознании людей отдельных пережитков прошлого.

ОТРАЖЕНИЕ В ПОСЛОВИЦАХ ПРОТИВОРЕЧИИ КЛАССОВОГО ОБЩЕСТВА

В пословицах и поговорках бурятского народа нашла отражение жизнь классового общества. Афористические произведения, как краткая энциклопедия народной мудрости, сжато и точно определяют противоречия и взаимоотношения различных классов, их мировоззрение, отношение к труду и распределению его продуктов.

Трудовая деятельность, как основной критерий для характеристики человека, способствует воспеванию в фольклоре труженика — создателя материальных благ. Издавна в народных

афористических произведениях говорилось: «Гари хүдэлхэдэ аман хүдэлхэ» — «Когда работают руки, работает рот» (инв. № 2896). В обществе же, разделенном на антагонистические классы, получалось наоборот. Трудящиеся массы, непосредственно связанные с производством, оставались без средств к существованию: «Ган гэхэ нохойгүй, газар гэшхэхэ малгүй»⁴⁰ — «Без лающей собаки, без ступающего по земле скота». А люди, освободившие себя от труда в силу своего положения или имущественного состояния, то есть богачи и нойоны, пользовались всеми благами, созданными усилиями простых людей, о чем гласят пословицы:

Таргалдагын баян,
Тамир алдадагын богоол.

(Инв. № 111).

Тэжэн голёо ногоо эдижэ
тажаарха,
Тэжэгэр гулваа зонии эдижэ
баяжаха⁴¹.

Тэхэгэр гэдэнэтэн,
Тэбэри мүнгэтэн.

(Инв. № 3096).

Богач жиреет,
Батрак истощается.

Кобылка бескрылая толстеет,
поедая траву,
Тучный голова богатеет,
объедая народ.

Толстобрюхие —
Владельцы больших денег.

Несметные богатства, накопленные эксплуатацией чужого труда, определяли положение человека в классовом обществе. Чем богаче был человек, тем шире оказывались его права и возможности, тем выше его авторитет и слово: «Баян хүнэй үгэ үнэтэй, байтаһан үхэрэй мяханиинь амтатай» — «Слово богача ценное, мясо откормленного быка вкусное» (инв. № 2697 (5)); «Тарган морин һайнда тоотой, баян хүн сэсэндэ тоотой»⁴² — «Упитанный конь считается хорошим, богатый человек считается умным».

Напротив, трудящийся человек был ограничен в своих правах, его слово, как утверждает пословица, ни во что не ставилось: «Үгээтэй хүн үнэгой, үһэн мяхан шүлэгой»⁴³ — «Бедный человек не ценится, тухлое мясо не наваривается». Диаметрально противоположные положения бедняка и богатого в условиях классового общества очень точно определяет пословица:

Баян байгаа хадаа ноён,
Барлаг байгаа хадаа нохой.

(Инв. № 2896).

Если богатый, то нойон,
Если батрак, то собака.

Тяжелая жизнь простых тружеников, их политическая незрелость, социальная ограниченность порождали иногда пессимистические настроения, усматривающие неизбежность всех порядков существующего строя. Это в какой-то мере отразилось в произведениях устнопоэтического творчества народа:

Баян бурханай,
Баатар зүрхэнэй.

(Инв. № 95).

Бардам болохо санаанай,
Баян болохо заяанай.

(Инв. № 286).

Богатство — от бога,
Храбрость — от сердца.

Гордость — от желания,
Богатство — от судьбы.

Однако пословиц с таким содержанием значительно меньше, чем афоризмов, характеризующих народный гнев, направленный против угнетателей — богачей и нойонов. Активному возникновению таких пословиц способствовали экономическое, политическое неравенство в обществе, постоянная борьба между двумя непримиримыми классами — богатыми и бедными. «История всех до сих пор существовавших обществ**», — говорится в «Манифесте коммунистической партии», — была историей борьбы классов.

Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер*** и подмастерье, короче, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов»⁴⁴

Многие пословицы и поговорки, являясь своеобразным художественным отражением классовых противоречий, отражают отношение народа к угнетателям. В них, как и в сатирических сказках, звучит неприкрытая ненависть к имущим. Высоты народного обобщения по характеристике богатых достигают афоризмы: «Алта ехэтын абари муухай, зөөри ехэтын зүүдэн муухай»⁴⁵ — «У кого золота много — нрав плохой, у кого богатства много — сон плохой»; «Шоно хони эдидэг, баян арадые мулжэдэг»⁴⁶ — «Волк пожирает овцу, богач гложет народ»; «Таргалбашье хаа, эдээнхээ бүхэхэгүй, баяжабашье хаа, зөөриһөө бүхэхэгүй»⁴⁷ — «Хоть и ожирел, от пищи не отказывается, хоть и разбогател, от имущества не отказывается».

Богачи и нойоны в афористических выражениях этого цикла подвергаются заслуженному осмеянию. Народ подчеркивает их невежество, глупость, жестокость, жадность: «Тэнэг ноён зоной дайсан, тэжэгэр лама эдээнэй дайсан»⁴⁸ — «Глупый нойон — враг людей, тучный лама — враг съестного»; «Ойрын баянай омог ехэ, огтор бөөгэй дуун ехэ»⁴⁹ — «У ближнего богача спеси много, у низенького шамана крика много»; «Ная баяжаһан баян найрхуу байдаг, уг гарбалһаа баян омог ехэтэй байдаг»⁵⁰ — «Разбогатевший недавно бывает хвастлив, потомственный богач бывает спесив».

На горьком жизненном опыте простые люди убеждались в том, что различные стычки, конфликты с богачами, нойонами чреваты нежелательными, отрицательными последствиями, так как на стороне имущих был закон и «правда». Об этом вполне определенно говорится в пословицах: «Нохойтой хэрэлдэбэл хормой үгы, ноёнттой хэрэлдэбэл нюрга үгы» — «Поссоришься с собакой — останешься без подола, поспоришь с нойоном — будешь без спины» (инв. № 1236). Разные варианты этой пословицы известны у других монгольских народов, например, у калмыков: «Нохала наадхла хорма уга, нойнла наадхла толһа

уга» — «Поиграешь с собакой — останешься без полы, поиграешь с нойоном — останешься без головы»⁵¹.

Едко высмеивая уродливые черты своих классовых противников, народ как бы противопоставляет им простых людей, раскрывая богатство и щедрость их души. Пословица утверждает: «Баян хүнэй зөөрн халааһан соогоо, үгытэй хүнэй зөөрн зүрхэн соогоо»⁵² — «Богатство имущего в кармане, а богатство бедняка в сердце».

Значительное количество пословиц сатирического направления построено на социальной антитезе — на противопоставлении народного героя его классовому антиподу. При таком сопоставлении симпатии народа всегда на стороне неимущих — бедных, сирот. Такими мотивами проникнуты многие афоризмы. Например: «Үгытэй хүндэ эзэн олон, үнэшэн хүндэ ноён олон»⁵³ — «У бедного человека хозяев много, у сироты нойонов много»; «Үгытэй хүнэй хото хара, үнэшэн хүнэй эльгэн хара»⁵⁴ — «У бедного человека в желудке темно, у сироты на сердце темно».

Но несмотря на такую тяжелую жизнь, как справедливо говорится в пословицах, они оставались оптимистами, благородными, великодушными людьми, истинными ценителями и знатоками народной мудрости: «Үгытэй хүн үльгэршэ, үнэшэн хүн дууша» — «Бедный человек — улигершин, сирота — певец» (инв. № 2840 (4)).

Как правило, бедные люди, обиженные судьбой, отличаются высокими душевными качествами, им присущи доброта, отзывчивость: «Үгытэй хүн туһалааша, үнэшэн хүн хайрлааша»⁵⁵ — «Бедный человек поможет, сирота пожалеет».

Убедительно показывая тяжелое положение простых людей в условиях несправедливого общества, пословицы раскрывают закономерность постепенного назревания в народе недовольства существующими социально-экономическими порядками, моралью, этикой и образом жизни классовых врагов. Для характеристики этого процесса с полным основанием можно привести слова В. И. Ленина, относящиеся к определению положения русского крестьянства. В. И. Ленин отмечал, что оно «настолько тяжелое, гнет помещичьего землевладения над ним так силен, экономические условия так отчаянно плохи, бесправие так необычайно велико, что демократические настроения и стремления порождаются в этой среде с неуловимой, стихийной неизбежностью»⁵⁶.

«Демократические настроения» трудящихся, их стихийный протест и свободолюбие находят отчетливое выражение в таких пословицах, как «Хада байгаад хамхарха, хаан байгаад диилдэхэ» — «Гора разрушается, хана побеждают» (инв. № 111); «Хаани хаатаржаан сургаха, бурхани боохолдой сургаха» — «Хана каторжник проучит, бога черт проучит» (инв. № 286); «Губида баянай барлаг болонхаар, хангайда буга бо-

лоһон дээрэ»⁵⁷ — «Чем быть в степи батраком богача, лучше стать маралом хангайским».

Сатира пословиц и поговорок не оставляет в стороне и служителей религиозного культа, верных и преданных помощников богачей и нойонов. Народ на своем горьком жизненном опыте убеждался в том, что между ними нет никакой разницы. И те и другие беспощадно эксплуатируют простых тружеников; и тем, и другим нет никакого дела до бедствий народных. Сатира в одинаковой степени обличает богачей и нойонов, лам и шаманов, потому что служители религиозного культа были самими яркими защитниками интересов имущих. В. И. Ленин писал по этому поводу: «Все и всякие угнетающие классы нуждаются для охраны своего господства в двух социальных функциях: в функции палача и в функции попа. Палач должен подавлять протест и возмущение угнетенных. Поп должен утешать угнетенных, рисовать им перспективы (это особенно удобно делать без ручательства за «осуществимость» таких перспектив...) смятения бедствий и жертв при сохранении классового господства, а тем самым примирять их с этим господством, отваживать их от революционных действий, подрывать их революционное настроение, разрушать их революционную решимость»⁵⁸.

Хан, богач и представители религиозного культа рассматриваются во многих пословицах и поговорках бурятского народа в тесной связи. Афоризмы раскрывают многие сходные их черты, мерзкие, уродливые, роднящие их как повелителей, распорядителей, в руках которых оказываются людские судьбы. Их сходство проявляется прежде всего в том, что в силу своего господствующего положения в обществе они наделены безграничными возможностями в своих деяниях. Не случайно пословицы проводят аналогию между ханом и бурханом, которые не знают ни перед кем отчета за свои поступки и действия:

Бурханда буруу үбээ,
Хаанда харюу үбээ.
(Инв. № 11587).

У бога нет неправильного,
У хана нет ответственности.

В некоторых вариантах этой пословицы вместо бурхана встречается имя священнослужителя. В афоризмах категорично заявляется: «Лама бурхан хоёр адли, алининшье хубхай»⁵⁹ — «Лама и бог одинаковы: оба жадные».

Народ, прекрасно изучивший священнослужителей в повседневных деяниях, своими произведениями снимает с них покров святости. Многие пословицы и поговорки утверждают мысль о том, что в личности шаманов и лам, в их действиях нет ничего святого, таинственного, непостижимого; подчеркивают их лживость, склонность к обману, наживе:

Абаха барихын түлөө
«Арьяа баала» гэбэ.

Ради добычи, наживы
Произносят «арьяа баала».

Эдихэ уухын түлөө
Эрхн маани татаба⁶⁰.

Ради питья и еды
Берутся за четки, молитву.

Особенно много у бурят сатирических пословиц о шаманах. В них безапелляционно утверждается: «Бөө хүн худалша, бүхэ хүн тэнэг»⁶¹ — «Шаман лжив, силач глуп». Подобные афоризмы, известные в народе в разных вариантах, раскрывают ту-пость, ограниченность, высокомерие и мстительность шаманов:

Бөө хүн үһөөрхүү,
Бүхэ хүн хүсэрхүү⁶².
Бөө хүн тэнэг,
Бүхэ хүн бардам⁶³.

Шаман мстителен,
Силач кичится своей силой.
Шаман глуп,
Силач чванлив.

В некоторых афоризмах прямо говорится:

Хүүни тэнэг бөө.
Хонини муу ёроо.
(Инв. № 111).

Хүн муудахадаа бөө болохо,

Хонин муудахадаа ёроо болохо.

(Инв. № 111).

Самый глупый из людей — шаман,
Самая худшая из овец — иноходец.

Человек опускается — шаманом
становится,
Овца худеет — иноходцем
становится.

Однако не всегда была возможной столь резкая критика в адрес шаманов, лам и самого бурхана. Было время, когда люди признавали существование всевышнего, святость действий и помыслов служителей культа, что нашло отражение в произведениях устнопоэтического творчества. Например: «Өрхөөр хараха бурхан өрөөртэй, харасаар хараха бурхан харасатай» — «Бог, заглядывающий через дымовое отверстие, благожелателен; бог, заглядывающий через стропила юрты, внимателен» (инв. № 111); «Өхө бурхан өрхөөр, хараха бурхан хараасаар» — «Бог при желании и в трубу подаст и сквозь стропила окажет благодеяние» (инв. № 111). К этому же циклу относится выражение «Буухые бурхан мэдэхэ, бусахые һалтин мэдэхэ» — «Нис-послание известно богу, возвращение — ветру» (инв. № 2720), характеризующее пассивность людей, предоставляющих свою жизнь воле судьбы и стихии.

Непросвещенный народ, подавленный нуждой и голодом, униженный, эксплуатируемый богачами, запуганный жестокими ханскими законами, некогда считал, что вся его тяжелая жизнь заранее предначертана всемогущим богом и не зависит от воли и сознания простых людей: «Бурхабой буландаа хүрэхэбой, хаа-бой хаяадаа хүрэхэбой» — «Без бога до угла не дойти, без хана до стены не дойти» (инв. № 2979); «Бурха үбэйээр богоһо алха-ха үбэйма, хаа үбэйээр хана гарха үбэйма» — «Без бога и поро-го не перешагнуть, без царя и стену не перейти» (инв. № 111); «Өрөөбэл, отгоргойн дуран, хэлэбэл, ноёни дуран» — «Благо-словение — в желании небес, нарекание — в желании нойона» (инв. № 111). В данных пословицах звучат пессимистические мо-

тивы, определенные забитостью и ограниченностью простых людей, всячески подогреваемые служителями религиозного культа, призывающих к смирению. Об этом справедливо писал в свое время А. М. Горький: «Церковь, стремясь примирить раба с его участью и укрепить свою власть над его разумом, утешала его, создавая героев кротости, терпения, мучеников «Христа ради»⁶⁴...

Главной же причиной такого пессимистического настроения простых людей является их неорганизованность, классовая разрозненность, политическая незрелость, о чем убедительно писал в свое время В. И. Ленин: «...Крестьянство, стремясь к новым формам общежития, относилось очень бессознательно, патриархально, по-юрродивому, к тому, каково должно быть это общежитие, какой борьбой надо завоевать себе свободу, какие руководители могут быть у него в этой борьбе, как относится к интересам крестьянской революции буржуазия и буржуазная интеллигенция, почему необходимо насильственное свержение царской власти для уничтожения помещичьего землевладения. Вся прошлая жизнь крестьянства научила его ненавидеть барина и чиновника, но не научила и не могла научить, где искать ответа на все эти вопросы»⁶⁵.

Но не пессимистические настроения и мотивы определяют произведения устного народного творчества. В них всегда преобладает живой оптимизм, вера людей в счастливое будущее, реалистическая тенденция, характеризующая подлинные отношения полярных классов общества, отношение простых людей к своим врагам, эксплуататорам:

Харын ехэ хаани газар,
Борын ехэ бурхани газар.

Все темное там, где царь,
Все серое там, где бог.

(Инв. № 111).

Хаата газарта хаатаржаан олон,
Бурхата газарта боохолдой
олон.

Где царь, там каторжан много,
Где бог, там бохолдоев много.

(Инв. № 111).

Рассмотренные пословицы и поговорки свидетельствуют в какой-то мере об эволюции народных представлений. Если в течение длительного периода люди по причине своей духовной неразвитости, ограниченности признавали существование бога, преклонялись перед служителями религиозного культа, то на более высоком этапе развития человеческого общества эта слепая вера существенно пошатнулась.

Великая Октябрьская социалистическая революция, коренным образом изменившая судьбы народов, изменила также судьбы их устнопоэтического творчества. В произведениях фольклора, в частности в пословицах и поговорках, появляются мотивы, утверждающие силу и возможности человека, победу его разума: «Бурханаа бургааһаар шэрбээ»⁶⁶ — «Бога прутьями отхлестали»; «Бурхандаа шорой хаяа»⁶⁷ — «Бурхана забросали землей».

Если когда-то было возможным полновесное звучание такой пословицы, как: «Богдо хүштэй, бурхан аштай» — «Богдо силен, бог милостив» (инв. № 111), то современные афоризмы прямо противоположны им по своему содержанию и смыслу.

ПОСЛОВИЦЫ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

Великая Октябрьская социалистическая революция, навсегда положившая конец эксплуатации человека человеком, социально-политической и этической несправедливости, утвердившая свободу и равенство всех граждан нашей страны, предоставила широкие возможности для всестороннего развития личности, расцвета культуры, искусства, устнопоэтического творчества народа. Многие произведения устной поэзии бурят, в том числе и пословицы, воспевают эту величественную эпоху социальных преобразований, строительства нового общества, основанного на общественной собственности и принципах равноправия трудящихся.

Богатый и разнообразный фонд пословиц и поговорок в настоящее время характеризуется наличием традиционных и новых афористических выражений, возникших как непосредственное отражение советского образа жизни. В условиях современной действительности активно бытуют в основном такие традиционные пословицы и поговорки, которые по своему звучанию, тематической направленности не противоречат духу социалистического общества и способствуют утверждению его морально-этических основ, новых форм и правил общежития. «Отвергая классовую мораль эксплуататоров, коммунисты противопоставляют извращенным эгоистическим взглядам и нравам старого мира коммунистическую мораль — самую справедливую и благородную мораль, выражающую интересы и идеалы всего трудящегося человечества. Простые нормы нравственности и справедливости, которые при господстве эксплуататоров уродовались или бесстыдно попирались, коммунизм делает нерушимыми жизненными правилами как в отношениях между отдельными лицами, так и в отношениях между народами. Коммунистическая мораль включает основные общечеловеческие моральные нормы, которые выработаны народными массами на протяжении тысячелетий в борьбе с социальным гнетом и нравственными пороками»⁶⁸.

Существенные элементы этих «общечеловеческих моральных норм», нашедшие отражение в мудрых народных изречениях, сложившихся в разные эпохи, дошли до нас благодаря преемственной традиции поколений. Примечательны в этом плане пословицы и поговорки, отразившие тему труда, что составляет основу всех основ. «Труд — источник всякого богатства, утверждают политико-экономы. Он действительно является таковым, — пишет Ф. Энгельс, — наряду с природой, доставляющей

ему материал, который он превращает в богатство. Но он еще и нечто бесконечно большее, чем это. Он — первое основное условие всей человеческой жизни, и притом в такой степени, что мы в известном смысле должны сказать: труд создал самого человека»⁶⁹.

Народом создано огромное количество пословиц и поговорок, подчеркивающих необходимость труда в человеческой жизни: «Хөдөлөө үгэй зөөши олху үгэй гэлэй» — «Без труда не наживешь добра» (инв. № 1385); «Хүдэлмэри хүүгээ эдээлүүлхэ, залхуу бээе гутааха» — «Труд кормит человека, лень — портит» (инв. № 111); «Хүдэлмэридэ хүдэржэхэ, ажалда атаржаха»⁷⁰ — «В труде (человек) крепнет, в работе мужает».

Многие афоризмы, обобщившие народные воззрения, жизненный опыт нескольких поколений людей, отмечают органическое единство труда и счастья человека: «Ажал жаргал хоёр аха дүү хоёр» — «Труд и счастье — брат и сестра»; «Ажалай зэргээр алдар соло» — «По труду — почет и слава» (инв. № 111). Эти популярные пословицы бурятского народа, не утратившие своей актуальности и в наши дни, в своей основе соответствуют духу одного из главных нравственных принципов морального кодекса строителя коммунизма, сформулированного в Программе КПСС как «добросовестный труд на благо общества: кто не работает, тот не ест»⁷¹...

Отношение людей к труду во все эпохи является одним из критериев оценки достоинств человека. Причастность людей к труду, как известно, не всегда была одинаковой. В классовом обществе труд, тяжелый, изнурительный, был уделом бедных, содержал имущих, обеспечивая им праздную жизнь.

В условиях строительства нового социалистического общества, утвердившего справедливость и равноправие между всеми гражданами, роль труда и значение трудящегося человека поднялись на более высокую ступень. Произведения устнопоэтического творчества, в частности пословицы и поговорки, запечатлели многие характерные особенности этой эволюции. В них находим определение труда эпохи первобытнообщинного строя, классово-антагонистических обществ и новой, социалистической действительности.

Многие афористические выражения характеризуют особенности трудовой деятельности советских людей. Прежде всего они подчеркивают его коллективный характер, способствующий умножению общественного богатства: «Хамтын ажалай хүсэн-һөө хамаг хэрэг бүтэдэг» — «Сила общего труда свершает всякие дела»; «Хамтаараа хүдэлжэ хабатай болонобди, бултандаа хүдэлжэ баян болонобди»⁷² — «Коллективным трудом мы мощь обретаем, всеобщим трудом богатство наживаем».

Коллективизация сельского хозяйства нашла большой отклик в произведениях малых жанров бурятского фольклора. Создано много песен, пословиц, поговорок на тему колхозной

жизни. Некоторые из них говорят о преимуществах коллективного ведения хозяйства: «Амгалан байдал артельдэ байдаг» — «Хорошая жизнь бывает в артели»; «Колхоздо ороһоор ходо яргалтай»⁷³ — «Вступил в колхоз — счастье обрел».

Мудрые народные изречения подчеркивают, что коллективное хозяйство должно базироваться на честном и добровольном труде всех его членов. Поэтому все те, которые уклоняются от труда или работают не в полную меру своих сил, подвергаются всяческому осуждению: «Хүдэлхой хүүд колхоздо хэрэггой, архинша хүүд артельдэ хэрэггой»⁷⁴ — «Лентяи не нужны колхозу, гуляки не нужны артели»; «Артель соо лодырь хэрэггүй, амбаар соо хулгана хэрэггүй»⁷⁵ — «В артели лодырей не надо, в амбаре мышей не надо»; «Эдихэ гэхэдэ — таргыень, эдлэхэ гэхэдэ — хүнгыень» — «Если еду, то жирную, если работу, то легкую».

В афористических выражениях очень четко сформулировано отношение народа к таким людям, не желательным для здорового трудового коллектива: «Хүдэлмэришэ хүн хоймрто һууха, үргэшэ хүн үүдэндэ һууха»⁷⁶ — «Трудолюбивый человек на почетном месте сидит, а болтливый человек у двери сидит»; «Ажалша хүн зондо хүндэтэй, архинша хүн зондо шоотой»⁷⁷ — «Трудолюбивый человек уважаем в народе, пьющий человек ненавистен людям»; «Хүдэлмэришэ хүнэй хүлһэн гоожохо, хомхой хүнэй шүлһэн гоожохо»⁷⁸ — «У работающего пот бежит, у прожорливого слюнки текут».

Пословицы и поговорки бурятского народа раскрывают некоторые особенности сельского труда. Например: «Һайн ажалһаа — үндэр ургаса»⁷⁹ — «От хорошей работы — высокий урожай»; «Колхозоо баяжуулха гээ һаа, кукуруза ехээр ургуула» — «Хочешь поднять колхоз, кукурузы больше посей»; «Мал байбал мяхан байха»⁸⁰ — «Если будет скот, то будет мясо»; «Үбһэн ургал — юртэмсын шэмэг, үхэр олошорбол — колхозой шэмэг»⁸¹ — «Вырастет трава — украшение земли, скот размножится — украшение колхоза».

Скотоводческое направление в хозяйстве бурят также нашло отражение в произведениях устнопоэтического творчества. Об этом свидетельствует наличие в бурятском фольклоре многочисленных образов домашних животных, разные повадки которых используются для характеристики отдельных типов людей.

Лаконичны пословицы, обобщающие житейский, хозяйственный опыт людей в скотоводческом деле: «Бухал үбһэн — бодо мал, сомоо үбһэн — һүрэг мал» — «Копна сена — рогатый скот, зарод сена — стадо скота» (инв. № 2932); «Гунан үхэри хэбтэһэн газарта гурбан елдэ ногоо ургахагой, дүнэн үхэри хэбтэһэн газарта дүрбэн елдэ ногоо ургахагой» — «Где трехгодовалый бык лежал, там три года не прорастает трава, где четырехгодовалый бык лежал, там четыре года не прорастает трава» (инв. № 3096 (4)).

Значительная часть афоризмов, основанных на изображении отдельных особенностей животных, употребляются с иносказательным смыслом: «Тэжээсэн буруу тэргэ эбдэх» — «Выраженный теленок телегу ломает»; «Нохойн үгэйдэ гахай хусаба» — «В отсутствие собаки свинья залаяла» (инв. № 286).

Высоко оценивается конь, игравший большую роль в хозяйственной жизни бурят. Помимо улигерных и сказочных образов коня-друга, побратима, спасающего своего хозяина в беде, имеются специальные магталы, воспевающие различные его достоинства, в том числе его стать и красоту. И пословицы, поговорки затрагивают некоторые природные качества коня, его возможности при использовании в хозяйственных нуждах. «Морин хурдан — харгы хүнгэн» — «Конь быстрый — путь легкий»; «Морин номгон — эзэн ябаган» — «Конь смирный — хозяин пеший». Пословица утверждает, что конь всегда необходим в хозяйстве, даже если машины во многом заменили его функции. Характерна в этом смысле такая пословица: «Машинатайшые хаа, морин хэрэгтэй, залуушуултайшые хаа, үбгэд хэрэгтэй»⁸² — «Хоть машины есть, нужны кони, хоть молодые есть, нужны старики». Тем не менее признается превосходство новых сельскохозяйственных машин, которые ныне работают на полях колхозов и совхозов, активно заменяя тяжелый ручной труд людей. Не случайно по своей мощи трактор сравнивается с танком: «Талада ябаһан трактор тулалдаанда ябаһан танк шэнги»⁸³ — «Трактор на поле, что танк в бою». В условиях механизированного сельского хозяйства многие проблемы земледелия народ связывает, естественно, с тракторами, комбайнами: «Трактор тарьябал — тарьян ургаха, тарьян ургабал — тарган, садхалан»⁸⁴ — «Загремит трактор — вырастет урожай, вырастет урожай — будет сытно и обильно».

Афористические произведения справедливо отводят главную роль самому человеку — труженику и активному преобразователю природы, который создает эти машины и использует их в сфере производства: «Найхан газар хүү гоёодоггүй, найн эрдэмтэ газар гоёодог»⁸⁵ — «Не земля красивая украшает человека, а хороший ученый украшает землю»; «Ном мэдэхэгүй эрдэмтэй үгы, ногоо танихагүй агроном үгы»⁸⁶ — «Нет ученого, не знающего книги, нет агронома, не различающего травы». Организация колхозов и совхозов, появление тракторов и комбайнов на полях, специалистов и квалифицированных работников коренным образом обновили деревенскую, улусную жизнь: «Шэгнүүримнай сентрь болоо, шэнэ суудал колхоз болоо» — «Мера веса — центнер, новая жизнь — колхоз» (инв. № 2877).

Пословицы и поговорки в общем русле современных устно-поэтических произведений убедительно характеризуют прогрессивные явления, происходящие не только в советской деревне, но и показывают неузнаваемые изменения во всей жизни бурят, в их быту, психологии. Они отмечают рост их культуры

и просвещения. Если в дореволюционный период в бурятских улусах царили сплошная неграмотность, высокий процент заболеваемости и смертности, то в настоящее время построены различные школы, больницы, Дома культуры и отдыха:

Һомон бүхэндэ һургуули,
Артель бүхэндэ амбулатори⁸⁷.

В каждом сомоне школа,
В каждой артели амбулатория.

За годы Советской власти выросли свои национальные кадры — учителя, врачи, работники науки и искусства: «Һургаалай һайн һургуулиһаа, һурагшын һайн багшаһаа»⁸⁸ — «Хорошая учеба — от школы, хороший ученик — от учителя»; «Һайн һурагша гэрэл шэнги»⁸⁹ — «Хороший учитель подобен свету». В пословицах затрагиваются специфика разных профессий, своеобразие труда врачей и ученых, требующих особого проявления тех или иных человеческих качеств: «Эрдэмтэй хүнэй хэлэн зөөлэн, эмшэн хүнэй гар зөөлэн»⁹⁰ — «У ученого язык мягкий, у врача руки мягкие»; «Сэсэн хүний тархи, уран хүний хурган» — «У мудреца — голова, у умельца — пальцы» (инв. № 286).

Издавна буряты проявляли большой интерес к познанию, высоко ценили разум человека, его мудрость, здравомыслие, о чем свидетельствуют такие афоризмы: «Сурасан далай, сураа үгы балай» — «Учение — море (простор), неученье — тьма» (инв. № 286); «Сээл далайда, сэсэн эрдэмтэдэ» — «В море — глубина, в учении — разум» (инв. № 286).

Умные люди, как отмечают произведения устной поэзии, не только сильные, но и богаты в самом лучшем понимании этого слова. Примечательны в этом смысле пословицы, раскрывающие народную трактовку понятия «богатство»:

Эрхим баян — эрдэм,
Дунда баян — залуу,
Адаг баян — эд товар.
(Инв. № 111).

Высшее богатство — образование,
Среднее богатство — молодость,
Низшее богатство — материал.

Воспевая величие ума человека, его неограниченные возможности в познании истины, народные произведения вместе с тем иронизируют над тупостью, ограниченностью людей.

Не только в бурятских, но и в монгольских, калмыцких пословицах глупый, ограниченный человек часто уподобляется дереву, дубине, например: «Сэсэн хүн һара нарандли, тэнэг хүн модо шулуундли»⁹¹ — «Умный человек подобен солнцу и луне, а глупый — дереву и камню»; «Му күн модн кэшэ, сэн күн сэвур жора» — «Дурной человек — чурбан, хороший человек — иноходец»⁹². У всех монгольских народов популярна пословица «Сэсэн хүн хараһанаа хөөрэхэ, тэнэг хүн эдһэнээ хөөрэхэ»⁹³ — «Умный рассказывает о том, что видел, дурак — о том, что ел».

Понятия «глупый» и «плохой» в определении человека часто сливаются в произведениях устной поэзии, например:

«Тэнэг хүн мууда тоотой»⁹⁴ — «Глупый человек считается плохим». Совершенно справедливо и категорично подчеркивается, что от плохого человека исходит только плохое: «Мууһан муу гараха, модоноһоон хөө гараха» — «От плохого — плохое, от дерева — угли» (инв. № 2840 (3)). Наряду с этим, отмечаются сложность человеческой натуры, невозможность сразу разгадать в людях плохое или хорошее: «Хүнэй эрээн досоогоо, могойн эрээн газаагаа» — «Пестрота человека внутри, а пестрота змеи снаружи» (инв. № 2932 (2)).

Для фольклорных произведений характерно изображение отрицательных явлений в сравнении, сопоставлении с положительными. Этот прием дает возможность сказителям раскрыть суть неодобрительного, пережиточного и утвердить положительное, хорошее, что в сравнении всегда выигрывает. Эта тенденция усиливается в современный период, так как у нас еще много пережиточных элементов, которые тормозят прогрессивное движение общества, мешают строительству новой жизни. «Новый облик советского человека, — говорится в «Материалах XXIV съезда КПСС», — его коммунистическая мораль и мировоззрение утверждаются в постоянной, бескомпромиссной борьбе с пережитками прошлого. Не может быть победы коммунистической морали без решительной борьбы с такими ее антиподами, как стяжательство, взяточничество, тунеядство, клевета, анонимки, пьянство и т. п. Борьба с тем, что мы называем пережитками прошлого в сознании и поступках людей, — это дело, которое требует к себе постоянного внимания партии, всех сознательных передовых сил нашего общества»⁹⁵.

Определенная роль в этой борьбе принадлежит устнопоэтической сатире, которая в самой разнообразной форме вскрывает уродливые проявления пережитков прошлого. На службе у современных сказителей искрящийся юмор, едкая ирония, суровый сарказм и явная гиперболизация отрицательных явлений. В сатирических сказках, устных рассказах, песнях, пословицах беспощадной критике подвергаются расхитители народного добра. Обличая психологию таких людей, пословицы категорически утверждают: «Хулгайшанда хүнэй тоо үгы»⁹⁶ — «Вор не считается человеком». Популярна у монголов, калмыков и бурят пословица: «Худалша хулуушан хүн зондо хэрэггүй»⁹⁷ — «Лжец и вор не нужны народу».

В народных изречениях осуждается ложь, хвастовство, и зазнайство, заносчивость и высокомерие отдельных людей. Надменность человека объясняется в пословицах его недалеким умом: «Үндэр хадын орой хооһон, өөдэрхүү хүнэй толгой хооһон» — «У высокой горы вершина голая, у спесивого человека голова пустая» (инв. № 2754 (1)); «Орьел өндэр уулада ута ногоон ургахагүй, омог ехэтэй хүндэ олон эрдим

тогтохогүй» — «На острой вершине горы высокая трава не растет, у чванливого человека много от науки не задержится» (инв. № 2754); «Уймар тэнэгэй омог ехэ, ухаатай эрдимтэн омог үгы» — «Глупый кичлив, умный не горделив» (инв. № 2972).

Используя традиционный фольклорный метод, сказители противопоставляют высокомерным, хвастливым людям простых и скромных, пользующихся уважением и большим авторитетом в коллективе: «Найрхуу хүнэй үгэ найб шэнги, даруу хүнэй үгэ далай шэнги»⁹⁸ — «Слово хвастуна, как лужа, слово скромного — как море». В некоторых пословицах содержится установившаяся в народе оценка таких людей: «Ехэ үхэр ерэн түхэ-ригтэ хүрэхэ, ехэрхүү хүн юэн мүнгэндэ хүрэхэгүй»⁹⁹ — «Крупный бык девяносто рублей стоит, а спесивый человек и девяти копеек не стоит».

Во многих произведениях устнопоэтического творчества, в частности в пословицах и поговорках, уродливые стороны человеческого характера показаны как бы наиболее острыми гранями с тем, чтобы заострить внимание людей на них и способствовать их преодолению. И хотя встречаются отдельные недостатки в характере и поступках некоторых личностей, не они определяют нравственное качество советских людей. Основную часть нашего общества составляют люди честные, великодушные, с чистыми и благородными помыслами и намерениями. Их отличает профессиональная и общественная увлеченность своим трудом, честность, целеустремленность. В своих действиях они руководствуются высокими идеями претворения в жизнь грандиозных планов, начертанных в программных документах нашей партии и правительства. Именно этими людьми, воспеваемым их доблестного труда, высоких нравственных качеств наполнены современные устнопоэтические произведения. А критика отдельных недостатков, гротеск, острота сатирического звучания, составляющие основу некоторых афористических произведений, способствуют борьбе за человека будущего, за его активную гражданскую позицию, за его умственное, моральное, этическое совершенство.

За скупыми, на первый взгляд, словами пословиц, характеризующими отдельные недостатки людей, кроется большой смысл и благородное призвание помочь человеку осознать свои недостатки и преодолеть их. Если человек при воздействии хорошего коллектива, верных друзей, а также при благотворном влиянии лучших по своим идеалам произведений искусства, литературы и фольклора приходит к пониманию, осознанию того, что ему мешает и каким он должен быть, значит он находится на верном пути. И это — одна из главных задач произведений устнопоэтического творчества, которые в общем русле творений словесного искусства оказывают огромную роль в благородном деле воспитания молодежи.

Весь уклад нашей жизни, ее нравственные законы, мораль-

ная атмосфера, включая многочисленные произведения искусства,— все направлено на воспитание молодого поколения, призванного жить на пользу и радость людям, отдавать все силы служению обществу.

Из народных произведений дети получают первичные понятия о различных пороках жизни: злобе, корысти, зависти, несправедливости. Само содержание устнопоэтических творений народа раскрывает как положительные, так и теневые стороны нашей реальности. Опираясь на незначительный нравственный опыт ребенка, они с ранних лет приобщают детей к прекрасному, чистому, светлому, постепенно раскрывают ему диалектику жизни, переходя от простого к сложному, от конкретного к абстрактному. На постоянных фольклорных контрастах: добра и зла, правды и лжи, справедливости и несправедливости — раскрываются для детей некоторые жизненные противоречия.

Афористические творения словесного искусства лаконично сформулировали богатый жизненный и трудовой опыт народа, основы нравственных, этических норм, эстетических представлений людей. Эти сокровищницы народной мудрости, сконцентрировавшие в себе элементы прошлого и настоящего, умело сопоставляя и сравнивая их, способствуют глубокому пониманию подрастающими поколениями исторических процессов, помогают глубже понять и по достоинству оценить огромные социально-экономические преобразования, происходящие в стране, уяснить преимущества советского образа жизни.

В разнообразном репертуаре наших сказителей встречаются пословицы и поговорки дидактического, поучительного характера, специально предназначенные для молодежи.

Само построение отдельных пословиц соответствует их нравоучительному характеру: «Ухаата хайнһаа үгэ һура, урдын мэргэдэһээ есо журам һура» — «У умного, мудрого совет спрашивай, у старцев-знатоков обычай и правила спрашивай» (инв. № 2972); «Уулын үндэри дабажа үзөөд мэдэ, олоной хэлэһые шүүжэ үзөөд мэдэ» — «Высоту горы преодолев, узнай; мнение многих обдумав, узнай» (инв. 2972); «Эдээ ехэдэ бү баярха, эрдэмээ ехэдэ бү омгорхо» — «Не хвались, что богат вещами, не гордись, что высок наукой» (инв. № 2972). В некоторых из них даже есть непосредственное обращение к молодым. Например: «Залуушуул, архида бү мэндэгты, ажалда мэндэгты»¹⁰⁰ — «Молодые, не спешите к вину, а спешите к труду». В другом варианте, по-видимому, наиболее раннем, эта же пословица звучит так: «Залуу улад, архида бү мэндэгты, абада мэндэгты» — «Молодые люди, не спешите к вину, а спешите к облавной охоте» (инв. № 95). В пословицах этого цикла утверждается мысль о том, что друга надо выбирать умело: «Нүхэрые нүхэрөөрнь танидаг, алтые шоройгоорнь танидаг»¹⁰¹ — «Друга узнают по другу, а золото — по земле золотоносной»; «Һайнтай нүхэрлөө һаа, һарын толон, муутай нүхэрлөө һаа, могойн хо-

рон»¹⁰² — «Дружба с хорошим — лунный свет, дружба с плохим — змеиный яд».

О хорошей, верной, преданной дружбе, помогающей человеку в различных ситуациях, создано большое количество фольклорных произведений. Причем искренняя дружба, говорится в устнопоэтических творениях народа, требуют от человека полной отдачи душевной щедрости, а если надо, то и жизни для спасения друга.

Действительно, дружба людей, их взаимоподдержка, взаимопонимание, доброта и бескорыстность составляют основу благоприятной атмосферы коллектива и определяет во многом его силу и мощь: «Зон эбтэй болобол, зол дээрэ һуудаг»¹⁰³ — «Дружные люди счастье находят».

«Мы должны помнить, что ни материальная обеспеченность, ни благоустройство быта еще не сделают нас счастливыми, если мы не научимся уважать друг друга,— пишет В. Тендряков.— От взаимоуважения зависит наша сплоченность. Сила человека в общности, и нравственность ее цементирует»¹⁰⁴.

Такие пословицы бурятского народа, как «Эблэбэл бүтөөжэ шадаха, хоблобол эбдэржэ халаха»¹⁰⁵ — «Подружатся — сделать сумеют, сплетничать будут — развалят»; «Хамтын хаба ехэ, омогой олзо ехэ»¹⁰⁶ — «Совместная сила огромна, доход коллектива велик»; «Эбтэй шаазгай элээ барижа эдихэ, эриһэн дээрэн шулуу отолжо шадаха» — «Дружные сороки коршуна заклюют, волосная веревка камень разрежет» (инв. № 2932 (2), своими основными направлениями и выводами близки к нравственным принципам, определенным в моральном кодексе строителя коммунизма:

«—коллективизм и товарищеская взаимопомощь: каждый за всех, все за одного;

— гуманные отношения и взаимное уважение между людьми: человек человеку — друг, товарищ и брат»¹⁰⁷.

С победой Великой Октябрьской социалистической революции и строительством социалистического общества созданы объективные условия для всестороннего утверждения этих гуманистических принципов человеческой морали. «За годы социалистического строительства в нашей стране возникла **новая историческая общность людей — советский народ**, — отмечается в «Материалах XXIV съезда КПСС». — В совместном труде, в борьбе за социализм, в боях за его защиту родились новые, гармоничные отношения между классами и социальными группами, нациями и национальностями — отношения дружбы и сотрудничества. Наши люди спаяны общностью марксистско-ленинской идеологии, высоких целей строительства коммунистического общества. Эту монолитную сплоченность многонациональный советский народ демонстрирует своим трудом, своим единомышленным одобрением политики Коммунистической партии»¹⁰⁸.

Не случайно, что многие произведения искусства, в том числе устнопоэтического, широко воспевают это высшее единение советских людей: «Барандаа нэгэдэжэ баян болообди, хамтаараа нэгэдэжэ хүшэтэй болообди»¹⁰⁹ — «Объединились — богаче стали, сплотились — сильнее стали»; «Эрдэмэй дээжэ — эб»¹¹⁰ — «Высшая наука — дружба, единство».

«В образовании, укреплении и развитии этого могучего союза равноправных народов, ставших на путь социализма, сыграли свою роль все нации и народности нашей страны, и прежде всего великий русский народ. Его революционная энергия, самоотверженность, трудолюбие, глубокий интернационализм по праву снискали ему искреннее уважение всех народов нашей социалистической Родины»¹¹¹. В произведениях устнопоэтического творчества бурят с большой любовью говорится о русском народе. Его справедливо называют старшим братом и верным другом: «Ород зон аха дүүмнай болоо, ольхоной зон худа урагнай болоо»¹¹² — «Русский народ нам братом стал, ольхонские буряты сватами стали».

Те грандиозные задачи, которые поставлены перед советскими людьми, эффективное, творческое претворение их в жизнь способствуют дальнейшему сближению наших народов. Великие свершения, общие благородные дела советских людей, их активная гражданская позиция — все это находит широкие отзвуки в устной поэзии наших народов.

Тема защиты революционных завоеваний в первые годы Советской власти и необходимости надежной защиты Родины в случае нападения врагов нашла живой отклик в афористических произведениях: «Зүбэй, үнэнэй түлөө зэргэ барандаа оролсохо, зүблэлтэ засагай түлөө зоригтой шангаар тэмсэхэ»¹¹³ — «За истину, правду всем дружно подняться, за Советскую власть нужно крепко сражаться»; «Улад хубилжа, улаанаар эрьелдэбэ, саг хубилжа, сагаанаар эрьелдэбэ»¹¹⁴ — «Преобразились люди — красными стали, переменилось время — появились белые»; «Зоной түлөө зоболдохо, хамагай түлөө хадхалдаха»¹¹⁵ — «Бороться за людей, сражаться за народ».

Полны человеческого негодования пословицы, беспощадно обличающие захватническую политику фашистов, Гитлера, навязавших миру бесчеловечную, варварскую войну: «Хорошо муухай Гитлеры хойшолуулангүй дараха хэрэгтэй»¹¹⁶ — «Свиноголового, лютого Гитлера нужно бесследно разбить».

Советский народ, вынесший все ужасы и тяготы войны на своих плечах, прекрасно знает, что это такое, поэтому решительно и единодушно осуждает ее кровопролития и воспекает мирную жизнь, ее величие и красоту: «Дайда уһанда дуратай, дайн шуһанда дуратай»¹¹⁷ — «Земля любит воду, война любит кровь»; «Зуд болобол зон дээрэ, дайн болобол дэлхэй дээрэ»¹¹⁸ — «От бедствий страдает народ, от войны страдает земля»; «Эбдэхэдэ амар, эблүүлхэдэ бэрхэ»¹¹⁹ — «Ломать легко,

создавать трудно»; «Дайгүй эбтэй нуухада дайда сэсэгээр хушагдадаг, дайн дажарай үедэ дарин утаагаар хушагдадаг»¹²⁰ — «В мирное, дружное время земля цветами покрыта, во время войны и сражений дымом пороха покрыта»; «Найралдан сагууха жаргал, наншалдан тэмсэхэ ниитын зоболон» — «Жить в дружбе — счастье, воевать — общее горе затевать» (инв. № 2979).

Горячая любовь советского народа к Родине, которую он издавна называет «матерью родной», стремление сделать ее еще краше и богаче, призывы стоять на страже мира, проявлять бдительность к проискам врага — все это нашло яркое проявление в пословицах и поговорках: «Түрэнэн дайда — түрэл эхэ, хүнэй дайда — хойто эхэ»¹²¹ — «Родная земля — родная мать, чужая земля — мачеха»; «Өөрын найхан дайдые орхихо хэрэггүй, түрэнэн найхан нутаргаа төөрихэ хэрэггүй»¹²² — «Свой прелестный край нельзя покидать, свою прекрасную Родину нельзя обходить»; «Харин дайсан холо гээгүеэр, ходоодоо бэлэн бай»¹²³ — «Не думай, что коварный враг далек, будь всегда готов»; «Нэмээхэн дайсание нэргэг хадаа барихаш»¹²⁴ — «Незаметного врага, лишь будучи бдительным, поймаешь».

В пословицах и поговорках бурят патриотические идеи народа органически сплетаются с его интернациональными интересами. В общем русле других произведений словесного искусства они активно выступают против войны и проявления всякой агрессии, последовательно утверждают мир, призывают народы различных стран к дружбе и солидарности: «Эбээ нэгэдэбэл, сэрэг хэрэггүй»¹²⁵ — «Если в дружбе жить, то войска не нужны».

Во многих пословицах звучит уверенность в торжестве справедливых идей, звучит оптимизм, потому что сила на стороне народа: «Далай соо тулын хүзүүн бүдүүн, дайда дээрэ зоной хүзүүн бүдүүн»¹²⁶ — «В море шея тайменя толстая, на земле — шея народа»; «Алтан наран унтархагүй, арад зон нугархагүй»¹²⁷ — «Солище золотое не погаснет, сила народная не иссякнет».

Действительно, сила, мощь и возможности народа огромны: «Продолжая революционные традиции поколения борцов, создавших первое в мире рабоче-крестьянское государство, советский человек построил социализм, выстоял и победил в смертельной схватке с фашизмом, отстоял великие завоевания нашей революции и ныне первым в истории строит коммунизм. Рабочий класс, колхозное крестьянство, советская интеллигенция показывают пример высокой социалистической сознательности, героического труда»¹²⁸. Произведения искусства, устно-поэтического творчества, впитанные живительными соками нашей жизни, активно отражают суть явлений и событий современности. В них ощутимо дыхание времени, его тревог и больших свершений. Произведения устной поэзии раскрывают ши-

роту размаха созидательной деятельности советских людей, богатство и силу их творческих устремлений и замыслов.

Все эти колоссальные изменения, происходящие в нашей стране, в частности в Бурятии, народ неразрывно связывает с верной политикой Коммунистической партии и мудрым учением В. И. Ленина, вождя и учителя всего прогрессивного человечества. В народе создано огромное количество произведений, воспевающих величие родной партии, гениальность и мудрость В. И. Ленина, в том числе метких изречений, очень точных и объективных в своих интерпретациях: «Набша сэсэг наранһаа, наһанай жаргал партиһаа»¹²⁹ — «Цветы и листья — от солнца, счастье жизни — от партии»; «Бурядаай байдал большевик зохёогоо, арадай жаргал Ленин зохёогоо»¹³⁰ — «Жизнь бурят большевик наладил, счастье народа Ленин создал»; «Алмазһаа хатуу шулуун байхагүй, Ленинһээ сэсэн баатар байхагүй»¹³¹ — «Крепче алмаза камня нет, мудрее Ленина батора нет».

Таким образом, советский народ свою счастливую настоящую жизнь, будущие надежды и мечты, связанные с коммунизмом, рассматривает в органическом единстве с именем В. И. Ленина, с его учением, с глубоко гуманной политикой Коммунистической партии: «Зоной сэдхэл Ленинһээ, золой харгы коммунизмда»¹³² — «Думы народа от Ленина, дорога счастья — в коммунизме».

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ БУРЯТСКИХ ПОСЛОВИЦ

Отличительной особенностью пословиц и поговорок является их краткость, меткость и точность в выражении народного опыта и мудрости: «Оройдо эртэгүй» — «В позднем нет раннего» (инв. № 2932(2)); «Сэхэ хүн сээргүй»¹³³ — «Честный человек безгрешен»; «Хүнгэн юмэ шэнгэн» — «Легкое дело — жидкое» (инв. № 2932(2)). Такие изречения, обретшие большую устойчивость и популярность в речевом обиходе бурят, являются как бы образцами очень краткого, но вполне законченного, цельного и ясного выражения отвлеченной мысли людей или их конкретного суждения. Идеи и мысли, предельно обобщенные в них, в силу своей достоверности и убедительности воспринимаются как общепризнанные истины, проверенные временем и жизненной практикой людей.

Наряду с изречениями, сформулированными очень сжато и кратко, у бурят бытует огромное количество пословиц, выраженных в форме двестишій. Составные части двестишій представляют собой в основном короткие, лаконичные, ритмически организованные строки, определенным образом сопоставляемые между собой. Сопоставляемые части в большинстве случаев оказываются однородными синтаксическими построениями, поскольку структурную основу многих пословиц-двестишій со-

ставляет параллелизм. Обе строки двустипия иногда выражают очень близкую, почти совпадающую мысль, например:

Ламааа наһанда үлгэдтёо,	Ламу на сосну повесили,
Хуварагаа хуһанда үлгэдтёо ¹³⁴ .	Хуварака на березу повесили.

Лишь незначительными конкретизирующими, уточняющими штрихами разнятся сопоставляемые строки в подобных двустипиях.

Не выходя за пределы единой развиваемой в пословице мысли, одна часть может какими-то, возможно и несущественными, элементами дополнять и расширять смысл другой:

Наадан хөөрэбэл наншалдаан,	Крайности игры — драка,
Энээдэн хөөрэбэл хэрүүл ¹³⁵ .	Крайности смеха — ссора.

Нередко вторая часть пословичного выражения, как бы логически продолжая мысль первой, поэтически уподобляется ей:

Тэмээн томодоо найдадаг,	Верблюд надеется на мощь свою,
Тэнэг бүхэдөө найдадаг.	А глупец на свою силу.

(Инв. № 2932 (2)).

Мысль, выраженная в первой строке, может быть противопоставлена смыслу второй части двустипия, например:

Залуу хүндэ — нэрэ,	Молодому — имя,
Үтэлһэн хүндэ — дэрэ.	Старому — подушка.

(Инв. № 95).

Жаргаланай ехэ — эб,	Счастье большое — дружба,
Зоболонтой ехэ — хэрүүл.	Несчастье большое — ссора.

(Инв. № 2972).

Умелое использование в пословицах приема антитезы, различных антонимов убедительно раскрывает характер контрастов, противоречий. Антитеза позволяет очень живо, рельефно сопоставить хорошее с плохим, положительное с отрицательным. В результате усиливается эмоциональная окраска пословиц, подчеркивается высказываемая мысль, повышается сила их художественного воздействия на слушателей.

Һайн хүн һарьдаг шэнги,	Хороший человек, как скала,
Муу хүн модон шэнги.	Плохой человек, как дубина.

Определенную художественно-выразительную роль в бурятских пословицах играет аллитерация, которая основана на созвучии начальных слогов и звуков, на повторении одинаковых звуковых сочетаний. Наиболее распространенной является аллитерация начальных звуков полустипий:

Хуурай модон хүнгэн,	Сухое дерево легкое,
Худал үгэ хуурмаг.	Лживое слово фальшивое.

(Инв. № 2840).

В пословицах, выраженных четверостишиями, практикуются аллитерации начальных звуков в рамках двустиший. Совпадают начальные слоги первых двух строк и последних двух:

Бээ харааб гээд,
Бээ зобоодог,
Амараа харааб гээд,
Амьтани зобоохо.
(Инв. № 2896).

В поисках легкого
мучает себя,
Стремясь к покою,
мучает людей.

Встречается аллитерация, охватывающая все четверостишие:

Үбһэ задалхада
Үхэр баясаха,
Үүсэ гаргахата
Үхи хүбүүн баясаха¹³⁶.

Раскрытие сена —
Радость скоту,
Забой скота —
Радость детям.

Аллитерация в настоящем примере сочетается с конечной рифмой. Рифмы бурятских пословиц очень простые, в большинстве случаев они бывают выражены повторением одного и того же слова:

Залхуу хүндэ
Зали олодохой,
Залгидаг хүндэ
Эдээн олодохой¹³⁷.

У ленивого человека
Времени не бывает,
У прожорливого человека
Еды не бывает.

В некоторых пословицах рифма находит выражение в одинаковой грамматической форме, в использовании совпадающих глагольных форм или падежных окончаний существительных. Например:

Омог бардам сэдхэлдэ
Олон эрдэм тогтохо үгэй,
Орьёл үндэр уулада
Ута ногоон ургаха үгэй.
(Инв. № 2720).

Высокомерный и спесивый
большой науки не постигнет.
Скалы острейшие вершины
не зарастут травой высокой.

Не всегда орфографически точно совпадают рифмующиеся слова в пословицах. Совпадают они лишь фонетически, при одинаковом произношении разных по смыслу слов:

Үнэн юумэ үгөөрөө,
Үнэгэн малгай үнөөрөө.
(Инв. № 2932 (2)).

Правда познается словами,
А лисья шапка — мехами.

Несмотря на свою несложность, рифмы, используемые в бурятских пословицах, вместе с аллитерацией создают ритмичность, мелодичность стиха, усиливают выразительность народных изречений и возможность их эмоционального воздействия на людей. Для бурятских пословиц характерны не только звуковые совпадения и повторы в начале и в конце слов, но и звуковые повторы, особенно гласных, на протяжении всей строки, например:

Олон — олзотой,
Ганса — гарзатай¹³⁸.

Коллектив — обретаёт,
Одиночка — теряет.

В приведенном пословичном выражении совпадают все начальные звуки слов в каждой стихотворной строке. Кроме того, в каждой стихотворной строке почти все слоги построены на повторении одинаковых гласных звуков: в первом полустиишии — «о — ой», во втором — «а — ай».

Повторение одних и тех же гласных звуков присуще многим бурятским пословицам. Иногда даже четверостишие целиком может быть основано на повторении одной гласной в разных сочетаниях. Например:

Баабайдаа байхадаа
Басаган хайхан,
Базаарта байхадаа
Бараан хайхан.
(Инв. № 3017).

В отцовском доме
Девушка красива,
На базаре
Вещи красивы.

Здесь четко соблюдена гармония гласных, присущая бурятскому языку. Она распространена не только на отдельные слова и строки, а на все четверостишие, состоящее из слогов с мужским гласным «а — ай».

Иногда полустиишии бывают построены по закону соблюдения гласных только одного ряда. Например, в пословице «Үхэтэр үеэлэ хэрэгтэй, хататар хаяала хэрэгтэй»¹³⁹ — «До смерти брат двоюродный нужен, до кончины брат троюродный нужен», первое полустиишие состоит из слогов и слов с женскими гласными «э — эй — ү», а первые слова второго полустиишия — из слогов с мужским гласным «а». В конце же этого полустиишия по аналогии с первым повторяется глагол «хэрэгтэй» — «нужен».

Однако не всегда и не во всех бурятских пословицах строго соблюдается гармония гласных, которая требует сочетания в слове только мужских гласных (эрэ аялган), или только женских (эмэ аялган), или их употребление с нейтральными гласными (эрсэ). Иногда бывают явные нарушения этой гармонии, что наблюдается главным образом в диалектных словах, употребляемых в пословицах: «Һайнһаа муу гарагкээм (гарангээ)»¹⁴⁰ — «От добра нет плохого». В словах «гарагкээм», «гарангээ» нарушен стройный ряд мужских гласных «а — а» неожиданным появлением в конце женского гласного «э». При литературном звучании этого пословичного выражения такая дисгармония отсутствует: «гарана үгээ» или «гараха үгээ» — до конца соблюдается закон гармонии гласных, то есть в первом слове только мужские гласные «а — а — а», во втором — только женские «у — ээ». Однако из-за слияния двух слов разного сингармоничного ряда эта гармония в приведенной пословице нарушена.

Однородные звуки в силу своей повторяемости в отдельных

словах, строках или в целых афористических выражениях способствуют интонационно-звуковому выделению пословиц в общем речевом потоке людей, невольно привлекая к себе внимание слушателей. Следовательно, они становятся своеобразными выразительными средствами бурятских пословиц.

Для многих бурятских афоризмов характерны повторения не только одинаковых звуков, но и одних и тех же слов — глаголов, прилагательных, существительных:

Тэнэг хобдог тогоо насиха,
Сэсэн хобдог гал насиха.

(Инв. № 2720).

Ухаата хүн олоной шэмэг,
Ургаһан сэсэг уулын шэмэг.

(Инв. № 2972).

Хүндэ туһа хүргэхэдэ,

Өөртэ туһа болохо¹⁴¹.

Хоёр хада уулзахагүй,

Хоёр хүн уулзаха.

(Инв. № 2932 (2)).

Глупый обжора котел стережет,
Умный обжора огонь стережет.

Умный человек — украшение многих,
Выросшие цветы — украшение горы.

Людям окажешь помощь —
Добром для тебя обернется.

Две горы не сойдутся —
Два человека встретятся.

Повторение одних и тех же слов в разных строках и полустишиях пословиц может быть преднамеренным поэтическим приемом сказителя, преследующим роль особого выделения определенной мысли или отдельных слов и выражений.

Использование тавтологии отчасти оправдывается самой структурой бурятских пословиц. Некоторые из них в своих различных стихотворных частях и в первом и во втором полустишии могут выражать идентичную мысль или уточнять, дополнять и конкретизировать одна другую. Различные звуковые и словесные формы повторений, удачно используемые в бурятских пословицах, усиливают их эмоциональное воздействие.

В общей системе выразительных средств бурятских пословиц и в организации их эмоциональной атмосферы немаловажную роль играют тропы. Многие бурятские афоризмы созданы путем использования приемов сравнения. Образы, с которыми сравниваются те или другие предметы или явления, могут быть взяты из конкретной жизни людей, из природы, окружающей их, из мира животных, птиц, насекомых: «Могойдли мүлхижэ оробо, тархаандли таража арлиба» — «Приползли, как змеи, разбрелись, как тараканы» (инв. № 3157).

Сравнения в бурятских пословицах часто передаются с помощью слов «шэнги», «мэтэ», «адли». Например: «Үгэ мэдэхэ үгээ хүндэ үгэ хэлэхэдэ, үхэрэй эбэртэ тарай сасаһан мэтэ» — «Объяснять непонятливому человеку — словно сыпать зерна на рога быка» (инв. № 2720). Часто эти соединительные вспомогательные слова, особенно «адли», сливаются в разговорной речи с предыдущим словом и выглядят как его окончание: «Һайн хүн һара мэшэндли» — «Хороший человек подобен звезд-

де и луне» (инв. № 1587). Слово «адли» при слиянии с предыдущим словом «мэшэн» утрачивает гласную «а». В результате, сливаясь в одно слово, они несут основную нагрузку сравнительного приема.

Таким образом, сравнение может выражаться очень лаконично, одним словом, а также сочетанием нескольких слов, может охватывать целиком пословичное выражение. Сопоставление и сравнение одного предмета или явления в пословице с другим придают ее звучанию образность, живость, эмоциональность. В результате усиливаются поэтические краски не только афористического выражения, но и впечатляемость самой речи говорящего.

Среди образных средств бурятских афоризмов значительное место занимают эпитеты. В большинстве пословиц бурятского народа отмечаются эпитеты, заключающие в себе характеристику отдельных сторон предметов и явлений:

Хабтагар түлээн гал гутааха,	Широкое полено огонь портит,
Харуу эзы гэр гутааха.	Скупая жена дом портит.
(Инв. № 111).	

Иногда встречаются афористические выражения, очень насыщенные художественными определениями. Например:

Хагаша үгээ сайн нүхэртөө	Неразлучному хорошему другу
Марташа үгээ муу үгэ бү хэлэ,	незабываемые, обидные слова
	не говори.
Хагаша үгээ сайн мориндо	На преданного, хорошего коня
Дааша үгээ хүндэ ашаа бү аша.	непосильное, тяжелое не грузи.
(Инв. № 111).	

В этой пословице, состоящей из четверостишия, в каждой строке несколько эпитетов, подчеркивающих какие-то признаки, свойства и качества определяемых предметов и явлений.

Многочисленные эпитеты, употребляемые в пословицах и поговорках, могут дополнять друг друга, уточнять определение одного из свойств изображаемого предмета, они способны охарактеризовать его с разных сторон и пояснить основные черты определяемого предмета. Но это, на наш взгляд, не дает основания категорично утверждать, что они выполняют лишь роль пояснений. Анализ конкретного пословичного материала, накопленного в фондах и архивах, а также полевые записи раскрывают большое разнообразие функциональных особенностей художественных определений. Наряду с пояснительными эпитетами, встречаются и украшающие, тавтологические эпитеты, например:

Урин хайхан ябаха
Ухаан бэлигэй хүсэн,
Үрэй мори бариха
Урагаша хүнэй хүсэн.
(Инв. № 2720).

Быть милым, обходительным —
От силы разума зависит,
Необъезженного коня поймать —
От силы арканщика зависит.

Хатуу шэрүүн үгэ дуулаа наа, Если резкое, грубое слово
услышишь,
Хадын дагуураан мэтэ хана. То подумай: это горное эхо.
(Инв. № 2754).

Интересно афористическое выражение: «Түрүүни түүхэ, урайни үльгэр»—«Прежняя история, давнее сказание» (инв. № 2979). В основе эпитетов «түрүүни», «урайни» содержится тавтология, дублирование основного смысла тех слов, к которым они присоединяются: «түүхэ», «үльгэр». Эти понятия говорят о давности своего происхождения. А используемые эпитеты как бы художественно обрамляют их, углубляют не только смысловую, но и эмоциональную их нагрузку.

Не всегда эпитеты употребляются в своем прямом смысле. Многие примеры из богатого арсенала бурятских пословиц свидетельствуют о том, что слова, художественно определяющие какие-то предметы и явления, употребляются в изречениях в прямом и переносном смысле. Например:

Хатаһан түмэри үрэхэн бэрхэ, Твердое железо наточить
трудно,
Ханилһан нүхэрһөө хагсахан бэрхэ. С милым другом расстаться
трудно.
(Инв. № 2720).

Эпитет «хатаһан» в данной пословице употребляется не в буквальном смысле — «высохшее» или «иссохшее» железо, а в значении «хатуу»—«твердое».

Интересно и другое изречение: «Арааяа суураһан хүн». В нем определение «арааяа суураһан» воспринимается не в прямом значении, а в переносном: «взрослый», «умудренный опытом» человек.

Следовательно, некоторые эпитеты в бурятских пословицах образуются по принципу метафоры, они подчеркивают не только присущие предметам и явлениям признаки, но и возможные, предполагаемые, перенесенные черты и свойства.

Иногда определения складываются по законам сравнения: «Туулайн зэргэ зугаае хадайн зэргэ болгохо»¹⁴²—«Разговор примерно с зайца раздули до размера горы».

Очень часто эпитеты употребляются в пословицах в тесном переплетении со сравнениями: «Хэнтэг хүн хирээ мэтэ, хэрүүлшэ хүн нохой мэтэ»—«Жадный человек подобен вороне, склочный человек подобен собаке» (инв. № 2720). Кроме того, они проявляют большое структурное разнообразие. Наряду с эпитетами, состоящими из одного слова, в метких изречениях бурят находим сложные художественные определения, образованные сочетанием нескольких слов:

Айжа ябаһан хүн
Аминдаа ээтэй.
Бэгзыжэ ябаһан хүн
Бээдээ ээтэй.
(Инв. № 1236).

Осторожный человек
Себя бережет,
Осмотрительный человек
Себя шадит.

Хольти хүбүүтэй хүн
Хонто мори унахабэй.
Хобдог эзытэй хүн
Хорготой шүлэ уухабэй.
(Инв. № 1587).

Человек с разгульным сыном
На доброго коня не сядет,
Мужчина с прозорливой женой
Жирный суп не поест.

Определяемые слова «хүбүүтэй» и «эзытэй» с эпитетами «хольти» и «хобдог» в таком органическом сочетании служат общим художественным определением, относящимся к слову «хүн».

В репертуаре бурятских сказителей немало афористических выражений, состоящих только из одних определений при опущенном определяемом слове, которое лишь предполагается. Например: «Хара ханаатай, шабар дотортой»—«С черными помыслами и грязным нутром» (инв. № 1236). Речь идет о плохом человеке. И хотя в изречении нет слова «человек», смысл афоризма понятен.

Рассмотренные выше примеры в какой-то мере говорят о том, что эпитеты, употребляемые в пословицах бурятского народа, обладают разнообразными функциональными и структурными особенностями. Благодаря такому многообразию художественных определений изображаемые предметы и явления, составляющие ядро афоризма, становятся яркими, запоминающимися. Сама пословица обретает живость и колорит.

В общем фонде произведений словесного искусства немало пословиц, выражающих основную мысль изречения в очень образной, метафорической форме, то есть построенных на уподоблении черт и свойств одного предмета или явления особенностям другого. Как и другим жанрам бурятского фольклора, пословицам присущи олицетворение, уподобление неодушевленных предметов живым существам, например: «Орохо тэнгэрийн орой суурхай»—«У дождливого неба макушка дырява» (инв. № 1587).

Газарта хэлэхэ гэхэдэ —
Газар дүлин,
Тэнгэридэ хэлэхэ гэхэдэ —
Тэнгэри холо¹⁴³.

Рассказать бы земле —
Земля глуха,
Рассказать бы небу —
Небо далеко.

Интересны пословицы, в которых даже абстрактные понятия иногда уподобляются одушевленным существам. Так, в пословице «Муу үгэ модон хүлтэй»—«Плохие слова имеют деревянные ноги» (инв. № 2840) словам приписываются отдельные свойства, присущие человеку или животным. С данной пословицей перекликается другая, где молва уподобляется быстроному коню: «Муу хүүр моринһоо хурдан»¹⁴⁴—«Дурная молва быстрее коня».

Нередки для бурятских пословиц метафоры-аллегии, которые охватывают смысл всего изречения: «Ехэ шулууе бага шулуун хүдэлгэхэ»—«Большого камня сдвинет малый» (инв.

№ 2932(2); «Үглөө эдхэ үүхэнһээ мүнөө эдхэ уушха дээрэ» — «Легкие, что можно сегодня съесть, лучше завтрашнего жира» (инв. № 2896).

Пословицы, целиком представляющие собой метафорический образ, придают речи выразительность, дают толчок размышлению, воображению, творческой фантазии человека.

Метафоры в органическом сочетании с другими средствами художественного изображения усиливают эмоциональную нагрузку афоризмов, делают весомее и ощутимее познавательную суть народных изречений, оживляют в целом поэтическую и разговорную речь, придают ей новизну, экспрессивность.

Наряду с метафорами в бурятских пословицах встречаются и метонимии, которые основаны на замене прямого названия предмета другим, сохраняющим черты и признаки, сближающие их. Так, в пословичном выражении «Хаани хүхэ түмэр, эжэни хүнды түмэр» — «Ханское синее железо, хозяйское полое железо» (инв. № 2979) о ружье прямо не говорится, нет ни самого слова, характеризующего данное понятие, ни синонима, заменяющего его. Однако представление о нем дается через описание определенных признаков. Метонимическое изображение ружья основано на своеобразии материала, составляющего главный компонент при изготовлении огнестрельного оружия: «түмэр» — «железо».

В метонимической форме бытует и пословица «Бусалһанһаа ама хүрэ, бууралһаа үгэ дуула» — «Сваренное попробуй, седого послушай» (инв. № 2720). В такой образной форме пословица подчеркивает мысль о том, что к словам и советам людей почтенного возраста, умудренных жизненным опытом, нужно прислушиваться.

Говоря о том, что ребенок подрос, достиг такого возраста, когда его можно считать взрослым, пословица также умело прибегает к метонимии: «Гарын ганзагада хүрэбэ, хүлын дүрөөдэ хүрэбэ» — «Руки доходят до тороки, ноги — до стремени» (инв. № 2697). Известно, что в определенный период развития хозяйственной и экономической жизни бурят конь был одним из основных средств передвижения. При кочевках и на охоте, а также при выполнении разных работ по хозяйству конь играл большую роль. Поэтому дети очень рано учились держаться в седле, ездить на коне. И одним из основных критериев, свидетельствующих о том, что дети подрастают, становятся взрослыми, мужают, было определение «руки доходят до тороки, ноги доходят до стремени». Это выражение, когда-то имевшее прямое отношение к действительной жизни бурят, постепенно откреплялось от своей первоосновы. В настоящее время это афористическое выражение воспринимается в переносном значении. Но его смысл ясен и говорящим, и слушающим.

Утверждению некоторых метонимических выражений в бу-

бурятских пословицах способствовали, по-видимому, и древние воззрения бурят, выразившиеся в определенных табу на отдельные слова, названия, имена. Например, не всегда в старину было возможным прямое название некоторых животных, зверей, что отразилось в произведениях устной поэзии бурят. Вместо «медведь» («баабгай») в фольклорных произведениях часто употребляется «хозяин тайги» («тайгын эжэн»), «косолапый» («муяа хүлтэй»), например: «Муяа хүлтэй модондо хүшэрхөө»¹⁴⁵—«Косолапый перед деревом кичится силой». Синонимом волка служит «ута һүүлтэй»—«длиннохвостый»: «Ута һүүлтэй уһа долёогоо»¹⁴⁶—«Длиннохвостый воду лижет».

Нередко в фольклорных произведениях мужчин называют «һаадагтай», «бэхэтэйшүүл», женщин—«һаншагтай», а человека вообще—«хоер хүлтэй хойбондой» («двуногий хойбондой»): «Һаадагта хүн хутага тээшээ, һаншагта хүн хайша тээшээ»¹⁴⁷—«Мужчина (букв. человек с колчаном) тянется к ножу, а женщина—к ножницам».

Особенности взаимоотношений старших и младших, стариков и молодых пословица передает в такой колоритной форме метонимии: «Сагаан толгойтойнь хара толгойтойгоо һургана»—«Седовласый учит черноволосого» (инв. № 1587).

Некоторым пословицам, как и другим жанрам бурятского фольклора—сказкам, улигерам,—присущи гиперболы, то есть «чрезмерное художественное преувеличение» отдельных черт, особенностей предметов и явлений. Например:

Гуһан үхэри хэбтэһэн газарта
Гурбан елдэ ногоон ургахагой.
Дүнэн үхэри хэбтэһэн газарта
Дүрбэн елдэ ногоон ургахагой.
(Инв. № 3096 (4)).

Где лежал трехгодовалый бык,
Три года не будет расти трава.
Где лежал четырехгодовалый бык,
Четыре года не будет расти трава.

Чтобы убедительно и весомо показать мощь трехгодовалого быка, сказитель очень удачно использовал в данной пословице прием гиперболического описания, благодаря чему при минимальной затрате слов достигается максимальный эффект. Здесь явное художественно-поэтическое преувеличение, но в своей основе пословица не теряет правдоподобия отображаемого.

Очень часто гиперболы в бурятских пословицах даются в единстве, в сочетании со сравнениями, а также литотами, то есть «художественными преуменьшениями»: «Туулайн шэнээн заан уулайн шэнээн дабаа дабаха»¹⁴⁸—«Слон величиною с зайца преодолевает препятствие величиною с горю». «Боочкойн шэнги гдүүтэй, хилгаан шэнги хоолойтой»—«Живот, как бочка, а горло, словно волосок» (инв. № 2877). Если в приведенных двух афористических выражениях художественное преувеличение и преуменьшение даются в тесном переплетении с приемами сравнения, то в пословице «Эдихэнь—горшок, ябахань—вершок»—«Ест горшками, двигается вершками» (инв. № 2764

(11) они основываются на противопоставлении. Это дает возможность раскрыть контраст между способностью употреблять человеком и его трудовыми показателями.

Таким образом, разные тропы, нашедшие уместное употребление в пословицах и поговорках, оказывают благотворное влияние на весь строй поэтической речи бурятских афоризмов.

В некоторых пословицах находим легкую иронию, скрытую насмешку над определенными чертами человека. Например: «Үбһөөр оройходо үхэр шэншэхгүй, өөхөөр оройходо нохой шэншэхгүй» — «Завернешь в сено — скот не тронет, обернешь жиром — собака не понюхает» (инв. № 2932 (2)); «Тэмээн гэхэдэ, ямаа хэлэхэ, ямаан гэхэдэ, тэмээ хэлэхэ» — «Начнешь о верблюде — о козе говорит, заговоришь о козе — перейдет к верблюду» (инв. № 2840 (3)).

Иногда легкая насмешка в пословицах переходит в жгучую иронию. Например, о ленивых, беззаботных людях пословица довольно резко говорит: «Үдэр болсоро унтана, үер болсоро шээнэ» — «Спит до обеда, мочится до потолка» (инв. № 1236). Однако не всегда в пословицах дается прямая оценка поведению и поступкам людей. Об этом же, о нерадивости человека, пословица может выразиться в другой, переносной форме: «Унаһан малгай абангүй, хүлэрһэн майхай аршангүй хүдэлхэ» — «Работать, не полная впавшую шапку, не вытирая выступивший пот» (инв. № 2868); «Унтаха нойргүй, эдихэ хоолгүй ябаха» — «Работать, позабыв о сне и еде» (инв. № 2868). В обычном своем значении эти пословицы дают положительную характеристику человеку, отмечая его способность увлеченно работать, его умение добросовестно трудиться. Но, как показывает живая практика общения людей, они употребляются иногда в противоположном обычному смыслу значения, то есть в ироническом духе. Насмешливый тон, ирония раскрываются главным образом в контексте и передаются интонацией говорящего. Умелое изображение в пословице отрицательного в благозвучной положительной форме, присущей иронии, имеет важное значение в воспитательной работе, являясь одним из тонких, деликатных средств воздействия на человека.

В афористических выражениях встречаются конкретные географические, топонимические названия:

Ангарайн уһан арюухан,
Арадай хүсэн сарюухан¹⁴⁹.

Ангарская вода чиста,
Сила народа велика.

Активно вводятся в пословицы собственные имена. Многие из них получили общую известность, признание, популярность в народе, например, пословицы, прославляющие мудрого вождя и учителя В. И. Ленина:

Байгал далайн уһан гүнзэгы,
Багша Ленинэй хургаал гүнзэгы¹⁵¹.
Ленинэй замаар илахаш,
Артелһин замаар жаргахаш¹⁵¹.

Вода Байкала глубока,
Ученье Ленина глубоко.
Ленинский путь к победе ведет,
Путь артели к счастью ведет.

Многие изречения, содержащие собственные имена, носят локальный характер, понятны лишь в определенной среде или сфере распространения, не выходя за пределы какого-то улуса или района. Например:

Танилсаха — Таамхайн,
Талгаха — харинн.
(Инв. № 2979).

Нэрэнь таабайн,
Нэтэрынъ Дармын¹⁵².

Знакомство — дело Тамхая,
Угощение — дело улуса.

Имя отца,
Упорство Дармы.

Подобные выражения, по-видимому, основаны на конкретных чертах отдельных людей, проживающих в тех местах. Постепенно они обрели популярность и стали употребляться применительно к другим людям, тоже обладающим такими же чертами. Смысл некоторых таких афоризмов выясняется путем дополнительных вопросов, подводящих к комментированию отдельных изречений. Наблюдения показывают, что собственные имена в пословицах и поговорках, когда-то проявившие свою органическую связь с конкретными лицами, в процессе дальнейшего бытования афоризмов утрачивают ту нить, которая вела к первоначальной основе, и воспринимаются постепенно в абстрактном, нарицательном звучании и смысле. И пословица, постепенно обретая популярность в народе, сохраняет в обобщенном виде главный акцент первично заложенной мысли.

Язык бурятских пословиц богат и разнообразен как по своему лексическому составу, так и по различным его средствам художественного выражения мыслей и суждений людей. Пословицы и поговорки в своих изобразительных возможностях опираются на богатейшую словарную основу бурятского языка. Они вобрали в себя четкость и организованность народного языка, точность и меткость его поэтической структуры, простоту и естественность бытовой, разговорной речи людей.

¹ Горький М. Собр. соч. в 30-ти т. М., 1953, т. 24, с. 493.

² Емельянов Н. В. Якутские пословицы и поговорки. Якутск, Якут. кн. изд-во, 1962, с. 37.

³ Котвич В. Л. Калмыцкие загадки и пословицы. Элиста, Калм. кн. изд-во, 1972, с. 70.

⁴ Записано от С. Е. Ероновой в улусе Ныгей Баяндаевского района Иркутской области.

⁵ Записано от нее же.

⁶ Котвич В. Л. Калмыцкие загадки и пословицы, с. 81.

⁷ Там же.

⁸ Там же, с. 5.

⁹ Разные варианты этой пословицы и легенды записаны от А. В. Бадмае-

ва в с. Улюн Баргузинского района, от Д. Д. Ангаева в селе Кырен Тункинського района Бурятской АССР.

¹⁰ Записано от Я. Ш. Шагжиева в селе Барагхан Баргузинского района Бурятской АССР.

¹¹ РО БФ СО АН СССР, инв. № 286.

¹² Записано от Д. Б. Бадмаева в селе Баянгол Баргузинского района Бурятской АССР.

¹³ РО БФ СО АН СССР, инв. № 2932 (2).

¹⁴ Записано Д. Сабеевым в колхозе им. Карла Маркса Барагханского сельского Совета Курумканского района.

¹⁵ Записано от Н. С. Сонтахоновой в улусе Бахай Баяндаевского района Иркутской области.

¹⁶ Веселовский А. Н. Собр. соч., т. II. Вып. I. СПб., 1913, с. 11.

¹⁷ Будаев Ц. Б. Адекватные пословицы и поговорки разных народов, 1962, с. 3.

¹⁸ Путилов Б. Н. Историко-фольклорный процесс и эстетика фольклора.— В кн.: Проблемы фольклора. М., Наука, 1975, с. 18—19.

¹⁹ Будаев Ц. Б. Адекватные пословицы и поговорки разных народов, 1962, с. 7.

²⁰ Онһон үгэ оностой, с. 193.

²¹ Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., Изд-во АН СССР, 1934, с. 58.

²² Записано от С. Ш. Шонхоева в улусе Бахай Баяндаевского района Иркутской области.

²³ Котвич В. Л. Калмыцкие загадки и пословицы, с. 69.

²⁴ Очерки истории культуры Бурятии. Т. I. Улан-Удэ, Бурят. кн. изд-во, 1972, с. 38.

²⁵ Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов, с. 46.

²⁶ Котвич В. Л. Калмыцкие загадки и пословицы, с. 72.

²⁷ Банзаров Д. Черная вера, или шаманство у монголов.— Собр. соч. М., Изд-во АН СССР, 1955, с. 56.

²⁸ Там же, с. 59.

²⁹ Там же, с. 58.

³⁰ Там же, с. 56.

³¹ Уланов А. Бурятский героический эпос. Улан-Удэ, Бурят. кн. изд-во, 1963, с. 139.

³² Банзаров Д. Черная вера, или шаманство у монголов, с. 83.

³³ Бохолдой — душа умершего(ей); ада — злой дух, бес; шүдхэр — черт; дахабари (от дахаха — следовать).

³⁴ Бурят арадай онһон, хошоо үгэнүүд. Улаан-Удэ. Бурядайд номой хэблэл, 1960, с. 303.

³⁵ Записано от С. С. Сонтахонова в улусе Бахай Баяндаевского района Иркутской области.

³⁶ Записано от С. С. Сонтахонова.

³⁷ Фрэзер Д. Д. Золотая ветвь. М., Политиздат, 1980, с. 287.

³⁸ Бурят арадай онһон, хошоо үгэнүүд, с. 303.

³⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 65—66.

⁴⁰ Намсараев Х. Бурят-монголой онһон үгэнүүд. Улаан-Удэ, Бурмонгиз, 1947, с. 35.

⁴¹ Намсараев Х. Бурят-монголой онһон үгэнүүд, с. 34.

⁴² Бурят арадай онһон, хошоо үгэнүүд, с. 250.

⁴³ Записано от А. С. Холхоевой в селе Байтог Эхирит-Булагатского района Иркутской области.

⁴⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 424.

⁴⁵ Бурят арадай онһон, хошоо үгэнүүд, с. 246.

⁴⁶ Там же, с. 254.

⁴⁷ Намсараев Х. Бурят-монголой онһон үгэнүүд, с. 33.

⁴⁸ Там же, с. 35.

⁴⁹ Бурят арадай онһон, хошоо үгэнүүд, с. 250.

- 50 Там же, с. 254.
- 51 Котвич В. Л. Калмыцкие загадки и пословицы, с. 74.
- 52 Бурят арадай оньһон, хошоо үгэнүүд, с. 248.
- 53 Там же, с. 252.
- 54 Там же.
- 55 Намсараев Х. Бурят-монголой оньһон үгэнүүд, с. 34.
- 56 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 48—49.
- 57 Бурят арадай оньһон, хошоо үгэнүүд, с. 249.
- 58 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 237.
- 59 Бурят арадай оньһон, хошоо үгэнүүд, с. 302.
- 60 Там же, с. 301.
- 61 Там же, с. 303.
- 62 Там же.
- 63 Там же.
- 64 Горький М. Собр. соч. в 30-ти т. М., 1953, т. 27, с. 311.
- 65 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 211.
- 66 Бурят арадай оньһон, хошоо үгэнүүд, с. 304.
- 67 Там же.
- 68 Материалы XXII съезда КПСС. М., Госполитиздат, 1962, с. 410.
- 69 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 486.
- 70 Бурят арадай оньһон, хошоо үгэнүүд, с. 30—36.
- 71 Материалы XXII съезда КПСС. М., 1962, с. 411.
- 72 Записано от Петрова С. Ш. в селе Улси Баргузинского района Бурятской АССР.
- 73 Записано от Н. С. Сонтахоновой.
- 74 Записано от нее же.
- 75 Намсараев Х. Бурят-монголой оньһон үгэнүүд, с. 4.
- 76 Записано от Д. А. Булутовой в селе Кырен Тункинського района Бурятской АССР.
- 77 Записано от С. Ш. Петрова.
- 78 Записано от Р. Ц. Цырендоржиева в селе Алан Хоринского района Бурятской АССР.
- 79 Записано от него же.
- 80 Бурят арадай оньһон, хошоо үгэнүүд, с. 49—51.
- 81 Там же, с. 10.
- 82 Бурят арадай оньһон, хошоо үгэнүүд, с. 10.
- 83 Там же.
- 84 Там же.
- 85 Там же, с. 11.
- 86 Там же, с. 10.
- 87 Оньһон үгэ оностой, с. 16.
- 88 Намсараев Х. Бурят-монголой оньһон үгэнүүд, с. 24.
- 89 Там же.
- 90 Там же.
- 91 Записано от С. Ш. Петрова.
- 92 Котвич В. Л. Калмыцкие загадки и пословицы, с. 63.
- 93 Записано от С. Ш. Петрова.
- 94 Записано от С. Е. Ероновой.
- 95 Материалы XXIV съезда КПСС. М., Политиздат, 1971, с. 84.
- 96 Бурят арадай оньһон, хошоо үгэнүүд, с. 27.
- 97 Записано от С. Ш. Петрова.
- 98 Бурят арадай оньһон, хошоо үгэнүүд, с. 201.
- 99 Там же, с. 199.
- 100 Записано от С. Ш. Петрова.
- 101 Намсараев Х. Бурят-монголой оньһон үгэнүүд, с. 6.
- 102 Там же.
- 103 Бурят арадай оньһон, хошоо үгэнүүд, с. 96.
- 104 Тендряков В. Совесть за партой.— Правда, 1976, 12 окт.
- 105 Намсараев Х. Бурят-монголой оньһон үгэнүүд, с. 5.

- 106 Там же.
107 Материалы XXII съезда КПСС, с. 411.
108 Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971, с. 76.
109 Записано от А. С. Холхоевой.
110 Бурят арадай оньһон, хошоо үгэнүүд, с. 21.
111 Материалы XXIV съезда КПСС, с. 76.
112 Записано от С. С. Сонтохонова.
113 Бурят арадай оньһон, хошоо үгэнүүд, с. 9.
114 Там же, с. 10.
115 Записано от Д. Н. Шаракшанова в селе Кырен Тункинского района Бурятской АССР.
116 Бурят арадай оньһон, хошоо үгэнүүд, с. 11.
117 Там же, с. 16.
118 Бурят арадай оньһон, хошоо үгэнүүд, с. 17.
119 Там же.
120 Бурят арадай оньһон, хошоо үгэнүүд, с. 16.
121 Там же, с. 13.
122 Там же.
123 Записано от С. Ш. Петрова.
124 Бурят арадай оньһон, хошоо үгэнүүд, с. 20.
125 Записано от С. Ш. Петрова.
126 Намсараев Х. Бурят-монголой оньһон үгэнүүд, с. 44.
127 Бурят арадай оньһон, хошоо үгэнүүд, с. 94.
128 Материалы XXIII съезда КПСС. М., Политиздат, 1966, с. 87.
129 Бурят арадай оньһон, хошоо үгэнүүд, с. 10.
130 Там же, с. 7.
131 Там же.
132 Там же.
133 Бурят арадай оньһон, хошоо үгэнүүд, с. 238.
134 Записано от Д. Д. Ангаева.
135 Записано от С. Ш. Петрова.
136 Бурят арадай оньһон, хошоо үгэнүүд, с. 286.
137 Записано от А. С. Холхоевой.
138 Записано от С. Е. Ероновой.
139 Записано от Р. Ц. Цырендоржиева.
140 Записано от Д. А. Булутовой.
141 Записано от Р. Ц. Цырендоржиева.
142 Записано от Д. А. Булутовой.
143 Бурят арадай оньһон, хошоо үгэнүүд, с. 385.
144 Записано от А. С. Холхоевой.
145 Записано от С. Ш. Петрова.
146 Записано от него же.
147 Бурятско-русский словарь. Составил К. М. Черемисов. М., Советская энциклопедия, 1973, с. 659.
148 Записано от Д. А. Булутовой.
149 Записано от Д. Н. Шаракшанова.
150 Бурят арадай оньһон, хошоо үгэнүүд, с. 7.
151 Там же, с. 87.
152 Записано от Д. А. Булутовой.

ГЛАВА II

ЗАГАДКИ — ТААБАРИНУУД

ОТРАЖЕНИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В ЗАГАДКАХ БУРЯТСКОГО НАРОДА

Загадки бурятского народа возникли на ранней стадии развития человеческого общества и носят на себе печать той отдаленной эпохи. Своеобразие сознания первобытного человека, его представления, ограниченные опытом родового коллектива, определили основные мотивы и направления архаических произведений бурятского фольклора. «Сознание, конечно, есть вначале осознание *ближайшей* чувственно воспринимаемой среды и осознание ограниченной связи с другими лицами и вещами, находящимися вне начинающего сознавать себя индивида»¹.

Во многих сказках, легендах, улигерах описываются «царство змей», «царство собак», представители которых, по воззрениям древних людей, ведут такой же образ жизни, как и люди, живут в определенном коллективе, имея своих вожakov и различных покровителей. Богатый материал по устной поэзии бурят свидетельствует о том, что наши предки приписывали миру животных способность мыслить, рассуждать и вполне сознательно действовать. «Приписывая диким животным социально-родовое устройство, сходное с человеческим, люди естественно должны были признавать за дикими животными также и право родовой собственности,— пишет Д. К. Зеленин.— Кеты, например, говорили, что рыбы имеют свой «собственный берег», подобно тому, как каждый зверь имеет свою «собственную страну»².

Интересны произведения охотничьего, промыслового цикла, обряды, совершаемые перед охотой или над убитыми зверями. Охотники, убившие медведя, совершали над ним различные обрядовые церемонии с целью оправдания свершившегося. В противном случае, по древним воззрениям, человеку не избежать мести.

Такие мотивы в устном народном творчестве бурят основаны на тотемистических представлениях людей: «Условия тоте-

мических союзов родовой организации людей с отдельными зоологическими видами животных требовали, чтобы люди не убивали своих тотемов-животных. Это требование однако часто нарушалось. По поводу этих нарушений тотемического союза создан целый ряд преданий о мести со стороны животных: мстит чаще всего в таких случаях вся порода данных животных. Тут мы имеем явное перенесение на мир животных института кровной междуродовой мести, которая так характерна для родового строя»³.

О разных случаях мести со стороны животных говорят некоторые эпизоды эпических произведений бурят. Отзвуки таких представлений людей находим и в афористических выражениях бурятского народа:

Зуун хара хура
Морин долёотой,
Зуудагта хара хандагай
Хун долёотой⁴.

Убийство сотни черных тегеревов
Жизнью лошадиной отплатится,
Убийство черного же лося
Жизнью человеческой отомстится.

Основа таких афоризмов зародилась на ранней стадии развития человеческого общества, когда особенности природы, среды обитания человека не были еще разгаданы и раскрыты, изучены и объяснены. «Уже верное отражение природы — дело трудное, продукт длительной истории опыта, — писал Ф. Энгельс. — Силы природы представляются первобытному человеку чем-то чуждым, таинственным, подавляющим. На известной ступени, через которую проходят все культурные народы, он осваивается с ними путем олицетворения»⁵.

Наши далекие предки, не знавшие естественно-биологических особенностей животного мира, подлинных причин, вызывающих те или иные природные явления, пытались истолковать их по-своему. При этом они опирались на тот незначительный запас знаний, который был накоплен ими в процессе повседневной трудовой деятельности и непосредственных наблюдений. Объясняя закономерности природы, они, следовательно, отталкивались от известного, понятного. То, что не укладывалось в рамки более или менее известных человеку истин, тоже находило своеобразное толкование, подсказанное богатой фантазией людей. Такого рода объяснения, в основном мифологического характера, по мере постепенного раскрытия подлинных причин и особенностей природы не могли быть механически отброшенными, так как в течение определенного времени питали воображение, мысли людей. Так, наряду с подлинными, присущими предметам и явлениям признаками, раскрытыми человеком позднее, сохраняется и та мифологическая, фантастическая информация о них, которая в процессе дальнейшего расширения кругозора человека отчасти могла служить дополнительной характеристикой, своеобразной художественно-аллегорической формой выражения отдельных ее сторон. И это оп-

ределенным образом могло способствовать формированию иносказательной формы выражения предметов и явлений, что является одной из основных черт загадок.

Неосознанное, произвольное обращение наших предков к тайному, скрытому языку, обусловленное их жизненной практикой и своеобразием мышления, по мере дальнейшего углубления и расширения человеческих знаний и опыта способствовало утверждению иносказательной формы как специфического художественного способа отображения предметов и явлений действительности. Человек постепенно обретает возможность осознанного и преднамеренного использования завуалированной, специально затемненной или усложненной формы для характеристики и определения различных предметов.

Реальная действительность, способность человека проводить параллели, находить и использовать эти тождества во многом способствовали возникновению и развитию жанра загадок.

Таким образом, сама жизнь бурят во всем своем многообразии, особенности их быта, интересов, мировоззрения становятся определяющими в тематическом и художественном становлении загадок. В. И. Ленин писал: «Отражение может быть верной приблизительно копией отражаемого, но о тождестве тут говорить нелепо»⁶.

Изучение богатого арсенала бурятских загадок, непосредственные наблюдения над их современным бытованием убеждают нас в том, что в произведениях этого жанра нашли своеобразное преломление разные стороны хозяйственной, социально-экономической жизни людей, зафиксированы различные ступени их трудовых, мыслительных, познавательных возможностей.

Многообразие природы, растительного и животного мира оказывало благотворное влияние на воображение людей, чему обязаны своим возникновением и существованием разные по своему содержанию и форме загадки. Бытует в народе большое количество загадок, затрагивающих различные особенности зверей, птиц, рыб, насекомых. Это, по всей вероятности, является результатом непосредственных наблюдений людей в процессе повседневной трудовой деятельности, плодом живого общения человека с природой.

Отдельные свойства, повадки, отличительные природные особенности конкретных представителей животного мира стали тематической основой некоторых загадок. Например, особенность зайцев линять находит в загадках лаконичное выражение: «Үбэл болоходо сагаан, хабар болоходо боро»—«Зимой белый, весной серый» (инв. № 2932 (2)). Этот маленький, беспомощный зверек не представлял опасности для человека в лесу и вызывал лишь умиление, а не страх. Например:

Таалай таалай тангагшан,
Таалай мяхан хонгогшон,
Хоёр шэхэн хэртэгшэн,
Хамар аман болоошон.
(Инв. № 2840).

Забавный, игривый,
Резвый и милый,
С торчащими ушами,
С приметным ртом и носом.

Данная загадка имеет своеобразное текстовое оформление, содержит трудно переводимые слова и выражения. Поэтому перевод сделан весьма условный. Здесь возможна смысловая близость слов «таалай» и «таалуурхан» — симпатичный, хороший, забавный, «хонгогшон» и «хонгор» — ласковый, привлекательный, обаятельный.

В некоторых загадках заячьи уши сравниваются с наперстком: «Хуһанда хурабша үлгөөтэй» — «На березе наперсток висит» (инв. № 2754 (4)). В загадках, как и в других произведениях бурятского фольклора, о зайце говорится как о беззащитном и трусливом звере, который в тайге боится всего: «Шугуй соо шог-шог гээ, шуһан бэень баг-баг гээ» — «Шорох в роще раздается — весь дрожит он и трясется» (инв. № 1514).

Прямо противоположную зайцу характеристику в фольклоре получил медведь. В произведениях всех жанров устной поэзии бурят о нем говорится как о великане и хозяине тайги, подчеркивается его мощь: «Агуй доро арьбан далан» — «Под громадиной жир» (инв. № 1514). Иногда загадки заостряют внимание на особенность медведя уходить на зиму в берлогу: «Соол соо сомсогой» — «В доме съезжившийся» (инв. № 1606).

При создании художественных образов творцы загадок умело используют природные особенности изображаемых животных. Так, в загадках о волке отмечается его хищническая натура:

Бээлэй бэлшэбэ,
Бэгсэргэ сомсорбо,
Заадай зангаба,
Забхуул хорнбо.

(Хонин, хирээ, нохой, шоно).
(Инв. № 2754 (4)).

Рукавичка пасется,
Сова стрекочет,
Задай угрожает,
Забхул запрещает.

(Овца, ворона, собака, волк).

Иногда волк уподобляется вору:

Өөб түхэрээхэн
Өөхэн бүмбэй,
Ябшуур удаган,
Ябаган хулгайшан.

(Хонин, нохой, шоно).
(Инв. № 2754 (5)).

Круглый-прекруглый,
Жирок — пузырек,
Крикливая шаманка,
Пеший вор.

(Овца, собака, волк)

Созданы у бурят различные загадки о диких козулях:

Губида гурбан улаан шагай.
(Инв. № 2720).

В степи три красные бабки.

Некоторые загадки затрагивают внешние особенности этих зверей, другие — выделяют их отдельные анатомические части. Например:

Сагаан хушуун дээрэ
Хоёр нараһан,
Үбэлдөө намаалдаг,
Зундаа хуурайлдаг.

(Гүрөөһэнэй эбэрнүүд).

(Инв. № 1514).

На белых выступях
Две сосны,
Зимой распускаются,
Летом засыхают.

(Рога косули).

В процессе охоты люди познавали разные особенности зверей, что находило своеобразное преломление в произведениях устной поэзии. Специфика жанра загадок способствовала отражению в них охотничьего периода в конкретных формах его проявления, во всех деталях. Так, в загадках запечатлены не только разновидности зверей, на которых охотились наши предки, но и описаны их примитивные оружия. Например, о луке и стреле известна у бурят загадка:

Шангалгай хаани бүтээһэн шамай	Шангалгай-хана изделие
Үлэ бухайн эбэр шамай,	Из бычьих рогов,
Үндэр уулайн халиһан шамай.	Из корки высокой горы.

(Инв. № 1514).

Если в данной загадке дается определенная характеристика необходимого для изготовления лука материала, то следующий вариант подчеркивает своеобразие использования этого оружия:

Ургаяа үзүүртэнь хүрсэ татааб,	Шест с петлей до конца растянул,
Уран азаргаяа эзэндэнь хүрсэ	Ловкого жеребца до хозяина
татааб.	растянул.

(Инв. № 1514).

Дальнейшее развитие умственных и технических возможностей человека способствовало изобретению ружья, которое выгодно отличалось пулевой скоростью, точностью попадания в цель. Об этом красноречиво говорится во многих эпических и афористических произведениях народной поэзии. Загадки бурятского народа в своеобразной художественной форме характеризуют достоинства этого вида оружия. Они подмечают прежде всего очень высокую скорость вылетающей при стрельбе пули, сравнивая ее с дальнозоркостью глаз, с быстротой и подвизностью человеческих дум и мыслей:

Дэлхэйдэ гурбан хурдан юум?	Что такое три быстрых на свете?
(Нюдэн, ханаан, бууя тобио).	(Глаза, мысли, пуля).

(Инв. № 1514).

Мүнөө гараһаар мүрбэй.

Сейчас вышел — нет следов.

(Инв. № 1514).

По своим скоростным особенностям и возможностям пуля уподобляется в загадках птице. Например: «Мондроохой шубуун моринһоо хурдан» — «Кругленькая птица быстрее коня» (инв. № 1514). В некоторых загадках отмечается сила самого выстрела, что имело немаловажное значение в жизни людей, овладевших таким оружием:

Хабшалга шэнги бэртэй аад,
Хаатаржан шэнги ханаатай.
(Инв. № 2840 (3).

Нямаалан эбэртэй,
Тэнгэрлэн дуутай?

С жердь сам,
Но с помыслами каторжника.

С козьими рогами,
С небесным звуком.

Многие загадки запечатлели особенности непосредственного процесса стрельбы:

Тээ тэндэ тэс гээ,
Тэрэ газарта нахис гээ,
Хоорондоо хотос гээ,
Хоёр нюдэн бэлтэс гээ.
(Инв. № 1606).

Что-то грохнуло вон там,
Чуть прогнулось на том месте,
В середине покачнулось,
Оба глаза округлились.

В структурную канву отдельных вариантов иногда вплетаются местные названия. Они придают загадке локальный колорит. Так, в загадке «Түнхэн соо түс гээ, түүхэй мяхан шалд гээ»⁸—«В Тунке грохнуло, сырое мясо шлепнулось» речь идет не только о непосредственном процессе стрельбы, но и об отражении в ней момента попадания пули в цель.

Особенности устройства ружья находят в загадке такое лаконичное выражение:

Ямаан бэшэ аад эбэртэй,
Морин бэшэ аад жолоотой.
(Инв. № 2754 (5).

Не коза, а с рогами,
Не конь, а с уздой.

В загадках запечатлены и орудия рыболовства:

Мита мянган нюдэтэй.
(Гүльмэ).
(Инв. № 1514).

У Миты тысяча глаз.
(Сеть).

Сам процесс рыбной ловли сетями показан следующим образом:

Эльди дээгүүр
Элээ наадан,
Эгэшэ дүүнэр
Эшэр наадан.
Торгон зандяа
Тоглоо наадан,
Утаһан бэһэ
Зандид наадан.
(Инв. № 3064).

На приволье
Резвая игра,
Сестер и братьев
Забавная игра.
С шелковым узлом
Веселая игра,
С шелковым кушаком
Дружная игра.

Если в данной загадке ловля рыбы сетью образно сравнивается с веселой игрой людей, то в следующем примере она уподобляется краже девушек: «Хулуушад ерэжэ хүүхэди абашаад, турии сонхоороо гараа»—«Выкрали воры девушек и вышли через окна дома» (инв. № 1514).

Многие загадки этого цикла построены на отличительных свойствах и признаках рыбы. Прежде всего они подчеркивают своеобразие их внешнего покрова, чешуйчатость. Причем рыба

чешуя сравнивается с многочисленными пуговицами, а рыба — обитательница рек и озер — называется дочерью хана водного царства:

Далайн хаани басаган
Далан долоон тобшотой.
(Инв. № 1606).

У дочери морского хана
Семьдесят семь пуговиц.

В данной загадке упоминается популярное в эпических произведениях бурят число «77». В другом варианте выражение «77» заменяется числом «70»:

Далайн саана далан
харша хахалааб.
(Загагхани хашархан).
(Инв. № 1504).

За озером семьдесят
плах обтесал.
(Рыбья чешуя).

Людей, по-видимому, издавна удивляла особенность рыбы свободно держаться в воде, плавать и передвигаться, «не имея ни рук, ни ног»:

Хүл гаргүй аад, гүйдэг,
Хүзүүгүй аад, зүдхэдэг.
(Инв. № 2754 (4)).

Без рук, без ног, а бегаёт,
Без шеи, а тянет.

При создании иносказательных образов творцы загадок исходят из природных, естественных особенностей изображаемых предметов и явлений. Поэтому образ рыбы в тексте-описании дается в органической связи со средой ее обитания — с водным миром:

Зартаһан түлээ хахалжа
ядааб,
Заган мори уяжа ядааб.
(Уһан загаһан хоёр).
(Инв. № 1606).

Корявые дрова расколоть
не смог,
Темногривого коня привязать
не смог.
(Река и рыба).

Если в данной загадке рыба уподобляется коню, то в следующем примере — многочисленному табуну:

Хойноһоо хүүһэн
Хоёр модон түшэлгээ,
Нахид гэхэн нохойтой,
Найман зуун адуутай.
(Уһан, эрги, жараахай).
(Инв. № 1514).

С севера идет, шумит
С двумя деревянными подпорками,
С покачивающейся собакой,
С табуном в восемьсот голов.
(Река, берега, рыбешки).

В загадках этой тематической группы отражены не только характерные особенности рыбы вообще, но и отличительные признаки, присущие ее разновидностям. Так, в загадках о налиме отмечается его пестрота, хвост этой рыбы сравнивается с лопатой: «Эргидэ эрээн сохо» — «На берегу пестрый жук» (инв. № 1514); «Эрээн үхэр хүрээ һүүлтэй» — «У пестрого быка хвост, как лопата» (инв. № 1514).

Об использовании человеком трав, корней, орех и ягод упоминается во многих произведениях устного народного творчества. В эпических произведениях в основном говорится о самом процессе добывания и употребления героями растительной пищи. При этом дается лишь общая характеристика тем или иным растениям. Напротив, загадки обращаются к разным деталям растений.

Для сравнения можно обратиться к описанию в улигерах и загадках сараны, издавна входившей в пищевой рацион людей. Например, Абай Гэсэр в одном из эпизодов одноименного улигера выкапывает сарану своим острым копьём и питается ею. В данном героическом повествовании, как и в других улигерах, запечатлен лишь факт использования героем сараны в качестве пищи, подробно не говорится о ее структурных, вкусовых и других особенностях. Иногда в эпических произведениях могут быть использованы эпитеты, характеризующие те или иные качества этого растения. Загадки же подмечают разные признаки и свойства сараны. Некоторые из них в иносказательной форме раскрывают особенности строения этого растения: «Һәхэлһэниин һиихэ, тахалһаниин танха» — «Отогнутое — серьги, подкованное — чугунок» (инв. 1514). О своеобразных родовых признаках, отличающих сарану от других растений, красноречиво говорится в следующей загадке:

Газаа үнгэни годон малгай,
Досоо табани тогоон.
(Инв. № 1514).

Снаружи лисья шапка,
Внутри пятиведерный котел.

Отмеченные свойства сараны находят в загадке и такое замысловатое поэтическое выражение:

Улаан залаа залаалаад
Одигон боложо ядашхоо,
Улхан аяга хээд,
Уран боложо ядашхоо.
(Инв. № 1514).

Хоть и красную кисточку прикрепил,
Да не может шаманкой прослыть,
Хоть и чашечку смастерил,
Да не может умельцем прослыть.

Изображение сараны в загадках примечательно не только широтой охвата этой темы, но и богатством художественных приемов. Нередко встречаются интересные загадки-четверостишия с очень колоритными по своему звучанию сравнениями и сопоставлениями:

Хоньни толгой булаатай,
Хуһан модон ургаатай.
Буруу толгой булаатай,
Буржагар модон ургаатай.

(Һараана).

(Инв. № 1587).

Овечья голова зарыта —
Березовым деревом покрылась.
Телячья голова зарыта —
Кудрявым деревом покрылась.

(Сарана).

Творцы загадок иногда используют прием диалога, и суть загадываемого предмета раскрывается из цепи вопросов и ответов:

— Сагаагшан үнээн, хаанааа
ерээбши?
— Шабартын голһоо ерээб.
— Яжа шабардаагүйбши?
— Манай зон нимыма.
(*Нараана*).

(Инв. № 1514).

— Корова белая, откуда
пришла?
— Из долины Шабартуя.
— Как не увязла в грязи?
— Наши все такие.

(*Сарана*).

Отражен в загадках и процесс добывания сараны:

Тоодог тонгод гээ,
Тобшонь ялас гээ.
(Инв. № 2754).

Дрофа наклонилась —
Пуговка заблестела.

Отбор растений для загадывания, по-видимому, подчинен определенному закону. Из многообразного растительного мира творцы загадок отдают предпочтение полезным и нужным человеку растениям: кисличным, розоцветным кустарниковым и полукустарниковым, плоды которых употребляются в пищу и в лечебных целях.

Большой популярностью пользуются у бурят загадки о черемухе, о кислице:

Хээрэ һэнжэлдээ
Хэрмэн шэхэн һэнжэлдээ,
Татажа абаад
Таарта хээд абаашаа.
(Инв. № 2840 (3)).

Хара буруу яһан гүзээтэй.
(Инв. № 1514).
Улаан буруу уһан гүзээтэй.
(Инв. № 1514).

В лесу
Беличьи уши висят,
Сорвали оттуда,
В дерюжном мешке унесли.

У черного теленка костяной живот.

У красного теленка водянистый
живот.

При незначительных словесных расхождениях эти загадки выражают разные понятия, что объясняется удачным подбором основных определений, характеризующих отличительные свойства загадываемых предметов.

В арсенале бурятских загадок определенное место занимают загадки о сибирском кедре, о кедровых орехах:

Хээр морин хэжэмтэй,
Хэжэм бүрээ сасагтай,
Сасаг бүрээ монсогтой,
Монсог бүрээ эдеэтэй.
(Инв. № 2932).

На гнедом коне подседельник,
Все подседельники с кистями,
На кисти каждой помпоны,
В помпоне каждом съестное.

Кедровое дерево в загадках этого цикла уподобляется разным предметам, одушевленным и неодушевленным, коню, лиственнице. Например:

Ара хойно аржагар буржагар
шүнэнэн,
Арбан хоёр үргөөгтэй,
Үргөөг бүрээ үндэгтэй,
Үндэгэн бүрээ зулзагатай.
(Инв. № 1606).

На севере кудрявая
лиственница,
На ней двенадцать гнезд,
В каждом гнезде яички,
В каждом яйце птенчик.

А вот как передает загадка вкусовые качества орехов: «Би-шихан боошхын мяханинь найхан»—«В маленьком бочонке вкусное мясо» (инв. № 1514). Эта загадка перекликается по своему смыслу с популярной русской загадкой: «Маленький горшочек, да кашка вкусна».

Древние люди, хорошо знавшие свою местность, ее растительный мир, широко использовали отдельные виды трав, их листья как в продовольственных, так и в лечебных целях. Не случайно в произведениях устной поэзии бурят находим эпизоды и мотивы, свидетельствующие о применении различных растений как средств лечения. Однако не только утилитарным значением растений может быть объяснена причина их художественного изображения в произведениях устного народного творчества. Великолепное знание природы, растительного и животного мира способствовало созданию в фольклоре запоминающихся образов зверей, птиц, изображению различных видов растений. Богатство окружающей человека действительности, разнообразие местной флоры и фауны, оказывающее непосредственное воздействие на эмоции и воображение человека, в некоторой мере определило тематическое многообразие произведений фольклора.

Конкретное знакомство с материалами афористической поэзии бурят раскрывает широту охвата загадками этой темы. В них нашли отражение не только особенности тех или иных зверей, птиц, растений, которые имели прямое отношение к их охотничьей, собирательской деятельности, составляли главный источник существования людей. Немалое количество загадок посвящено и таким представителям животного и растительного мира, которые непосредственно не входили в круг промысловых интересов наших предков.

Сама природа, объективный мир и трудовая деятельность человека стали богатейшим источником загадок. К. Маркс писал: «Как целесообразная деятельность, направленная на освоение элементов природы в той или иной форме, труд составляет естественное условие человеческого существования, условие обмена веществ между человеком и природой, независимое от каких бы то ни было социальных форм»⁹. И это постоянное состояние человека в труде, многообразие самого трудового процесса, постепенное его развитие, усовершенствование способствовали тематическому обогащению загадок.

Загадки, как и произведения других жанров бурятского фольклора, запечатлели эволюцию хозяйственной, трудовой деятельности людей: «Какова жизнедеятельность индивидов, таковы и они сами. То, что они собой представляют, совпадает, следовательно, с их производством — совпадает как с тем, что они производят, так и с тем, как они производят. Что представляют собой индивиды,— это зависит, следовательно, от материальных условий их производства»¹⁰.

Если в архаических произведениях фольклора, в том числе загадках, в какой-то мере характеризуется ранний этап в развитии человеческого общества, когда охота и рыболовство были основными средствами существования людей, то позднее в устной поэзии активно отражается занятие бурят скотоводством и земледелием, что постепенно становится постоянным и надежным жизненным источником. «Основными способами производства пищи, полностью сохраняющими свое значение до наших дней, служат скотоводство и земледелие.

Возникнув первоначально как одна из составных частей многоукладной экономики, скотоводство в дальнейшем послужило движущим стимулом целого ряда важнейших явлений в истории общества»,¹¹ — пишет В. М. Массон.

Это не могло не отразиться в произведениях устной поэзии разных народов, в том числе и в фольклоре бурят, плодотворно занимающихся скотоводством. В освещении этой тематики загадки идут в одном русле с произведениями других жанров бурятского фольклора. В специфической форме, присущей жанру загадок, они раскрывают характерные особенности скотоводческой деятельности бурят. Конкретное знакомство с материалами убеждает нас в том, что в основу загадок лег реальный опыт людей, занятых разведением скота.

Большой популярностью в фольклорных произведениях пользуются образы коня и собаки, возведенные в народных творениях в ранг близких и верных друзей человека: «Собака и лошадь развили в себе, благодаря общению с людьми, такое чуткое ухо по отношению к членораздельной речи, что, в пределах свойственного им круга представлений, они легко научаются понимать всякий язык. Они, кроме того, приобрели способность к таким чувствам, как чувство привязанности к человеку, чувство благодарности и т. д., которые раньше им были чужды»¹².

В загадках отмечается одна из основных функций собаки — охранять добро своего хозяина, сторожить его дом и весь двор:

Газаа гарана,
Гани галзуу болоно,
Гэртэ орожо,
Үнһэ шорой худхана.
(Инв. № 2754 (5).

Выходит во двор —
Сердится, злится,
Заходит в дом —
Золу и пыль ворошит.

В своеобразной форме загадки подмечают те привычки собаки, которые выработались в процессе постоянного ее обитания в домашней среде. «Зэрлиг зоотоео шараа» — «Дикий жир свой греет» (инв. № 1606) гласит одна из них, отмечая особенность собаки лежать возле печки, что нередко наблюдается в житейской практике.

Большой популярностью в бурятском фольклоре пользуется конь. Произведения устной поэзии в рамках жанровой возмож-

ности говорят о той пользе, какую приносит это полезное животное. Не случайно в одной из загадок говорится об органической связи между телегой, санями и конем, которые называются тремя братьями:

Эсэгэйн гурбан хүбүүн
Нэгэнинь нажар яргалтай,
Нүгөөдэнь үбэл яргалтай,
Гурбатьхан үедээ яргал
үбэй.

(Инв. № 1606).

Три брата:
Один счастлив летом,
Другой счастлив зимой,
Третий всю жизнь
счастья не видит.

Третьим братом, не знающим покоя и счастья, в загадке назван конь. Если саням покой летом, а телеге — зимой, то конь, как отмечает загадка, не имеет такой возможности. Он выполняет напряженную работу и зимой и летом. Данная загадка по своему смыслу перекликается с некоторыми сказочными мотивами, характеризующими большую выносливость коня, его постоянную интенсивную работу как в жару, так и в холод.

Некоторые загадки отмечают особенности внешнего вида коня: «Хайшагуй аад, хадхааса табяа» (алаг морин) — «Без ножниц, а с заплатами» (инв. № 1514).

В произведениях устной поэзии бурят широко описывается бег коня. Быстрый конь, вмиг скрываясь от вражеской стрелы, убегая от опасного зверя, спасал жизнь своему хозяину. В улигерах и сказках бурят на это его качество обращалось особое внимание. Стоит сесть улигерному или сказочному батору на коня, как тот с молниеносной быстротой уносит его вдаль. В произведениях устной поэзии бурят конь нередко сравнивается с птицей. Есть мотивы о крылатых конях, отклики которых находим и в некоторых загадках:

Дайгар дайгар шубуунинь
Дали дээрээ бэшэгтэй.
(Хии морин).

(Инв. № 2754).

У птицы улетающей
На крыльях надпись есть.
(Крылатый конь).

В загадках, в отличие от эпических произведений, оценка человеком достоинств коня передается в очень лаконичной форме:

Ойро холо зүгтэ
Гайхалтай бүлгэгэр.
(Морин).

(Инв. № 2720).

Вблизи и вдали
Прославленный пучеглазый.
(Конь).

В деталях описываются и все необходимые для езды на лошади атрибуты — седло, стремя, лука у седла:

Хотон дээрэ Хобхоодой,
Хоёр тээгээ хэнжүүргэтэй.
(Инв. № 2840 (3)).

На хлеву — Хобхоодой,
С двух сторон его висюльки.

Шамһаа бага аад,
Шамайе дааха.
(Инв. № 2840 (3)).

Би шолмоб, ши шолмош,
Урда урдаһаан бү харалсая.

(Инв. № 2720).

Меньше тебя,
Но тебя поднимет.

Я черт и ты черт,
Не будем друг на друга
смотреть.

Большой популярностью в народе пользуются загадки о саях и телеге. Сани сравниваются с живыми существами, рогатыми, крылатыми. Например: «Эбэртэй аад лэ мүргэдэггүй, далитай аад лэ ниидэдэггүй» — «С рогами да не бодает, с крыльями да не летает» (инв. № 1514).

Хоёр хүн урилдана, урилдана,
Урда хойноо ороногүй.
(Инв. № 1514).

Ахан дүүгээ хүсээнгүй.
(Инв. № 2754 (4)).

Двое бегут наперегонки,
Друг от друга не отстают.

Брат сестру не может догнать.

И в русских загадках колеса телеги — это «братья, которые не могут догнать друг друга».

Иногда колеса телеги по своей круглой форме уподобляются луне, по своеобразию конструкции — гребенке: «Нам шэнги һадархай, һара шэнги түхэрээн» — «Решетчатый, как гребешок; круглый, как месяц» (инв. № 2754 (4)).

Не менее популярен в бурятских загадках образ коровы, которая была основным источником молочных и мясных продуктов. Особенно много загадок о доении коровы. Например:

Дээрэ дэржыгээ,
Дүрбэн галуун нахингаа,
Хатын хүбүүн хүлээгээ.
(Инв. № 1514).

Наверху растопырилось,
Четыре гуся наклонились,
Сын Хатыя поджидает.

Образы коровы, быка раскрываются в загадках главным образом через удачную характеристику некоторых деталей, путем точного определения отдельных частей тела. Во многих загадках запечатлены рога: «Хоёр бургааһан дээрэ саһанш, уһанш торногүй» — «На двух прутиках ни снег, ни вода не держатся» (инв. № 1514).

Мычание коровы стало одним из определяющих компонентов загадки:

Хойноһоо дүрбэн галуун
ерэбэ,
Хара хуур хуурдаһаар
ерэбэ,
Хатуу минаа минаадаһаар
ерэбэ.
(Үнеэнэй дүрбэн хүлшинь,
мөөрхэн, һүүлээ шарбахань).
(Инв. № 1514).

С северной стороны четыре
гуся прилетели,
Играя на черном хуре,
прилетели,
Размахивая жестким кнутом,
прилетели.
(Коровьи ноги, хвост,
мычание).

В других загадках хвост быка или коровы образно сравнивается с кнутом, копыта — с чашечками:

Тайлгада гархагуй аад,
Найман улаан тагшатай,
Урилдаанда ябахагуй аад,
Нухай эшэтэй минаатай.
(*Үнээни туруун нүүл хоёр*).
(Инв. № 1514).

На тайлган не ездит,
Восемь красных чашек имеет,
На скачках не бывает,
Кнут с крепким черенком имеет.
(*Копыта и хвост*).

В текстовом оформлении данной загадки сказались некоторые обрядовые, культовые элементы. Упоминаются в загадке тайлган — жертвоприношение различным духам-покровителям, деревянные чашечки, которыми обычно пользовались при брызгании вина, традиционные у бурят состязания по конским скачкам.

Творцы загадок довольно часто прибегают к сравнениям и сопоставлениям. Коровий язык, например, сравнивается с кочергой, мешалкой, то есть с такими предметами, которые по форме и выполняемой функции немного сходны: «Хоёр соол руу нэгэ хударга ороо» — «В двух печах одна кочерга» (инв. № 1514).

Интенсивное развитие овцеводческого направления в хозяйстве бурят также способствовало активному бытованию загадок на эту тему. Многие из них останавливаются на анатомо-физиологических особенностях этих животных, на отдельных органах и частях тела. Например, об овечьих почках и сердце в загадках говорится так: «Хобто соо хоёр шагай» (бөөри) — «В сундучке две бабки» (инв. № 1514); «Хүрин буруу сагаан бойлторготой» (зүрхэн) — «Бурый теленок с белым ошейником» (инв. № 1514).

Овечьи копыта уподобляются в загадках унтам: «Хотон соо дальжигай гутал» — «В стойке стоптанные унты» (инв. № 1514). Оригинальное выражение находит в загадке и овечий хвост: «Хотони үүдэн неэлгэтэй, хаани үүдэн хаалгатай» — «Дверь стойки открыта, ханская дверь закрыта» (инв. № 1514).

Довольно разнообразны загадки о домашних животных. Источником их зарождения, формирования и современного бытования является занятие бурят скотоводством, целенаправленному развитию чего способствовала потребность людей в мясной пище: «Употребление мясной пищи привело к двум новым достижениям, имеющим решающее значение: к пользованию огнем и к приручению животных. Первое еще более сократило процесс пищеварения, так как оно доставляло рту, так сказать, уже полупереваренную пищу; второе обогатило запасы мясной пищи, так как наряду с охотой оно открыло новый источник, откуда ее можно было черпать более регулярно, и доставило, кроме того, в виде молока и его продуктов новый, по своему составу по меньшей мере равноценный мясу, предмет питания»¹³.

В загадках, как и в других произведениях устнопоэтического творчества бурят, говорится не только о мясных, но и молочных продуктах, издавна употребляемых ими. Об этом в какой-то мере говорят и традиционные фольклорные произведения, в которых упоминаются молочные продукты, описываются способы их приготовления. Различные виды молочных продуктов запечатлены в бурятских загадках. О простокваше известна такая загадка:

Газар доро хүн-хүн гээ,
Ганса модон ёдог-ёдог гээ.
(Инв. № 2840 (3).

Под землю гремит,
Одна палочка торчит.

О молочной водке:

Дэлхэй дээрэ үзэбэб
Дэлэнтэй тахья үзэбэб.
Дэлэнтэй тахья гайхаж,
Дүрбэ таба хонобоб.
(Инв. № 1514).
Газар дээрэ үзэбэб
Гансахан эбэртэй гахай
Гайхаж дүрбэ таба хонобоб.
(Инв. № 1514).

На свете увидел
Я курицу с выменем,
Любуюсь этой курицей,
4—5 суток ночевал.
На земле увидел
Свинью однорогую,
От удивления 4—5 суток
ночевал.

Своеобразное описание получил в загадках процесс перегонки молочного вина в домашних условиях:

Далай соо тахья үндэгэлөө,
Тэрэ үндэгэндэнь нютаг садаа.
(Инв. № 1514).

В озере курица снеслась,
Все село тем яйцом накормила.

В загадках об использовании в хозяйственных нуждах кожи, шерсти дается своеобразная характеристика свойств самого сырьевого материала, инструментов, необходимых для его обработки. Так, смазывание кожи перед обработкой молочными продуктами получило в загадке такое описание: «Ама үгээд лэ эдидэг»—«Рта нет, а ест» (инв. № 1514). Смысловым стержнем загадки становится и своеобразие ручной обработки кожи кожемялкой очень простого устройства:

Астагар эзы айл зайгаа.
(Инв. № 1514).

Косолапая баба по улусу ходит.

О шитье кожаной одежды или обуви, о вязании из шерсти:

Согдоор суулаа,
Билингээр бүтээгээ.
(Инв. № 1514).
Дүрбэн үеын хүрээ
баряаб,
Нэгэ үе дутаашхооб.
(Инв. № 1514).

Пешней продолбили
И заделали искусно.

В четыре пролета изгородь
сделал,
Одного не хватает.

Вязание шерстяных носков по некоторой внешней аналогии сравнивается в загадке с возведением изгороди. Такие сравнения нередко становятся определяющими компонентами загадок. Они раскрывают характерные особенности изображаемых предметов и явлений.

Примечательна и следующая загадка:

Ехэ далай,	Большое озеро,
Ехэ далай соо бага	В большом озере маленькое
далай,	озеро,
Бага далай соо бальшар	В маленьком озере маленькая
басаган.	девочка.
(Гутал, оймһон, хүл).	(Унты, носки, ноги).

(Инв. № 1514).

Загадки широко охватывают конкретный мир вещей и явлений, прямо или косвенно характеризующих занятие бурят как скотоводством, так и земледелием.

«Наибольшими перспективами для расширенного воспроизводства обладало земледелие, особенно в сочетании с той или иной формой скотоводческого хозяйства»¹⁴, — пишет В. М. Мас-сон. Не случайно в произведениях устнопоэтического творчества народа отражены характерные особенности этой «хозяйственной системы». Все этапы земледельческих работ нашли художественно-поэтическое преломление в загадках бурятского народа. О начальном периоде обработки земли — пахоте — в загадках говорится таким образом:

Долёдой үбгэн долиһоор	Старик Долёдой тянет
урайгшаа,	вперед,
Хаанин ялайһаар	Хан, сверкая, вперед
урайгшаа,	устремлен,
Хара буруу урбаһаар	Черный теленок за ним
урайгшаа.	кувырком.

(Инв. № 1514).

Многие загадки относятся к предметам, связанным с пахотой. О плуге и сохе бытуют в народе разные варианты загадок. Они сравниваются с кочующим гусем или опоросившейся под землей свиньей:

Газар доогуур галуун нүүгээ,	Под землю гусь кочует,
Газар дооро гахай хүбүүлээ.	Под землю свинья опоросилась.

(Инв. № 1514).

Борона уподобляется черту, идущему за быком в упряжке:

Үхэрөө хүлөөд,	Быка запряг,
Боохолдойёо дахуулааб.	А черта за собою повел.

(Инв. № 1514).

А вот как описывается в загадке процесс боронования:

Шоб гэнэн шобхо хүбүүн хоёр	Остроголовый парень между
гоорһы забхарта	двумя городами
Найман морёор ябаа.	Ездит на восьми лошадях.

(Инв. № 1587).

Очень поэтичны бурятские загадки о посеве и всходах:

Бооридо бугын шагай
булааб,
Үнээ үрээлгэжэ, нюдөө
Һэрмэйлгэжэ байна аа гү даа.
(Инв. № 2840 (3)).

На горе изюбрияные бабки
зарыл —
Там выросли волосы
Да глаза раскрылись.

Встречаются варианты, состоящие из четверостиший:

Һүнтэ мүнгэ хадлагаба,
Һүрэ газарта хадлагаба,
Үнтэ торго абаба,
Үмдэ оёжо үмэдэбэ.
(Инв. № 1587).

Фунт денег спрятал,
В юрте спрятал,
Шелк дорогой приобрел,
Брюки сшил да надел.

Определение «алтан», активно употребляющееся в эпических произведениях, вкрапливается и в художественную канву бурятских загадок. Вот как в загадке описывается ручная молотьба:

Хүн-хүн хүрээлээ,
Хүрэн азарга ёроолоо,
Алдар булдар гэшхээ,
Алтан шагай хүрээ.
(Инв. № 1606).

«Хүн-хүн» раздается,
Бурый жеребец иноходью
несется,
На бугры и кочки наступая,
Золотые бабки рассыпая.

Зерна здесь уподобляются золоту. Это, по-видимому, объясняется некоторым их цветовым сходством.

Загадки подчеркивают отдельные особенности и детали зерновых культур:

Надхама нарһан
Наян найман гэшүүһэн,
Гэшүүһэн бүрээ үргээг,
Үргээг бүрээ үндэгэн.
(Инв. № 1514).

На ветвистой сосне
Восемьдесят восемь веток,
На каждой ветке гнездо,
В каждом гнезде яйцо.

Баабайһаан ерэхэдээ дэгэлтэй
байгааб,
Эндэ ерэхэдээ дэгэлгүйб.
(Инв. № 1514).

От отца пришел в пальто,
А здесь оказался без пальто.

В течение длительного периода при уборке хлеба использовали простейшие орудия труда, которые нашли своеобразное описание в загадках. Например, серп:

Босир босир ябабаб,
Хотирсо хаябаб.
(Инв. № 1514).

Склоняясь иду,
Извилины вывожу.

Иногда он уподобляется кнуту:

Минаа минаа миндарга,
Минган сагаан сэсэргэ.
(Инв. № 1587).

Размах кнута —
Тысячи белых россыпей.

Процесс провеивания хлеба и перемалывания зерна на муку нашел лаконичное, образное выражение в таких загадках:

Жэрьээхээ шубуун жэрьээ,
Ехэ бурха тошо абаа.
(Инв. № 1514).
Хүүхэ үхэр хөөһөөр бөөлжөө.
(Инв. № 2840 (3)).
Сонхоор саһа хаяа.
(Инв. № 1514).

Пташка щебечет,
Большого бурхана встречает.

Сивый бык пелу изрыгает.

Снег кидают через окно.

О стряпне хлеба в загадках говорится таким образом:

Арбан гараараа алигадааб,
Табан гараараа ташааб,
Амархайда хаяа.
(Инв. № 1514).
Ороходоо нойтон
Гархадаа хуурай.
(Инв. № 1514).

Пять — десять рук
Надавали шлепков
И кинули в отверстие.

Заходит мокрый,
Выходит — сухой.

Для некоторых бурятских блюд употреблялись истолченные в ступке зерна, которые уподобляются овцам, а чугунный пестик для толчения — бодливому барану:

Хонининь олон,
Хусань мүргэдэг.
(Инв. № 2840 (3)).

Овец много,
Баран бодлив.

В другом варианте ступка называется тесной стайкой:

Хотонинь уйтхан,
Хусань мүргэдэг.
(Инв. № 1514).

В тесной стайке
Бодливый баран.

С загадками о зерновых культурах, о разных способах их обработки тематически перекликаются загадки, построенные на отличительных особенностях некоторых овощных культур. Известно, что овощи у бурят появились в основном под влиянием хозяйственно-бытового уклада дружественного русского народа, оказавшего прогрессивное влияние на их экономическую жизнь и культуру. О них сложено немало загадок. Многие из них генетически восходят к русским загадкам:

Далан дабхар дэгэлтэй,
Дэгэлын тайлаһан хүн
Дэмы уйлаха.

(*Хонгино*).

В семидесяти одеждах,
Кто снимет их,
Тот сильно заплачет.

(*Лук*).

(Инв. № 2754 (4)).

Далан дабхар хубсаһатайб,
Нэгэш тобшогүйб.

(*Халууста*).

Семьдесят одежек на мне
Да все без застежек.

(*Капуста*).

(Инв. № 1514).

Нэгэ гэр соо амитан дүүрэн
Гаржа аргагүй.
(Инв. № 1514).

В избе полно людей,
Не выйти оттуда.

Үүдэш сонхосьегүй.
Тур соо хүүд бууна.

(*Гүрсэ*).

В избе без окон и дверей
Живут люди.

(*Огурец*).

(Инв. № 1514).

Наряду с рассмотренными выше хозяйственными системами, нашедшими определенное выражение в загадках, в них затрагивается своеобразие отдельных ремесел, развитие которых обусловило возникновение и использование людьми различных орудий труда и предметов первой необходимости человека.

У бурят издавна было развито кузнечное дело. «Значение кузнечного дела в прошлом было исключительно огромно,— пишет А. В. Тумахани.— Металл наряду с другими материалами применялся во всех сферах производственной жизни народа, играя самую видную роль. Различные хозяйственные занятия древних бурят требовали орудий труда, сделанных из прочного, долговечного материала. Топор, сошник, нож, огниво, скребло, копье, наконечник стрелы, сосуды и многие другие предметы изготовлялись из металла»¹⁵.

Высокое искусство мастеров кузнечного дела и различные их изделия способствовали всяческому воспеванию кузнецов и их благородного ремесла. Это способствовало созданию у бурят культа кузнечества: «Железные изделия, выкованные вручную с помощью огня, вызывали в народной среде особое уважение к кузнечному ремеслу; и на этой основе затем родились легенды и предания,— пишут И. И. Соктоева и М. Б. Эрдынеев,— в которых кузнецам приписывается происхождение от небожителей и в которых главнейшие инструменты труда и самый процесс обработки железа описываются сказочно-преображенными, как в богатырском эпосе»¹⁶.

Почитание кузнецов в какой-то мере отразилось и в произведениях малых жанров устного народного творчества бурят. Кузнецы в произведениях фольклора часто наделяются неограниченными способностями, оказываются всемогущими. Так, своевременное вмешательство кузнецов во многих эпических произведениях разрешает положительный исход борьбы мэргэна или батора с различными врагами или чудовищами. Чудодейственная сила кузнецов, по народным представлениям, заложена в специфике их ремесла, органически связанного с металлом и огнем. Не случайно этот мотив стал смысловым стержнем многих эпических, а также афористических произведений.

Определение мастеров кузнечного дела в загадках органически сочетается с характеристикой самого процесса труда по изготовлению тех или иных изделий:

Хүндэй хүүсэ,
Хүшэн найгаа,
Зуузай зураа,
Зумгаал хаяа.

(Инв. № 2932 (2)).

Полое гудит,
Сильное качается,
Зузай строгаёт,
Стружки летят.

Загадки в пределах возможностей жанра отражают основные, характерные моменты и признаки, определяющие специфику кузнечного дела, в частности раскрывают последовательность в обработке металла, в изготовлении вещей:

Хүүгшэ гүүн хүүеэ,
Хүхэ нашан адхаа,
Аад хүбүүн наляа.
(Инв. № 1514).

Серая кобыла гремит,
Сизый сокол хватает,
Парень бьет, колотит.

Некоторые загадки этого цикла красноречиво говорят об использовании изделий кузнецов в быту. В очень выразительной форме они раскрывают назначение этих предметов, отдельные их свойства. Например, ножницы в загадке названы красивой овцой с растопыренными рогами: «Һайхан хонин һаргай эбэртэй» (инв. № 1587).

В некоторых вариантах точно описываются все детали загадываемого предмета:

Хоёр үзүүртэй,
Хоёр муртэй,
Тэг дундаа хадааһатай.

(Хайша).

(Инв. № 1514).

Два остря,
Две полосы,
Посередине гвоздь.

(Ножницы).

Большой популярностью пользуются загадки о ноже и топоре — предметы, издавна воспеваемые в бурятском фольклоре. Многие улигерные или сказочные баторы, силачи противопоставят своему противнику с топором в руках, который считался в свое время довольно сильным оружием. В одной из загадок он уподобляется самому батору:

Дундаа нүхэтэй
Дугна баатар,
Модон хүлтэй
Сэгээн тарси.

(Һүхэ).

(Инв. № 2720).

Полый внутри,
Дугна батор,
С деревянными ногами,
С прозрачной головой.

(Топор).

В другой — топор сравнивается с собакой, поэтому звуки его, раздающиеся при рубке леса, определяются как лай собаки:

Ойдо Олоони хусаа.
(Инв. № 1514).

В лесу Олони лает.

Загадки в художественно-поэтической форме раскрывают основные свойства этого предмета, особенности его деталей. Топорище, изготавливаемое обычно из дерева, почти во всех загадках называется деревянными ногами: «Монголоой нохой модон хүлтэй» — «Монгольская собака с деревянными ногами».

В народе бытует немало загадок о ноже и ножнах. Например:

Хонгёо модон хонолготой
Хони имаан эдишэтэй.
(Инв. № 2720).

В звонком дереве ночует,
Овцой, козю кормится.

Многие загадки этой тематической группы построены на функциональных особенностях названных предметов. Они указывают на свойства материала, затрагивают технологию их изготовления. «Бурятские мастера прежде делились на две группы: на род черных кузнецов (хара дархад) и род белых кузнецов (сагаан дархад).

Черные кузнецы занимались производством самых важных и необходимых орудий труда из железа и стали, различных бытовых и хозяйственных предметов из железа, чугуна, цветных металлов и сплавов.

Белые кузнецы являлись ювелирами — златокузнецами и серебрениками. Ими изготавливались художественные изделия — от декоративных металлических наборов к конской сбруе до филигранных женских серег¹⁷, — пишет А. В. Тумахани.

Поскольку в народе пользовались большой популярностью изделия тех и других мастеров, следовательно, и предметы, изготовленные бурятскими чеканщиками, ювелирами, нашли широкое воплощение в произведениях устной поэзии. Снаряжения коней улигерных или сказочных баторов, мэргэнов, силачей обычно состоят из серебряной узды, серебряного седла. Дворцы, в которых они живут, украшены серебром и золотом. Украшения женщин, описываемые в произведениях устнопоэтического творчества, тоже только серебряные и золотые. О женских украшениях создано у бурят большое количество загадок, особенно о серьгах:

Нахигархан намган

Найхан хурьгэнтэй.

(Инв. № 2754 (4).

Шихэнэг соо шэнэ бэри.

(Инв. № 1514).

Шагнаашын газар шаргатай
морин.

(Инв. № 2754 (4).

Шагнаашын газар

Шаргал дааган.

(Инв. № 2754 (5).

Шагнаашын газар

Шарга тэргэ хоёр.

(Инв. № 2654 (4).

У худенькой женщины

Красивый зять.

В санях с коробом молодая
невестка.

Во дворе слушателя запряженный.
в сани конь.

На дворе слушающего
Лончак соловый.

На дворе слушающего
Сани и телега.

Известны в народе загадки о кольцах, браслетах:

Зөөлэхэнийн хатуугаа эдээ.

(Инв. № 1514).

Могой модо оройгоо.

(Инв. № 2754).

Мягкое разъедает твердое.

Змея обвила дерево.

В загадках почти не говорится о деталях ювелирных изделий, об особенностях орнаментальной композиции, о технических приемах их изготовления, что в определенной мере нашло

своеобразное воплощение в некоторых мотивах, эпизодах произведений эпического творчества бурят. В улигерах, сказках иногда сами пояснительные эпитеты, определяющие изделия из серебра и золота, затрагивают особенности их художественной обработки, отмечают отдельные декоративные свойства ювелирных предметов. Однако всех деталей самого предмета или технологии его изготовления не может дать ни одно произведение устной поэзии. Они чаще всего ограничиваются описанием каких-то существенных свойств, имеющих определенное значение. При всей популярности имени кузнеца в устной поэзии бурят сам процесс его ремесла по сравнению с другими видами трудовой деятельности людей освещен в фольклоре недостаточно, особенно в загадках. Это в какой-то степени могло быть продиктовано спецификой кузнечного искусства, особенностью работы чеканщиков, ювелиров, возможно, и культом кузнечества, не позволяющим проникновения во все тайны их ремесла, поскольку оно считалось особым даром природы, передающимся человеку чаще по наследству.

Жанровая специфика загадок такова, что целостная картина о трудовой деятельности человека создается при комплексном изучении разных текстов, вариантов, освещающих орудия труда, сам процесс работы, а также те изделия и предметы, которые являются результатом творческих усилий людей. В них очень широко представлены те вещи и предметы, которые активно использовались бурятами в повседневной жизни, находили постоянное применение в их хозяйстве. Непосредственное их отражение в загадках является свидетельством своеобразного художественного преломления в произведениях этого жанра отдельных элементов и штрихов материальной культуры бурят: «Художественный металл бурят теснейшими узами был связан с бытом и жизнью народа и отражал эстетические понятия народа, в чем и состоит «секрет» его популярности. Однако последняя являлась не только следствием отражения эстетических понятий народа, ибо у бурят вообще красиво все, что выполнено из серебра и золота. Например, красивым женским украшением считалась серебряная и золотая монета, хотя сама по себе монета вовсе не предмет украшения»¹⁸.

Наряду с активным отражением предметов домашнего обихода, загадки запечатлели некоторые детали и особенности бурятского жилища, особенно бурятскую юрту во всем ее многообразии. О деревянных стойках, планках, используемых в установке войлочной юрты, и других деталях, составляющих ее каркас, в народе созданы различные загадки. Например:

Аса модон,
Буса модон,
Булган малгай,
Бурхан хэрээн.
(Инв. № 2720).

Ветвистое дерево,
Особенное дерево,
Соболья шапка
Да божий крест.

Гунын гурбан,
Дүнэйн дүрбэн,
Ажын ганса.

(3 дүли, булгааһани
4 тээнгэ, гал).

(Инв. № 1514).

Трое у Гуны,
Четверо у Дуны,
Единственный у Ажы.

(Камни очага, огонь,
опорные столбы в юрте).

Известный этнограф К. В. Вяткина так описывает бурятскую юрту: «Верхняя часть юрты имела форму усеченного конуса, состоящего из длинных палок — *уни*, которые одним концом привязывались к решетке, другим вставлялись в отверстия, выдолбленные по окружности обруча — *тоно*. Обруч скреплялся перекрещивающимися дугообразно выгнутыми деревянными пластинами, выпуклая сторона которых обращалась кверху. Тоно служил для проникновения света в юрту и выхода дыма из очага»¹⁹. Эти компоненты бурятской юрты нашли оригинальное выражение в загадках:

Ерээдэй ерэн юэн хүбүүтэй,

У Ерэдэя девяносто девять
сыновей.

Ерэн юэн хүбүүнийн
Бүтүү бүтүү нахалтай.

(Инв. № 2932 (2)).

Обоо ноён орой соорхой.

(Инв. № 2754 (4)).

У девяноста девяти сыновей
Густые-прегустые бороды.

У Обо-нойона макушка дырявая.

Оригинальные загадки сложены о стенах и дверцах войлочной юрты:

Далан Шагшахай
Газар малтаа.

(*Һэеы гэрэй хана*).

(Инв. № 2754 (6)).

Эгэшэ дүү хоёр

Ээрэмэ сасуу.

(*Һэеы гэрэй хоёр үүдэн*).

(Инв. № 2754 (5)).

Семьдесят Шагшахаев
Землю выкопали.

(*Стены юрты*).

Брат с сестрою

Одинакового роста.

(*Дверцы войлочной юрты*).

Деревянная юрта по своей форме напоминает войлочную. Поэтому многие их детали в определении загадок совпадают. Однако в некоторых вариантах отмечается специфика деревянной юрты, которая складывается из бревен:

Эшэгэни эбэрийн иин тиинтэз²⁰.

Рога козленка в разные стороны.

В загадках о крестьянской избе прежде всего отмечается наличие окон, что выгодно отличало ее от юрты. Не случайно об окнах, оконных стеклах создано особенно много загадок. Например:

Хүйтэн дулаан хоёрой дунда
Уһан мэлхэй.

(Инв. № 2840 (3)).

Убэл нажар хоёрой хоорондо

Хүхэ саарһан.

(Инв. № 1514).

Между холодом и теплом
Водный мир.

Между зимой и летом

Синий лист.

Барихада бээтэй,
Харахада нүүдэргүй.
(Инв. № 2840 (3)).

Потрогаешь — с телом,
Посмотришь — без тени.

Популярен и такой вариант данной загадки:

Харахада угы,
Барихада бии.
(Инв. № 2754 (4)).

Посмотришь — нет,
Потрогаешь — есть.

Некоторые загадки затрагивают своеобразие оконных рам:

Жортоохой жоргоон нюдтэй.
(Инв. № 1587).

У Жортохоя шесть глаз.

Аршам хамартай,
Зургаан нюдэтэй.
(Инв. № 1514).

С аршинным носом,
С шестью глазами.

Ёлбойгоод ёргоон нюдэтэй.

С продолговатым лицом, с шестью глазами.

(Инв. № 2840 (3)).

Другие детали дома также нашли свое отражение в загадках. Например, о крыше, покрытой дранками, где дранки уподобляются потникам, а крыша — коню, кобыле, сложена следующая загадка:

Ехэ гүүн ерэн дабхар тохомтой²¹.

У большой кобылы шестьдесят потников.

О стенах дома:

Үрээ морин
Үе бүрээ үүхэтэй.
(Инв. № 1514).

Необъезженный конь
Весь в жиру.

Ехэ үхэр ерэн хабһатай.
(Инв. № 2840 (3)).

У большого быка девяносто ребер.

Об использовании мха при строительстве дома в загадке говорится следующее:

Зуун хүн айшалжа ерээ,
Нэгэндэшье дутаагаабы
Дэбтьхэр ебдэжэ үгөөб.
(Инв. № 1606).

Сто гостей приехало,
Всем постелили постель.

Мох иногда называется рыжим конем:

Зээрдэ морин зэмээ тойроо.
(Инв. № 2840 (3)).

Рыжий конь обходит зимовье.

Дерн, забрасываемый на крышу дома, юрты, сравнивается в загадке с прыгающей собакой:

Хара похой
Хана өөдэ собхороо.
(Инв. № 1514).

Черная собака
На стену прыгает.

Достаточно хорошо освоив принципы возведения дома, юрты, буряты довольно рационально использовали их, живя зимой в теплых домах, а летом переходя в юрты. Они строили

специальные летники, состоящие в основном из юрт, расположенных поближе к речке и к пастбищам. Посезонные перекочевки бурят нашли своеобразное освещение в загадках:

Тээ тэндэ тинжэ байна,
Тэрэ газарта буужа байна,
Адуунай дуун дуулдажа байна,
Атар ногоон гэшхүүлжэ байна.
(Инв. № 1514).

Оттуда шум доносится,
На том месте сходятся,
Рев скота слышится,
Свежая трава топчется.

Перекочевка доставляла людям немалую радость после зимних холодных дней и вызывала общее ликование детей и взрослых. Этот шумный процесс обычно сопровождался мычанием коров, блеянием овец, перегоняемых в летники, о чем и говорится в загадке. Постепенно такие перекочевки уходят в прошлое. В настоящее время юрты стали редким явлением. Лишь в некоторых улусах изредка можно увидеть во дворе рядом с домом старинную юрту, предназначенную для летнего проживания или для каких-то других хозяйственных нужд.

Буряты издавна связывали свой дом, жилище с родным очагом (гал гуламта), незатухающий огонь в котором был символом непрерывающейся жизни, символом продолжения рода. Об огне, домашнем очаге создано немало загадок:

Дайда дээрэ аршангаарш хэмнэхэгүй,
Беземээнгээрш хэмнэхэгүй юун
бииб?
(Гал).

Что есть на свете такое,
Что не измерить ни аршином,
ни безменом?
(Огонь).

(Инв. № 1514).

Хасуури модо хахалжа ядааб,
Хамнаган хүү хүсэжэ ядааб.
(Ухан, гал).

Еловое дерево расколоть не смог,
Хамнигана догнуть не смог.
(Вода, огонь).

(Инв. № 1514).

Путем использования различных художественно-поэтических средств и приемов загадки достигают широты охвата этой темы. Специфика некоторых изобразительных приемов определена скотоводческим направлением в хозяйстве бурят. В некоторых загадках огонь сравнивается с домашними животными, в частности с трехлетней коровой, а горящие угли — с красными козами:

Гунжан үнээн гуулин эбэртэй.
(Инв. № 2754 (5)).

У трехлетней коровы бронзовые рога.

Далан улаан ямаан соо
Зуудаг хара тэхэ.

Среди семидесяти красных коз
Кусаящий черный козел.

(Сог, хабшаг).

(Угли, щипцы).

(Инв. № 2754 (4)).

Популярен в народе и такой вариант:

Гунжа үнээнэй түриһэн
газарта
Гурбан жэлдэ ногоон
ургабагүй.
(Инв. № 2754 (4)).

Где трехлетняя корова
телилась,
Там три года не было
травы.

Сила и мощь огня, его неограниченные возможности иногда сравниваются в загадках с необузданным конем:

Хүрээ соо собхордог
Солбон морин²².

Во дворе резвый,
Быстрый конь.

Немало у бурят бытует и таких загадок, в которых огонь уподобляется человеку, различным его чертам и качествам, отдельным его действиям, а искры огня — красному молодцу:

Баабайн бүдүүн, хүбүүнийнх улаан,
Басаганинх хийдхүүр.
(Инв. № 1514).

Отец мощный, сын красный,
Дочь летящая.

Улаахан хүбүүн улаа хүргөөд,
Мүнөөш болтор ерээгүй.

Красный молодец вино разносил
И до сих пор не вернулся.

(Галай ошо).

(Искры огня).

(Инв. № 2932 (2)).

Подобным определениям способствовали, по-видимому, цветовые особенности огня, горящих углей, которые отличаются своим багрово-красным цветом. Желтоватый оттенок огня, по всей вероятности, позволил творцам загадок обратиться к сравнению с золотом, золотинками, о чем свидетельствуют сами тексты:

Абдараар дүүрэн
Алтан шагай.
(Галай сог).
(Инв. № 2932 (2)).

Полный сундук
Золотых бабок.
(Угли).

Буряты почтительно относятся к домашнему очагу, к своему родному дому. Оставляя прежнее местожительство, они продолжают поклоняться ему. Такое бережное отношение их к остаткам прежнего жилища, по-видимому, связано не только с добрыми воспоминаниями о прошлой жизни в тех местах, а также исходят из некоторых их древних представлений, обычаев и обрядов. Например, при рождении ребенка совершался определенный обряд, который предполагал проявление должного внимания к «его бывшему дому» (бүүбэйн или хөөхэйн гэр), то есть последу. Последний обычно буряты зарывали в юрте или избе, соблюдая все обрядовые моменты.

Все это обосновывало органическую связь человека с данным местом, с жилищем, где он мог найти всяческую поддержку, что, по воззрениям наших предков, могло оберегать его от различных неприятностей, несчастий и недугов. Отзвуки подобных воззрений людей в какой-то мере отразились в произведениях народного творчества. В устной поэзии бурят немало мотивов, когда герои с дальних, уже обжитых мест специально приезжают в свои бывшие владения, где находят какие-то вещи или предметы, определяющие их дальнейший путь. Порою они там находят живительные источники и силы для будущих сражений, подвигов и побед.

В отличие от эпических творений народа, специфика жанров которых способствует обстоятельному раскрытию этой темы, загадки обращаются лишь к определенным деталям. Вот как, например, звучит загадка об остатках бывшего жилища:

Тонгод гээд
Толёо гээхибэ.
(Инв. № 2754 (5)).

Наклонился
Да зеркало потерял.

Большой популярностью пользуется в народе и такой вариант:

Түгдэгэрнь ошоод,
Түхэрөөниинь үлэшэбэ.
(Инв. № 2720).

Сутулый ушел,
Круглый остался.

Сам факт рождения, бытования такого рода загадок говорит о том, что эта тема постоянно волновала людей, питала их воображение.

Жилище, его внутреннее убранство, все предметы домашнего обихода нашли в загадках самое подробное описание. Это объясняется спецификой жанра загадок, отражающих в основном конкретный, предметный мир бытовой повседневности. Однако через материальный мир, отраженный в загадках, можно получить довольно широкую информацию об особенностях жизни, быта, хозяйства бурят, о некоторых промыслах и орудиях труда, о средствах передвижения, сообщения и т. д. Своеобразие экономических, географических, исторических условий, определивших особенности хозяйственно-бытового уклада, производственной деятельности бурят, наложило отпечаток на идейно-смысловое звучание многих загадок.

СОЦИАЛЬНЫЕ МОТИВЫ В ЗАГАДКАХ

Изучение богатого арсенала бурятских загадок убедительно раскрывает органическую связь этих произведений с непосредственной жизнью народа, создавшего их. Специфика разнообразной в своих конкретных проявлениях жизни бурят определила своеобразие тематики и художественной структуры загадок.

В них наряду с материальным, предметным миром, характеризующим быт и хозяйство бурят, выражено отношение народа к тем или иным социальным явлениям и историческим факторам. Отношение простых людей к религии и служителям культа было довольно противоречивым, что нашло определенное выражение в загадках. Не раскрыв еще до конца сущность всех явлений окружающей природы, народ немалую надежду возлагал на «всесильного» бурхана. Не случайно в некоторых текстах загадок всевышний назван богатым и умнейшим:

«Бүүд баян, бүтүү сэсэн» (инв. № 2720). С данной загадкой перекликается по смыслу другая:

Хоймрто Хондой баян,
Дунда Дугар баян,
Үүдэндэ Үнхүү Самбуу.
(Бурхан, гал, нохой).
(Инв. № 2754 (5)).

На хойморе²³ — богач Хондой,
Посередине — богач Дугар,
У двери — Үнхүү Самбуу.
(Бог, огонь, собака).

Часто творцы загадок дают бурхану такие определения: «баян» — богатый, «сэсэн» — умный, «ёсотой» — праведный, «найдамтай» — надежный: «Ёсотын урда ёндон гадаһан хадхаатай» — «Перед праведным острый кол воткнут» (инв. № 2754 (5)).

Найдамтай бурхандаа зула
барихам.
(Тамхи татаха).
(Инв. № 2754).

Надежному бурхану свечку
поставлю.
(Курение).

Такая характеристика всевышнего, безусловно, основана на представлениях людей, всячески почитающих его, возможно, признающих свою зависимость от благосклонности, щедрости и доброго его отношения.

Загадки подчеркивают, что место бурхана святое, оно недоступно никому, кроме него:

Бурханай газарта һуужа
болохогүй,
Болоһон талха эдижэ
болохогүй.
(Гал).
(Инв. № 3064).

На божьем месте сидеть нельзя,
Вареную муку есть нельзя.
(Огонь).

Трактовка образа бурхана в загадках разнообразна. Если в одних о нем говорится в весьма уважительном тоне, то совершенно противоположное отношение к всевышнему обнаруживаем в других:

Бурхани бургааһаар шабхадаба.
(Нюдөө сабшаха).
(Инв. № 2720).

Бурхана прутьями отхлестали.
(Моргать глазами).

«Социальная ориентация загадок ощущается не только в том, какой предмет и как подан, но также и в том, «с помощью какого образа, какой метафорой предмет выражен»²⁴.

Рождение таких загадок стало возможным лишь на той стадии развития сознания людей, когда перед ними раскрылись истинные причины, обосновывающие и оправдывающие существование бога — творца и покровителя.

Довольно противоречивую оценку получили в загадках и служители культа, в частности шаманы, к которым буряты в случае разных несчастий, болезней обращались за помощью, что нашло своеобразное художественное преломление:

Ерааза ехэ эбшэн
Мотоосой модон бөөдэ
ошоо.

Табан хүн тагнуул
ошоо,

Таһархай багша нэхүүл
ошоо.

(Шүдөө модоор шэгшэлхэ).
{Инв. № 2754}.

Ераза сильно болен,
Мотосой к деревянному шаману
пошел.

Пятеро на разведку
отправились,

Таһархай-учитель посыльным
ушел.

(Ковырять в зубах).

Известны разные варианты этой загадки, но во всех — сохраняется один мотив: больной человек и обращение за помощью к шаману. Меняется только имя больного: Ераза, Тархай. А в следующей загадке он назван Монсогтохоном:

Монсогтохон жэглэбэ,
Жамаадайдаа хэлэбэ,
Жамаадайнь модон бөө
Асаржа бөөлүүлээд,
Мяхан баристай харюулба.
{Инв. № 3064}.

Монсогтохон капризничает,
Жамадаю жалуется,
Деревянного шамана тот привез,
За камланье
Мясо преподнес.

С подъемом культуры, образования, с повсеместным распространением медицины буряты все реже обращаются за помощью к шаманам, постепенно отходят от них совсем. И этот процесс определенным образом влияет на судьбу загадок, смысловая основа которых органически связана с отживающими элементами в воззрениях людей. Одни загадки этого типа утрачивают свою функциональную значимость, со временем предаются забвению; другие — и в поздние периоды человеческой истории продолжают свое активное бытование. Но их смысл и содержание существенно переосмысливаются. Так, образы лам и шаманов, используемые в загадках, воспринимаются прежде всего как художественные приемы изображения или иносказательного выражения различных явлений, оказываются метафорическими эквивалентами разных предметов:

Лама бэшэ аад мэдэлтэй,
Нохой бэшэ аад гэнжэтэй,
Хүбэрэг бэшэ аад пүнтэгэр.
(Хармаанай часы).

{Инв. № 2697}.

Тансаг лама табан тулгууртай.
(Аяга, табан хурган).

{Инв. № 2754 (1)}.

Не лама, но знаток,
Не собака, а на цепи,
Не булка, но кругла.
(Карманные часы).

Дряхлый лама на пяти костылях.
(Чашка, пять пальцев).

Во многих загадках этого цикла содержится насмешка, ирония в адрес служителей религиозного культа. Ироническое звучание тексту загадки придают удачно подобранные эпитеты, сравнения:

Алсагар лама аладаа өөхэтэй.
(Можо).

{Инв. № 2754 (5)}.

У косолапого ламы жирные ляжки.
(Бедро).

Арабжаа ламын аман ехэ.
Гэбшэ ламын гэдэнэн ехэ.
(Хэсэ хэнгэрэг).
(Инв. № 3064).

У Рабжа ламы рот большой,
У Гэбшэ ламы живот большой.
(Бубен и барабан).

Народная сатира клеймит шаманов:

Хан үүдэн
Хан үүдэнэй саана яһан
Яһан үүдэнэй саана
Ябжагануур одигон.
(Урал, шүдэн, хэлен).
(Инв. № 2754 (4)).

Звонкая дверь,
За звонкой дверью костяная
дверь,
За костяною дверью
Болтливая шаманка.
(Губы, зубы, язык).

Народ прибегает к довольно резкой словесной характеристике служителей религиозного культа, подчеркивает их хищническую, ненасытную натуру. В метафорическом описании пчелы, например, отмечается грубый голос ламы:

Алаг эрээн байхадань
Буха гэжэ ханааб,
Бардаан дуутай байхадань
Хизад гэжэ ханааб.
(Инв. № 3064).

Увидев, что пегий он с виду,
Я принял его за быка,
Его грубый я голос услышал —
Подумал, что он канонарх.

Наблюдая в повседневной жизни за поведением, поступками, нравами лам и шаманов, простой народ точно и метко выразил в загадках свое сложившееся мнение о них.

Отдельные черты, присущие шаманам и ламам, все чаще используются для художественно-аллегорического изображения аналогичных явлений. Кипение зерен, например, уподобляется в загадках камланию шамана:

Ольтирог соо олон бөө бөөлөө.
(Инв. № 2754 (5)).
Хонхор соо хорин бөө
бөөлөө,
Жалга соо жаран бөө
бөөлзбэ.
(Инв. № 2754 (2)).

На острове камлание многих
шаманов.
В ложбине двадцать шаманов
шаманят,
В ложине шестьдесят шаманов
шаманят.

В мясном бульоне в качестве мучной приправы буряты часто использовали неразмолотые зерна пшеницы, которые при бурном кипении супа приходили в хаотичное, беспорядочное движение. Этот момент, по-видимому, напоминал людям движение, жесты, действия шаманов, особенно когда они приходили в экстаз во время камлания, что и послужило основой метафорического описания текста данных загадок.

Интересно то, что многие бурятские загадки о птицах построены на сравнениях и уподоблениях их с различными кулевыми явлениями. Например, при иносказательной характеристике птицы удода упоминается о хурале-собрании лам:

Бадан шалсан малгайтай,
Бүр-бүр дуутай,
Бүдэн торгон дэгэлтэй,
Хоёр нарын хуралтай.
(Инв. № 2754 (5)).

С шапкой из шкурки кабарги,
Глухие звуки издающий,
В пестром шелковом пальто
И с двухмесячным хуралом.

Своеобразие звуков, издаваемых птицей угодом, позволило творцам загадок сравнить его с хуралом, когда обычно слышится монотонное чтение ламских молитв, а сама птица — с ламой. При этом отмечаются разные детали ламской одежды:

Баруун тээхээ эрэнэн лама
Бараан торгон дэгэлтэй,
Барын арһан гуталтай,
Багахан шобхо малгайтай,
Гуули гандан бэрээтэй
Гурба харын хуралтай.
(Инв. № 2754 (5)).

С запада пришедший лама
В темном шелковом пальто,
В унтах из львиной кожи,
В маленькой острой шапке,
С бронзовой длинной трубой
И с трехмесячным хуралом.

В загадках о филине часто упоминается имя бурхана. Созданию подобных загадок в какой-то мере могли способствовать древние воззрения людей, связывающие происхождение отдельных птиц с самим бурханом, признанным когда-то творцом всего и вся. По представлениям наших далеких предков, некоторые птицы признавались посланцами или различными вестниками бурхана, исполнителями его воли и желания, помощниками, частично разделяющими функции всевышнего. Таковыми считались, например, орел, лебедь, кукушка. Безусловно, далеко не все моменты, встречающиеся в загадках, можно отнести к древним воззрениям людей. Тем не менее их влияние на формирование отдельных текстов загадок, на создание метафорических эквивалентов загадываемых предметов и явлений очевидно.

Описывая богачей, торговцев, нойонов и ханов, загадки отмечают их богатство, роскошную жизнь, чего лишены простые люди. Поскольку скотоводство у бурят было одним из основных занятий, следовательно, критерием, определяющим богатство имущих ханов, нойонов и т. д., была многочисленность принадлежащего им скота:

Баядай үхэд баруун хойшоо
бэлшээ.
(Гэрэй галай сооног).
(Инв. № 2840 (3)).

Скот богачей к северо-западу
пасется.
(Дымовое отверстие).

Хаани малнууд баруулжи
билшибэ.
(Огторгойн одо мишин).
(Инв. № М1 385).

Ханский скот в западной стороне
пасется.
(Звезды).

Несмотря на то, что загадки этого цикла разнятся по своему текстовому оформлению, все они подчеркивают несметное богатство хана, богача, поскольку содержащий скот уподобляется небесным звездам, которых не перечесать.

Описывая дорогую и пышную одежду богачей, загадки подчеркивают их состоятельность, зажиточность:

Хаанай һамган
Хара торгон дэгэлтэй,
Ноёной һамган
Ногоон торгон дэгэлтэй.
(Эльгэн, хүлхэн).
(Инв. № 2754 (4)).

Ханская жена
В черном шелковом пальто,
Жена нойона
В зеленом шелковом пальто.
(Печень, желчь).

Простые люди на своем горьком жизненном опыте убеждались в том, что добро наживается богачами за счет эксплуатации чужого труда, ложью и обманом, прикрываемым несправедливым социальным строем. Вот, в частности, какая характеристика дается в одной из загадок торговцам:

Городһоо нааша гунхалзаа,
Гунхан зонии эрьюулээ.
(Торгуубой).
(Инв. № 1514).

Из города едет, покачивается
И всех людей обманывает.
(Торговец).

Богатство торговцев, нажитое обманом и плутовством, измеряется в загадках масштабами нескольких десятков базаров, не поддающимся счету скотом, мешками, набитыми деньгами, бочками, наполненными архи. Например:

Демид, демид торгообой дүшэн
дүрбэн базаартай.
(Зүгэй).
(Инв. № 2720).

У торговца Демида
Сорок четыре базара.
(Пчела).

Дорһоо Дорго ноён ерээ,
Долоон боошхо архитай ерээ.
(Зүгэй).
(Инв. № 1235).

Снизу Дорго ноён приехал,
Семь бочек архи привез.
(Пчела).

Некоторые загадки этой тематической группы прибегают к конкретным именам нойонов и ханов. Среди них встречается очень популярное в фольклоре бурят и монголов имя Богдохана:

Болдогой орой булта
хүдэлбэ,
Богда хаанһаа зарлиг ерэбэ.
(Үүрэй сайха).
(Инв. № 2754 (1)).

Верхушка бугорка зашевелилась
вся,
От хана Богды указ пришел.
(Рассвет).

Для художественно-иносказательного выражения определенных предметов и явлений творцы загадок прибегают к разным деталям, почерпнутым из повседневной жизни нойонов. Даже само их появление в народе со своей свитой нашло в загадке своеобразное преломление:

Хойноһоо ерэхэн Хойбонхой
ноён
Хоёр тээгээ түшэлгэтэй
ноён.
(Голой урдаха).
(Инв. № 2889).

С севера приехал Хойбонхой
ноён,
С обеих сторон прислуга
его.
(Течение реки).

Как и во многих сатирических произведениях устной поэзии бурят, в загадках в специфической форме выражено возмущение народа поступками, поведением, образом жизни богачей и нойонов. В них — готовность простых людей найти на них справедливую управу:

Дээрэнээ ерэнэн Дэрхээ ноён
Дэмээ баатарнуудта баригдаад,
Дүүмэйн ноёнд тоушаагдаба.
(Загахан).

(Инв. № 2780 (6)).

Дорохоо ерэнэн Доржи ноён
Долоон баатарта баригдаад,
Дорной ноёнд тоушаагдаба.
(Загахан).

(Инв. № 2780 (6)).

Сверху прибывший Дэрхээ-нойон
Пойман сильными баторами,
Нойону Думы доставлен.
(Рыба).

Снизу прибывший Доржи-нойон
Пойман семью баторами,
Доставлен Дорной-нойону.
(Рыба).

Рыба, попавшая в сеть, — это нойон, пойманный баторами и доставленный вышестоящему представителю власти. В этих незначительных штрихах, возможно, выражено истинное желание народа по заслугам наказать богачей и нойонов.

Иногда в текстах-описаниях говорится о непосредственной расправе с представителями имущих:

Ноён хүүе нюрга уруунь хадхаж
алааб,
Хатан хүүе хабна уруунь хадхаж
алааб²⁵.
(Буу номолхо).

Нойона убил, ударив в
спину,
Ханшу убил, ударив в
ребро.
(Зарядить ружье).

Загадок, прямо направленных против богачей, нойонов, служителей культа, немного, но все они имеют определенное социальное звучание. Мотивы недовольства и протеста в них выражаются через предметы загадывания и уподобления, путем удачного использования иронических текстов-описаний, создающих комический эффект.

РАЗНОВИДНОСТИ БУРЯТСКИХ ЗАГАДОК

Загадки бурятского народа разнообразны не только по своей тематике, но и по характеру и форме построения. Их можно условно разделить на следующие группы: загадки-сообщения, загадки-рассказы, загадки-вопросы, загадки-диалоги, загадки-монологи, загадки-песни, числовые загадки.

Огромное большинство бурятских загадок представляет собой лаконичные суждения, краткие сообщения аллегорического, метафорического характера. Они построены на художественно-поэтическом сравнении, на уподоблении одного предмета или явления другим:

Жажалха аматай
Залдиха хоолойгүй²⁶.
(Хюрөө).

Есть рот, чтоб жевать,
Нет горла, чтоб проглотить.
(Пила).

Солнце в загадках находит, например, такое аллегорическое выражение:

Аягын шэнээн шара тоһондо
Амитан бүхэн шунана²⁷.

Топленое масло величиною с чашку
Всех людей притягивает.

В богатом арсенале бурятских загадок находим очень своеобразные загадки, текст которых передается как лаконичный, краткий рассказ с иносказательным смыслом. Например: «Гэртэһэн нааша ерэбэб, арбан хоёр гүүн, азаргатаая арбан гурбан толгой байба. Тэрээни барни эдихэ гэжэ зэргэ байба. Барни эдижэ бархабээ болоод, бараһан нэртэй болуужаб гэжэ азаргайн эдибэб. Бэшэ үлээһээмни һайн шоно, улад эдижэ, садажа ошуужа» — «Вышел из дома — навстречу двенадцать кобылиц, жеребец — тринадцатый. Все это должен я съесть. Чувствую — не одолеть мне все, поэтому съел только голову жеребца, чтоб признали съеденным все. Оставшееся пусть хороший волк и люди доедят» (инв. № 1587).

За обычным казалось бы повествованием загадки скрывается аллегорический смысл, суть которого должны разгадать присутствующие. Данная загадка основана на реальных обрядовых моментах и отгадывается так: овечья голова, преподносимая гостю в качестве почетного блюда — төөлэй, и 12 трубчатых костей.

В загадках данного цикла рассказ не всегда ведется от первого лица, довольно часто он передается как обычное повествование очевидца, который является лишь свидетелем описываемых им событий, но не участником. Например:

«Үндэр уулайн саанаһаа ерэһэн юума. Өөрынгөө һайгаар үлэһөөд ерэһэн юума. Үлэһөөд ерэхэдээ үүхэн соо оройлготой үлэтэй һайхан төһөө абяабэер эдишхэһэн юума. Эдишхэһэн буруудаа арба һара аталгада байжа, хорин һара холоодходо байжа арай гэжэ гараһан юума» — «Из-за высокой горы он прибыл. Будучи голодным по своей вине, съел вкусное сытное масло, обернутое жиром. Десять месяцев он в неволе был, двенадцать месяцев в колодках сидел».

В такой завуалированной повествовательной форме говорится в загадке о рождении ребенка, о его грудном кормлении. Люлька, в которой лежит новорожденный, сравнивается с колодками, что по-видимому, объясняется формой старинной бурятской люльки.

В народном бытовании известны различные варианты этих загадок. В структурном отношении они не отличаются большой устойчивостью, потому и легко поддаются свободной импровизации. В зависимости от конкретной ситуации, от аудитории, оттого, кто их произносит, к кому они обращены, меняется фор-

ма их подачи. Однако при всей структурной подвижности загадки неизменным остается ее содержательное ядро, являющееся основным и главным критерием в определении всех ее вариантов.

Следующий цикл загадок — загадки-вопросы. Они бывают сформулированы по-разному. Загадки-вопросы содержат такие суждения, утверждения, одно из которых должен выбрать отгадывающий в качестве ответа. Например:

Адуугаар баян дээрэ гү,
Али ашандаар баян дээрэ гү?²³

Кто выше:
Богатый скотом или внуками?

Отгадчик непременно выбирает для ответа одно из утверждений, чаще второе.

Очень просто, несколько даже примитивно сформулировано, например, такое загадочное выражение:

Нэрэ ехүү, нэхээ архан ехүү?

Что дороже: имя или овчина?

Сам вопрос почти подсказывает отгадку. Из данных сравнений, сопоставлений довольно легко можно выбрать ответ. Иногда это оказывается преднамеренным приемом, облегчающим нелегкую задачу отгадчика.

К подобным загадкам прибегают в тех случаях, когда предыдущие загадки тематически перекликаются с данным вариантом, но остаются без отгадок или отгадываются неправильно. Если, например, затрудняются разгадать загадку:

Юумэндэ юун хэрэгтэйб?

(Нэрэ).

Всем нужно что?

(Имя).

можно обратиться к приведенной выше загадке. Обращение к ней невольно направляет мысль отгадчика по правильному руслу.

Не всегда состязающиеся стороны прибегают к приему, подсказывающему отгадку. Иногда, напротив, они заинтересованы в том, чтобы отгадчики не разгадали их загадку. Однако в практике загадывания и отгадывания загадок иногда возникает необходимость в подсказывающих элементах, в наводящих вариантах. Это зависит от аудитории, конкретных обстоятельств, от настроения состязающихся сторон.

Загадки, сформулированные в вопросительной форме, далеко не одинаковы по сложности разгадывания. Иногда загадки-вопросы требуют совершенно другой разгадки и не связаны с выбором одного из данных суждений, хотя сама форма загадки требует этого. Например:

Харганаа бүртэгэнөөгэй
задаржа ургахань хайхан гү?
Хараасгай шубуунай ниидэжэ
элихэнь хайхан гү?
(Инв. № 3064).

Что красивее? Когда карагана
распускается, растет?
Или птичка ласточка парит
и летает?

Художественное построение этой загадки таково, что ответ непременно должен вытекать из утверждений, данных в вопросительной форме. Однако загадка разгадывается по-другому — по принципу отгадок аллегорических, метафорических загадок. Отгадка такова: изготовление ниток из жил. Подобным же образом сформулирована и следующая загадка:

Хүрэн мориной	Бурой лошади сила лучше?
Хүшэ сайн гү?	Или крепкой треноги
Хүдэри шүдэрэй бүхэ сайн гү?	прочность лучше?
(Хүлюусэ, замаг).	(Ключ и замок).

(Инв. № 3064).

Ответ на эту загадку тоже не связан с выбором одного из данных в тексте утверждений. Вопросительная форма загадки, ведущая к выбору подсказывающих моментов, не всегда подводит отгадчика к правильному решению. Чтобы не ошибиться, отгадывающий должен учитывать аллегорические элементы, заложенные в загадке-вопросе. В этом и проявляется суть загадки, нарочито усложняющей возможность отгадки.

Таким образом, не всегда разгадка бывает заложена в вопросе-загадке. Во многих случаях отгадчик сам должен найти ответ на поставленный вопрос, что часто оказывается нелегкой задачей. Например:

Дайда дээрэ үндэнэбой юун	Что растет на земле без
ургадагби?	корня?
(Шулуун).	(Камень).

(Инв. № 2896).

Разгадка подобных загадок требует смекалки и сообразительности, знания окружающей человека действительности. Источником таких загадок является не только реальный мир, но и устная народная поэзия, о чем свидетельствует приводимый ниже пример: «Далан улаан буруу хэн хаража ябаа нэм?» — «Кто пас семьдесят красных телков?». Ответ: «Абай Гэсэр». Чтобы правильно ответить на данный вопрос нужно хорошо знать произведения героического эпоса бурят, в частности улигер «Абай Гэсэр хүбүүн».

Загадок, построенных в вопросительной форме, немало в репертуаре современных носителей фольклора. Они часто звучат на различных торжествах, улусных праздниках.

К данной группе загадок близки загадки-диалоги, в которых обязательно наличие вопросительного предложения. Загадки, построенные на диалоге, нередко представляют собой цепь взаимосвязанных между собой вопросов и ответов:

— Суулга хэн суулааб?	— Кто прорубь прорубил?
— Самсон суулаа.	— Самсон прорубил.
— Юугаар суулааб?	— Чем прорубил?
— Согдоор суулаа.	— Пешней прорубил.
— Юугаар татааб?	— Чем тянул?

- Набаар татаа.
- Юугаар түлхөөб?
- Түйсөөр түлхөө.

(Гутал оёхо).

(Инв. № 1235).

- Нитью тянул.
- Чем толкал?
- Туюском толкал.

(Шить унты).

Диалоги не строятся произвольно, они бывают основаны на определенных аналогиях, сходстве предметов отгадки и замещения. В основу данной диалогической формы положен процесс шитья, изготовления бурятских унтов.

Реальная связь предметов и явлений окружающей человека действительности находит своеобразное выражение в диалогической форме загадок. Так, о быке, волке и вороне создана у бурят такая загадка:

- Абаахалдайе хэн унагаагааб?
- Аха бүхэ унагаагаа.
- Тэрээни хэн хэлээб?
- Түмэрхэни хүбүүн Шоншоог

Хэлээ.

(Инв. № 2979).

- Абахалдай кто победил?
- Старший силач победил.
- Об этом кто сказал?
- Шоншок — сын Тумэрхэна.

В загадках-диалогах часто употребляются собственные имена. Иногда они начинаются с непосредственного обращения:

- Тоншол, Тоншол, хаанаһаа ерэбэш?
- Тонһото хорһото газарһаа ерэбэб.
- Толгойш яахадаа хуурайб теэд?
- Манай заншал нимним даа.

(Хониной хоргоол).

(Инв. № 2780 (4)).

- Тоншол, Тоншол, откуда ты?

- Из мест жирных, маслянистых.
- Почему голова твоя сухая?
- Таков наш обычай.

(Овечий помет).

В народе известно немало вариантов данной загадки. Все они начинаются с разных обращений: «Тобшохой, Тобшохой!» (инв. № 2754); «Монсуудай, Монсуудай!» (инв. № 2754).

Загадки-диалоги, состоящие из цепи взаимосвязанных вопросов и ответов, характеризуют некоторые их особенности бытования в прошлом. Известно, что раньше, когда не было в бурятских улусах кино, радио, телевидения, вечерами собирались у кого-то на посиделки (һүни һуухаяа). Подобные сборища нередко выливались в фольклорные вечера, где в произвольной естественной форме звучали улигеры, сказки, пословицы, загадки. Своеобразие жанра загадок способствовало тому, что участники вечера стихийно распадалась на две противоположные группы — загадывающую и отгадывающую. Для коллективного же исполнения таких групп требовались и соответствующей формы загадки, призванные вовлечь в этот процесс как можно больше людей, что и послужило, по-видимому, одной из причин возникновения загадок-диалогов с некоторыми игровыми элементами, с разными конкретными обращениями.

Загадки-диалоги относятся к наиболее сложным по своему построению загадкам, так как в них дается последовательная

цепь логически связанных между собой выражений, иносказательно характеризующих непрерывный процесс или явление, предмет. Они отражают некоторые особенности структурного развития бурятских загадок от простой формы выражения загадываемого предмета и явления к наиболее сложной, отмечают постепенный переход от простых кратких вопросов к продуманной диалогической системе.

В загадках-монологих образ загадываемого предмета передается в форме монологической речи, обращенной к самому себе или к слушателям:

Хээрэан адуугаа асархадам
Хэн баян гэгшааб?!
Хэрмэн дэгэлээ үмэдхэдэм
Хэн гоё гэгшааб?!
(Иув. № 2877 (3).

(Хулгана).

Из степи пригоню скот —
Кто назовет богатым?!
Беличью шубу надену —
Кто назовет красивым?!

(Мышь).

К этой загадке близка по своей форме и следующая загадка, основанная на некоторых природных особенностях дятла:

Удаган модо тоншоходом
Хэн дархан гэхэб?
Улаан залаа залаалхадам
Хэн гоё гэхэб?
(Иув. № 2754 (3).

(Тоншуул).

По дереву-шаманке постучу —
Кто плотником меня назовет?
Красную кисточку прикреплю —
Кто красивым меня назовет?
(Дятел).

Загадок, построенных в форме монолога, немного в фольклорном арсенале бурят. Однако наличие даже немногочисленной группы загадок такого типа свидетельствует о разнообразии приемов построения образа в произведениях этого жанра.

Довольно часто загадки-монологи передаются в песенной форме. Об этом свидетельствует, например, бытование в форме песни одного из вариантов приведенной выше загадки:

Мухар жалгын эхиндэ
Мугдай баян бээрээб,
Хэрмэхэн дэглээ үмдөөд,
Хээрэхэн адуугаа адуулхадам
Хэн баян гэхэб?
(Иув. № 2754 (4).

(Хулгана).

Я, богач Мугдай,
С окраины долины,
Беличью шубу надену,
В степи свой скот стану пасти.
Кто богатым меня назовет?
(Мышь).

В таких загадках-песнях выведены образы различных зверей, птиц, насекомых.

Бытует у бурят песня-загадка о волке:

Боори газар нуудалтайльби,
Буруу хашараг хүнэхэтэйльби,
Хада газар нуудалтайльби,
Хашараг буруу хүнэхэтэйльби.
(Иув. № 1587).

На гористой местности обитаю,
Теленком, бычком питаюсь,
В горных местах находясь,
Бычком, теленком питаюсь.

В таких загадках-песнях повествование обычно ведется от первого лица. В отличие от обыкновенных песен в загадках-песнях говорится о разных предметах и явлениях в завуалированной, нарочито затемненной форме, рассчитанной на отгадку. По текстовой характеристике, переданной в песенной форме, отыскивается и называется отгадываемый предмет. Иногда песни-загадки требуют ответа в песенной же форме. Например:

Хара далайн дунда
Хабатай хүбүүн түрэбэ.
Хамаг зоноо ерэхэдэ
Хорим түрэээ бүтээбэ.

Посередине черного моря
Дюжий парень родился.
Когда собрался весь народ,
Он свадебный пир устроил.

Ответная песня:

Хара далай гээшэшни
Хабхатай модон һиибэ,
Хабатай хүбүүн гээшэшни
Хара шэрэм танха.
(Инв. № 2868).
Хүхэ далайн дунда
Хүшэтэй хүбүүн түрэбэ.
Хэдэн зоной ерэхэдэ
Хүхэожэ байжа найрлуулба.

Черным морем называешь
Деревянный, ребристый
охладитель,
Дюжим парнем называешь
Чугунный черный кувшин.
Посередине синего моря
Сильный парень родился.
Несколько человек собралось —
Он пир и веселье устроил.

Ответная песня:

Хүхэ далай гэхэншни
Хүндээ модон һиибэрэ,
Хүшэтэй хүбүүн гэхэншни
Хүхэ шэрэм танха.
(Инв. № 2868).

Синим морем называешь
Полый деревянный охладитель,
Сильным парнем называешь
Синий чугунный кувшин.

Песенная форма передачи некоторых загадок раскрывает одну из особенностей их современного бытования. Поскольку жанр песен активно бытует в наши дни, загадки, передающиеся в песенной форме, живут полнокровной жизнью, выполняя определенную функцию.

В самостоятельную группу можно выделить числовые загадки. Наиболее многочисленны среди них загадки-триады.

Почти во всех произведениях бурятского устнопоэтического творчества число «три» употребляется очень активно как в эпических, так и в афористических жанрах. Так, состязания баторов или мэргэнов часто сводятся к трехразовому повторению. Испытание женихов тоже состоит из трех нарастающих по своей сложности заданий. Эпические герои часто выступают в составе трех человек: «три брата» («эсэгэйн гурбан хүбүүн»), «три молодца» («гурбан хүбүүн»), «три друга» («гурбан нүхэд»). На раздумье эпическому герою дают три дня и три ночи. До заветной цели батор добирается в течение трех суток, недель или трех лет. Н. Л. Жуковская справедливо пишет: «Триада — одна из основ структуры ранних мифологий у многих народов мира, в том числе у монгольских и тюркских. В «Джангаре» герой проходит три испытания, три огненных сандаловых

деревя преграждают дорогу трем мальчикам-богатырям, три недели спят герои, уставшие после дальней дороги, и т. д. Параллели можно найти в эпических сказаниях монголов, бурят, тюркских народов. Число 4 в мифологии — это показатель четырех сторон света (позднее к ним домысливается 5-я — центр, и представление о 5 сторонах света распространяется по всему востоку)²⁹.

В малых жанрах бурятского фольклора, в частности в загадках, числа «три» и «четыре» выполняют определенную функцию. Они становятся основными компонентами числовых загадок, загадок-триад и загадок-четвериад. Структура загадок-триад исходит из принципов строгого соблюдения основных требований этого числового понятия. В самой загадываемой части, сформулированной чаще в вопросительной форме, определяются числовые ограничения отгадки. Например, в вопросе: «Что есть на свете три красных?» — «Дэлхэйдэ гурбан улаан юум?» — заложен количественный определитель последующих перечислений, который не допускает в отгадке ответных выражений меньше или больше трех:

Жабарта үлэзлэгэн тэнгэри
улаан.
Жалгада хэбтэгэн үнэгэн
улаан.
Жаргалтай һамганай хасар
улаан.

(Инв. № 1587).

Дэлхэйдэ гурбан хурдан юум?

От ветра-верховика небо
красное.
В ложбине лежащая лиса
красная.
У счастливой женщины щеки
красные.

Что есть на свете три быстрых?

Ответ:

Шубуухайда ороһон харсага
хурдан.
Шулуунһаа халиһан һума
хурдан.
Сээжээн оёртохи һанаан
хурдан.

(Инв. № 1587).

На птичку налетающий ястреб
быстрый.
Отлетающая от камня пуля
быстрая.
В глубине души мысли
быстрые.

Сама постановка вопроса или их формулировка в загадках-триадах требуют того, чтобы в отгадке ответы соответствовали ее числовому выражению «три».

В загадках-четвериадах определяющим становится число «четыре». Например:

Дэлхэйдэ дүрбэн холо юум?

Что есть на свете четыре далеких?

Ответ:

Хашан мориндо харгы холо.
Харуу хүндэ нүхэр холо.
Хараха гэхэдэ шэхэн холо.
Хазаха гэхэдэ альган холо.
(Инв. № 2840 (3).

Ленивому коню дорога длинна,
Скупому человеку друзья далеки,
Уши не разглядеть — они далеки,
Ладонь не укусить — она далека.

Принцип построения четвериад почти не отличается от структурных особенностей триад. Иногда граница, разделяющая их, бывает весьма условной.

Возможно, закономерности самой жизни, цикличность, определенные повторяющиеся моменты в самой природе способствовали закреплению этих числовых выражений в памяти людей. Постоянная смена четырех времен года: зимы, весны, лета, осени; обычное чередование утра, дня, вечера, ночи; детства, молодости, старости — все это неизменно повторяется в природе и жизни человека, способствует особому выделению числовых понятий «три» и «четыре».

Кроме того, в выделении этих цифр из огромного количества других и обретении ими популярности в фольклоре определенную роль могли сыграть древние мифологические воззрения людей, объясняющие суть реальной действительности как три мира: верхний — небо, средний — земля, нижний — подземелье.

Верхнему и нижнему миру фантазия древних людей приписала жизнь, подобную на земле, то есть наделила их такими же живыми и неживыми существами, только отличающимися какими-то своеобразными внешними и внутренними особенностями. Люди верхнего мира, например, наделены таинственными, сверхъестественными силами и возможностями и возведены в ранг божеств. Нижний мир населен ничтожными существами, тоже обладающими своеобразными волшебными свойствами.

Такие представления древних людей в какой-то мере определили пространственные масштабы действий фольклорных персонажей, не ограничивая их пределами одного из миров. Например, улигерный батор Гэсэр начинает свои деяния с верхнего мира, разворачивает их на земле, прибегая при надобности к помощи представителей верхнего мира, где он родился и начал свою благородную миссию. Сказочный силач и богатырь Буху хара хубун, действовавший в основном в среднем мире, оказывается в нижнем, преследуя своего врага — длинноростого старика ростом с локоток.

Наличие таких архаических мотивов в эпических сказаниях бурят свидетельствует о том, что они волновали и занимали творческое воображение сказителей. Поэтому такие мотивы, толкования могли найти своеобразное преломление не только в крупных эпических полотнах бурят, но и в афористических произведениях народа, в частности в загадках, определяя их тематическое звучание, а также структурно-числовое оформление или направление.

Ф. Энгельс писал: «Понятия числа и фигуры взяты не откуда-нибудь, а только из действительного мира. Десять пальцев, на которых люди учились считать, т. е. производить первую арифметическую операцию, представляет собой все, что угодно, только не продукт свободного творчества разума. Чтобы считать, надо иметь не только предметы, подлежащие счету,

по обладать уже и способностью отвлекаться при рассмотрении этих предметов от всех прочих их свойств кроме числа, а эта способность есть результат долгого, опирающегося на опыт, исторического развития. Как понятие числа, так и понятие фигуры заимствованы исключительно из внешнего мира, а не возникли в голове из чистого мышления. Должны были существовать вещи, имеющие определенную форму, и эти формы должны были подвергаться сравнению, прежде чем можно было прийти к понятию фигуры»³⁰.

Богатый жизненный опыт людей, их повседневная трудовая практика и непосредственные наблюдения служат неисчерпаемым источником для рождения и формирования числовых загадок. В богатом арсенале числовых загадок определенное место занимают триады космогонического характера. В них — представления наших предков о вселенной, особенности которой издавна волновали и затрагивали их воображение. В них — раздумья и поиски древних людей, их стремление постичь таинственный мир, разгадать явления природы, ответить на такие вопросы:

Тэнгэри тулгагүй аад яаж байдаг юм?	Как держится небо без подпорок?
Шоргоолжон нюдэгүй аад яаж бута баридаг юм?	Как муравьи без глаз делают муравейник?
Шубуун хүхэгүй аад, яаж дальбараагаа дэбжээдэг юм?	Как птица без сосков птенцов выкармливает?

Многие варианты загадок-триад говорят о небе, земле, о звездах, солнце и луне. Например: «Что есть три удивительных на свете?»

Үндэр тэнгэри тулгабой гайхал.	Удивительно, что высокое небо без подпорок.
Үргэн дэлхэй заха үбэй гайхал.	Удивительно, что обширная вселенная безгранична.
Улаан нарани сүхэбой гайхал.	Удивительно, что красное солнце без обруча.

(Инв. № 2896).

Особенности неба, солнца, вселенной в целом затрагиваются во многих вариантах загадок-триад.

Наши предки не ограничивались лишь постановкой вопросов. Они пытались по-своему ответить на них, опираясь на свою житейскую практику, на мир конкретных, осязаемых и видимых предметов и явлений. Древние люди, например, так отвечали на вопрос: «Что есть три недостающих на свете?»

Далай хабхаггүй, Тэнгэри тулгуургүй, Хада бэлхгүй. (Инв. № 2754).	Озеро без крышки. Небо без подпорки. Гора без пояса.
--	--

В некоторых загадках-триадах сохранились элементы давних воззрений бурят о разных дурных предзнаменованиях:

Улин хусаһан нохой ёро.

С воем лаюшая собака — плохое
знамение.

Зоходон мөөрэхэн үхэр ёро.

С ревом мычащая корова — плохое
знамение.

Уйлганан харааһан һамган ёро.

С плачем ругаюшая жена — плохое
знамение.

(Инв. № 2754 (1)).

Такие загадки-триады органически связаны с легендами, мифологическими рассказами бурят. Иногда они оказываются компонентами эпических произведений народа. В числовых загадках, как и в других произведениях фольклора, отдельные мифологические элементы переплетаются с реальными. Однако большинство загадок-триад основано на реальных жизненных наблюдениях людей и содержит достоверные сведения. Например, загадка «Что есть три трудных на свете?»

Шулуун дээрэ ногоо ургуулха
бэрхыема.

На камне траву вырастить
трудно.

Уһан дээрэ гал түлихэ
бэрхыема.

На воде разжечь огонь
трудно.

Үхэрэй эбэр дээрэ саһа
тогтоохо бэрхыема.

На рогах быка удержать снег
трудно.

(Инв. № 2979).

Между всеми звеньями подобных загадок существует определенная связь. Она заключается в принципе их отбора и освещения в одноплановом русле — «три умных», «три красных», «три трудных» и т. д.

При всем своем разнообразии окружающая человека действительность располагает множеством сходных черт и признаков, на которых и основываются загадки-триады. Например, морозоустойчивость некоторых растений послужила основой создания загадки о трех незамерзающих зимой:

Нарһани шэлбэһэн хүлдхэбой.

Сосновые ветви не замерзают.

Оожом хүлдхэбой.

Озимь не замерзает.

Газар дорси һараана хүлдхэбой.

Луковицы сараны не замерзают.

(Инв. № 2896).

Даже в очень отдаленных по смыслу понятиях творцы загадок находят общее, что становится связующим звеном в загадках-триадах. Так, небо, земля и озеро в одном из вариантов триады похожи, например, по наличию определенного слоя, покрывающего их:

Үндэр тэнгэри үүлэн
дабхасатай.

Высокое небо облаком
покрывается.

Үлгэн дэлхэй ногоон
дабхасатай.

Привольная земля травой
покрывается.

Үргэн далай мүльһэн
дабхасатай.

Широкое озеро льдом
покрывается.

(Инв. № 2979).

Каждое звено загадки-триады или загадки-четвериады представляет собой лаконично выраженное суждение людей, вытекающее из их житейского опыта и повседневной трудовой практики. Вот почему такие загадки перекликаются с пословицами и поговорками, с меткими, мудрыми изречениями бурят. Особенно интересны загадки-триады, касающиеся нравственно-этических норм человека. Например:

Унтаха нойрто мэдэгдэһэн хүн
өөдөө болохобэй.
Зугаалха зүрхэндэ мэдэгдэһэн хүн
өөдөө болохобэй.
Ууха архида мэдэгдэһэн хүн
өөдөө болхо үбээ.

(Инв. № 95).

Хэбтэһэн хүн яргалбэйма.

Хобдог хүн нүхэрбэйма.

Ногтуу хүн һонибэйма.

(Инв. № 2979).

Не увидит добра тот, кто
зависит от сна,
От волнения разгульного
сердца,
И тот, кто попал под
влияние вина.

Лежебока не имеет счастья,

Жадный человек не имеет

друзей,

Пьяный человек не представляет
интереса.

Основным критерием определения общественной ценности человека является его отношение к труду, поэтому в произведениях устной поэзии, в частности в загадках-триадах, находим беспристрастную оценку человеческих достоинств и недостатков. На эту тему создано немало пословиц и поговорок, которые по мере надобности включаются творцами в состав числовых загадок, становятся необходимыми их компонентами:

Гурбан сэсэн юум бэ?
Хойшхолоңгоо һанаһан эрэ
сэсэн.

Хоббэй эзы сэсэн.
Хоёр сэсэнэй хэрэг илгәһан
хүн сэсэн.

(Инв. № 2979).

Три умных на свете?
Умен мужчина, думающий
о последствиях.
Умна женщина, не занимающаяся
сплетнями.
Умен мужчина, решивший спор
двух мудрых.

В произведениях бурятского фольклора довольно часто затрагиваются умственные возможности человека. Причем умный в них обычно противопоставляется глупому. В загадках-триадах эта тема получила своеобразную интерпретацию. По сравнению с другими видами загадок числовые загадки располагают большими возможностями для характеристики человека, для раскрытия нравственных, эстетических воззрений людей. Представления людей о добре и зле, о прекрасном и безобразном находят в этих загадках вполне определенное выражение. Так, загадки о трех чистых, светлых, красивых известны в народе в разных вариантах:

Нуурта һууһан ногоһон
сэгсэ.

Нооһоо һамнаһан эзы сэгсэ.

Үнэһөө абуулаһан дүли сэгсэ.

(Инв. № 98).

Сидящая на озере утка
красива.

Причесанная женщина красива.

Очищенный от золы очаг

красив.

Үүлээ хурайнан тэнгэри сэлмэг.
Үнэээ намнаһан һамган сэлмэг.
Үһнэээ абхуулһан гал сэлмэг.

Безоблачное небо красиво.
Причесанная женщина красива.
Очищенный от золы очаг красив.

Прекрасными в загадках-триадах признаются малыши, кото-
рые всегда вызывают нежные, трогательные чувства:

Гунтай хөөхэй һайхан.
Гунжан үнеэни тугал һайхан.

Трехлетний младенец красив.
Теленок трехлетней коровы
красив.

Һабигатай бэри һайхан.

Невеста с мелкими косичками
красива.

(Инв. № 2754).

Характерной особенностью загадок-триад является то, что
в них даны выражения, отшлифованные коллективным творче-
ством. В результате их отточенности и художественного совер-
шенства они эмоциональны, живо воспринимаются слушателя-
ми, что послужило одной из причин активного бытования зага-
док-триад в наши дни.

Границы между загадками-триадами и загадками-четвери-
адами весьма условны. Некоторые загадки-триады, например о
трех красных на свете, часто встречаются как загадки-четве-
риады. Условны также границы между загадками этого типа
и пословицами. В различных ситуациях отдельные звенья триа-
ды и четвериады бытуют как самостоятельные афористические
выражения.

Загадки-триады и загадки-четвериады построены в основном
на использовании противоположных понятий, например: «3 ха-
ра — 3 сагаан» — 3 черных — 3 белых, «гурбан сәсэн — гурбан
тэнэг» — три мудрых — три глупых, «гурбан хүндэ — гурбан
хүнгэн» — три тяжелых — три легких. Например:

Хурса хутагайн эри хүнгэн.
Хурдан мориной туруун хүнгэн.
Худалша хүнэй хэлэн хүнгэн.
Хулууша хүнэй хормой хүнгэн.
(Инв. № 2720).

Лезвие острого ножа легкое.
Копыта быстрого коня легкие.
У вруна язык легкий.
У вора подол легкий.

Данная четвериада довольно часто бытует как триада.

Загадок-триад, пожалуй, гораздо больше, чем других число-
вых загадок. Если учесть все варианты, то количество этих за-
гадок еще возрастет. Например, обратимся к загадке о трех
черных. Некоторые варианты звучат таким образом:

Харатай хүнэй һанаан
харыма.
Хан дэлхэйн шорой харыма.
Хоёр хүлтэй хүнэй үһэн
харыма.

У коварного человека мысли
черные.
На земле-матушке почва черная.
У человека двуногого волосы
черные.

(Инв. № 2979).

Совершенно по-другому звучит следующий текст:

Үндэр хадын орой хара.
Үргэн далайн оёор хара.
Үншэн хүнэй досоо хара.
(Инв. № 2687).

Вершина высокой горы черная.
Дно широкого озера черное.
У сироты на душе темно.

В загадках о трех черных, о трех белых часто упоминается внутренний мир сироты. Причем в тех и других загадках он определяется положительно:

Үншэрhэн хүнэй hанаан сагаан. У сироты душа белая.
(Инв. № 2877).

Чистота и красота духовного мира сироты находит здесь символическое выражение в определении «сагаан» — белый.

Использование эпитета «хара» для характеристики человека казалось бы должно иметь отрицательный оттенок. Однако творцы загадок очень удачно употребляют этот эпитет для определения сиротской души, черной от горя и печали.

Отдельные варианты числовых загадок отличаются предельной краткостью и лаконичностью изложения. Так, один из вариантов загадки о трех острых известен в народе в такой сжатой формулировке:

Ходьго хурса.
Нюдэн хурса.
Һанаан хурса.
(Инв. № 2896).

Нож острый.
Глаза острые.
Мысли острые.

Здесь дается только основа загадки, ее смысловое ядро без уточнений и пояснений.

В других текстах отмечаются дополнительные сведения:

Хулуушан хүүни хотиго
хурса.

У вора нож острый.

Хубхай хүүни шүдэн хурса.

У жадного человека зубы
острые.

Үгхэ хүүни нюдэн хурса.

У умирающего человека глаза
острые.

(Инв. № 2896).

Зуни бугайн эбэр хурса.

У летнего изюбра рога острые.

Зуудаг нохойн шүдэн хурса.

У злой собаки зубы острые.

Хулууша хүни хотиго хурса.

У вора нож острый.

(Инв. № 96).

Иногда встречаются лишь незначительные совпадения отдельных деталей:

Хулууша хүнэй нюдэн хурсыма.

У вора глаза острые.

Хурдан моринной туруун
хурсыма.

У коня-бегунца копыта острые.

Һайн изын хайша хурсыма.

У хорошей жены ножницы острые.

(Инв. № 2979).

Второе и третье звенья данной загадки не имеют никакого сходства с рассмотренными выше текстами. Первая же строка представляет собою контаминацию из разных звеньев известных вариантов. Такие незначительные, порою и значительные различия в текстах, их подвижность и вариативность характеризуют активность бытования загадок. Причем каждое новое выражение, которое вводится в текст загадки, имеет реальную основу, отчего каждый вариант звучит по-своему убедительно и достоверно.

Если в загадках-триадах и загадках-четвериадах есть общие признаки, объединяющие отдельные их звенья или выражения, то этого нельзя сказать о числовых загадках, состоящих из цепи вопросов и ответов от одного до десяти. В тематике, в содержании диалогических пар этих загадок почти отсутствуют общие, сходные черты. Однако неизменным, строго выдержанным в них является порядок числового перечисления, идущий от единицы до десяти: Например:

Нэгэн юм?

— Нэгэтэ үзэнэнөө танинбэй яахананьб.

— Хоёр юм?

— Хоёр гараараа бариһанаа юундэ алдаха һаньб.

— Гурбан юм?

— Гурбалаа шүдэрөөр шүдэрлэн хойно морин хайша арлиха һэм.

— Дүрбэн юм?

— Дүрбэн тээнэ бодоһон хойно булгаһан бодонбэй яаха һэм.

— Табан юм?

— Табатай үхэрөө алажа эдхэдээ гүдэнэ садхалан һуухаб.

— Жоргоон юм?

— Жоро хүрэжэ жортойһон хойноо юушхэ үзөө, юушхэ дуулаа гээшэб.

— Долоон юм?

— Долоо үбгэни үрхэ дээрэ ерэнэн хойно үүр сайнбэй яаха юм.

— Найман юм?

— Нарта ногоото газарта ябаһан хойноо юундэ төөрхэ һэм.

— Юнэн юм?

— Юнэн хааһаа тахиһан хойноо мүргэл хүсэнбэй яаха һэм.

— Арбан юм?

— Арбан ахатай, дүрбэн дүүтэй һэн хойноо юунаһашхэ айхабойб.

(Инв. № 1587).

— Что такое один?

— Узнаю увиденное раз.

— Что такое два?

— Не упушу пойманное двумя руками.

— Что такое три?

— Стреноженный конь никуда не денется.

— Что такое четыре?

— Быть юрте, если 4 столба подняли.

— Что такое пять?

— Зарежу пятилетнего быка и буду всегда сыт.

— Что такое шесть?

— До шестидесяти лет дожил, все видел, все слышал.

— Что такое семь?

— Большая Медведица над дымником — рассвет настает.

— Что такое восемь?

— На солнечной цветущей земле никогда не заблудишься.

— Что такое девять?

- Девяти ханам поклониться — полный молебен совершить.
- Что такое десять?
- С десятью братьями, четырьмя сестрами ничего не страшно.

Данная загадка записана А. А. Бальбуровым от унгинских бурят. Близка к ней загадка, записанная С. В. Шарыповым. Сначала тексты в записи Бальбурава и Шарыпова почти совпадают. Расхождения начинаются с пятого номера; вводятся совершенно новые звенья, новые выражения, каких нет в варианте А. А. Бальбурава. Однако в обоих случаях строго соблюдается порядок возрастающих числовых значений.

Вообще в бурятских, калмыцких, монгольских числовых загадках немало совпадений, аналогий. Близки они не только по содержанию, но и по форме. В то же время тематическая связь между отдельными звеньями загадки с числами от одного до десяти отсутствует. Каждая диалогическая пара относительно самостоятельна. В ней может быть выражена такая мысль, которая не находит дальнейшего развития в следующих строках.

Иногда творцы загадок вплетают в традиционные рамки числовых загадок от одного до десяти местный материал, что свидетельствует о живом процессе рождения новых вариантов. Постепенно они переходят границы своего региона, обрастают новыми компонентами, деталями, подтверждая тем самым активность современного бытования числовых загадок этого типа.

Не только у бурят, калмыков и монголов, но и у некоторых других народов известны такие загадки. О наличии подобных карельских загадок, включающих в себя цепь вопросов и ответов от одного до десяти, пишет в своей работе Н. А. Лавонен. Исследователь приводит несколько текстов загадок, один из вариантов которых на русском языке звучит так:

«Что один?	Что шесть?
— Я тут.	— Копыльцев в сани.
Что два?	Что семь?
— Глаза на лбу.	— Звезд в Большой Медведице.
Что три?	Что восемь?
— Ног в самопрялке.	— Обручей в бочке.
Что четыре?	Что девять?
— Сосков у коровы.	— Дырок в человеке.
Что пять?	Что десять?
— Пальцев на руке.	— Десять ногтей на пальцах (ног)» ³¹

Седьмая диалогическая пара в этой загадке перекликается с бурятским вариантом, где тоже говорится о Большой Медведице. Отмечая своеобразие карельских загадок такого типа, Н. А. Лавонен справедливо отмечает: «Впрочем, откуда бы ни вела свое происхождение рассматриваемая серия загадок-вопросов с числами от одного до десяти, она имеет свои национальные черты...»³². Яркими самобытными чертами обладают и бурятские загадки этой разновидности, обусловленные специфическими особенностями жизни и быта их создателей.

СВОЕОБРАЗИЕ ЯЗЫКА И ПОЭТИЧЕСКОГО СТИЛЯ ЗАГАДОК

По своим художественным особенностям загадки соотносятся с другими жанрами бурятского фольклора, в частности с пословицами и поговорками, и в то же время имеют такие специфические черты, которые присущи только этому жанру. Своеобразие загадки заключается прежде всего в двухчастности ее структуры. Она состоит из текста загадки и отгадки, которые представляют собой органически связанную друг с другом систему: «Вне этой связи теряется смысл загадки, так как загадка всегда подразумевает отгадку, а объект загадывания вне системы становится обычным предметом, не имеющим отношения к загадыванию»³³.

Объектами загадывания становятся конкретные предметы, которыми пользуется человек в своей повседневной жизни, в быту, в хозяйстве. Разнообразие формы, свойств и признаков загадываемых предметов способствовало созданию богатой системы поэтических, художественных приемов, определило структурное многообразие загадок.

В арсенале бурятских загадок встречаются прозаические и стихотворные тексты, сложенные по-разному. Одни состоят из одного-двух предложений, другие — из нескольких, нанизанных друг на друга.

В репертуаре современных информаторов и осведомителей много лаконичных загадок, состоящих из двух-трех емких слов:

Гутаар гурба аматай.

(*Үмэдэн*).

У налима три рта.

(*Брюки*).

(Инв. № 1587).

Талада табхаансаг.

(*Худаг*).

На поле кадка.

(*Колодец*).

(Инв. № 2932 (2)).

Немало и таких загадок, которые выражены полным пространственным предложением со многими второстепенными членами, с различными определениями, обстоятельствами, уточнениями:

Арьяа улаан нархан дээрэ

Эрэ тахья донгодоо.

(*Сумбаар дээрэхи шаанаг*).

(Инв. № 1514).

На огромной красной сосне

петух поет.

(*Чайник на самоваре*).

Большую популярность в народе обрели загадки стихотворной формы, бытующие в виде двух-, трех- и четырехстиший. Звуковая организация в них выдерживается почти как система.

Для большинства загадок характерен такой широко распространенный художественный прием, как аллитерация. Вот, например, загадка, полностью построенная на аллитерации:

Хадада хахархай хадуушка.

(*Шэхэн*).

На горе расколота кадушка.

(*Уши*).

(Инв. № 2932).

Не аллитерированным может быть одно слово в загадке:

Хадада хахад сай.
(Тогооной шэхэн).
(Инв. № 2932).

На горе половина (кирпича) чаю.
(Ушко котла).

В стихотворных загадках часто встречается аллитерация всех начальных звуков, открывающих новую строку:

Арбан хоёр адуун аад,
Арбан хожуулаа түрэхэ,
Адаглажа харахадам —
Азаргатаая түрэхэ.
(Инв. № 2754 (5)).

Всего в табуне двенадцать,
Все двенадцать жеребье,
Пристально посмотрел —
Сам жеребец жеребий.

В одной стихотворной загадке может быть несколько рядов аллитераций:

Тээ тэндэ тэхэнсэг,
Тэрэ газар ялансаг,
Хаанай хүбүүн харансаг,
Хара нохой дахансаг.
(Инв. № 2720).

Вон там козел,
Место то блестит,
Ханский сын сторожит,
Черная собака стережет.

Аллитерируются начальные слоги в рамках двустиший «тэ-тэ, ха-ха». Первая и третья строки четверостишия полностью построены на аллитерации «тээ тэндэ тэхэнсэг», «хаанай хүбүүн харансаг». Кроме того, аллитерация здесь сочетается с звуковым созвучием в конце стихотворных строк. Рифмуются все последние слоги четверостишия. Подобных примеров, где встречается аллитерация с рифмой, можно привести немало. Однако не всегда аллитерация начальных звуков сочетается с звуковыми повторами в конце, особенно в загадках, состоящих из длинного ряда стихотворных строк:

Хүрэгшэ үнээн түрэбэ,
Хүхэ тугал асарба.
Хүхэ тугалын гайхажа,
Арба таба хоноболби.
Ханхай дэлхэйн хойморто
Хара неэн түрэбэ,
Хара тугал асарба.
Хара тугалын гайхажа,
Арба таба хоноболби.
(Тогоо нэрэнэнь хүлээжэ
ууха).

Бурая корова телилась,
Сивого теленка принесла.
Сивым теленком любуюсь,
Суток пять-десять ночевал.
На севере привольной земли
Черная корова телилась,
Черного теленка принесла.
Черным теленком любуюсь,
Суток пять-десять ночевал.

(Гнать тарасун, пить).

(Инв. № 95).

В репертуаре бурятских сказителей нередко встречаются загадки, состоящие из шести, восьми, десяти и более строк. Данная загадка состоит из девяти строк. По-видимому, начальная строка загадки, аналогичная первой строке второго пятистишия («ханхан дэлхэйн хойморто»), опущена по вине информатора или собирателя. Загадка состоит из двух почти повто-

ряющих друг друга четырех- и пятистиший. Для художественного выражения загадываемого предмета или явления создатели загадки вполне могли бы ограничиться одним из приведенных куплетов, где в основном выражено их иносказательное описание. Однако для полноты и весомости поэтического звучания текстов творцы и носители загадок прибегают именно к таким куплетам и параллелям.

В народе известны загадки, состоящие из тождественных двустий и трехстихий. Например:

Жибэртэйхэн шубуухай
Жибэр үгээ зулзагатай,
Дальтайхан шубуухай
Дали үгээ зулзагатай,
Дали үгээ зулзагайнь
Уландайхан тэжээбэ.
(*Ялааһани бааһан, үтэн*).
(Инв. № 95).

Алтан дэлхэйн хойморто
Алтан гадаһан ургаатай,
Алтан гадаһайе хэни
хүбүүн нугалхаб?
Мүнхэ дэлхэйн хойморто
Мүнхэ гадаһан хадхаатай,
Мүнхэ гадаһайн хэни
хүбүүн нугалхаб?
(*Избаан*).
(Инв. № 95).

Крылатая пташка
С птенцами без крыльев.
Крылатая птичка
С бескрылым птенцом,
Бескрылого птенца
Уландай выкормил.
(*Мушиный помет, черви*).

На севере земли золотой
Имеется колышек золотой.
Золотой колышек тот
Чей сын выдернуть сможет?
На севере вечной земли
Вечный колышек забит.
Вечный колышек тот
Чей сын выдернуть сможет?
(*Кувшин*).

В первой загадке первые две строки аналогичны последующим двум по форме и по содержанию. Далее следует общая концовка, выраженная тоже двустийем. Завершающие две строки относятся и к первому двустийю и ко второму, поскольку они при некоторых словесных расхождениях выражают одну и ту же мысль.

Во второй загадке две первые строки каждого трехстишия даны в утвердительной форме. Заключительные же строки представлены в вопросительной форме, требующей определенного ответа. По многим своим признакам, даже в словесных выражениях, эти трехстишия совпадают. Разнятся они лишь конкретными определениями. Если в первом куплете все три строки начинаются с эпитета «алтан», то во втором — с определения «мүнхэ». Нарочитое повторение очень колоритных эпитетов обогащает выразительность данной загадки. Прием повторения выполняет в бурятских загадках определенную художественно-выразительную функцию. В них встречаются разные формы повторений. Иногда целые строки бывают основаны на них:

Гар гараа гасалдаа,
Мүр мүрөө мүшхэлдөө.
(*Үшөөһэн хүрээ*).
(Инв. № 2877 (3)).

Руки друг другу выворачивают,
Друг друга выслеживают.
(*Изгородь, сплетенная из прутьев*).

Первые два слова в каждой строке повторяются. Причём каждая строка завершается глаголом, подобранным по звуковой аналогии с предыдущими словами. В пределах строки строго соблюдается гармония гласных. Первый ряд целиком построен на повторении только мужского гласного «а», второй — на сочетании однородных женских гласных «ү-э-өө». Повторение слов, применение аллитерации по рядам в сочетании с звуковой аналогией придают звучанию загадки особый колорит.

В загадках часто встречается повтор, сплетающий конец одного предложения с началом другого. Например:

Содоо байба,
Содоо саагуур Ядаа байба,
Ядаа саагуур ябаган хулушан
ябана.

(Стол, сапаа, хулгана).

(Инв. № 1587).

Содоо стоит,
За Содоо — Ядаа,
За Ядаа — пеший вор.

(Стол, софа, мышь).

Как поэтический прием повторение активно используется не только в начале, но и в конце стихотворных строк:

Тээ тэндэ тэхэрхинн хайхан,
Тэрэ газарта матархан хайхан,
Адуунайн дуу дуулахын хайхан,
Атар ногоо эдьхын хайхан.
(Үбһэ сабшаха).

(Инв. № 2896).

Вон оттуда возвращение красиво,
На том месте изгибы красивы,
Рев и шум скота красивы,
Их пастьба на свежей траве
красива.
(Косить сено).

Слово «хайхан» (красивый) повторяется в конце каждого стиха, что придает звучанию загадки выразительность, ритмическую стройность. Акцентируя внимание слушателей на определении «красивый», творцы загадок затрагивают эстетическую сущность конкретного трудового процесса — косьбы. Использование эпифоры в загадках способствует выделению слова с основной смысловой нагрузкой. Такими словами могут быть прилагательные, числительные, существительные:

Табтай Табаахайн дуун,
Табан хултэ Мэлюухэйн дуун,
Мүхэрёохэн аягын дуун,
Нугаһани хүзүүнэй дуун.
(Хэнгэрэг, сан, дамаари,
хонхо, үхэр бүрээ,
бэшхүүрэй дуун).

(Инв. № 2839).

Табахая с бляхами звон,
Пятиногого Мэлюхэя звон,
Круглой чашки звон,
Утиной шеи звон.
(Звон бубна, барабана,
колокольчика, трубы,
флейты).

Характерные особенности перечисленных инструментов ламского культа находят в загадке своеобразное выражение. В каждом инструменте загадка подмечает конкретные детали, затрагивает особенности формы некоторых из них, свойство и качество материала других. Общим признаком для них, как отмечает загадка, является способность издавать определенные

звуки. На этой особенности загадываемых предметов и акцентируется внимание слушателей, что достигается удачным использованием приема повторения слова с основной эмоционально-смысловой нагрузкой. Повторы, присущие многим загадкам, способствуют удержанию внимания, памяти на тех словах и понятиях, какие необходимо выделить. Так, в загадке о временах года непременно повторяется цифра «три», выражающая количество месяцев в каждом сезоне:

Хазааргуй гурба мориндо
барюулаад,
Хадагуй гурбан дайдые
гатаалаад,
Халашагуй гурбан дабаа
дабаад,
Хадамгуй гурбан басаганаар
ханилба.

(Намарай гурбан хара, үбэлэй,
хабарай, зунай).

(Инв. № 2839).

На необузданных трех
лошадях
Три равнины проехав,

Через три неприступные горы
перевалив,
С тремя незамужними девушками
сдружились.

(Три месяца осени, зимы,
весны, лета).

Преднамеренный прием повторения количественного числительного «три» во всех строках как бы подсказывает отгадчику нужное решение, а также усиливает эмоциональный накал загадки. Использование в загадке аллитерации с конечной рифмой придает ей поэтическую стройность и выразительность.

Загадка своеобразна и по манере передачи, изложения текста. В логически связанной последовательности ведется рассказ о постепенном преодолении встречающихся в пути препятствий и о достижении затем определенной цели, а повествовательный характер текста загадки придает его бытованию относительную самостоятельность.

В определенных ситуациях его изложение — это обычный рассказ или воспоминание без намека на обязательную отгадку. В возникновении и бытовании таких загадок сказалась, по видимому, их генетическая связь с другими жанрами бурятского фольклора, в частности, с устными рассказами, сказками, улигерами:

Манай хүрээний саада тээ,
Манжын хүрээний наада тээ,
Ногоон хүхэ байшантай,
Нийдэшэгой шубуутай,
Нүүдэл үгээ гэртэй,
Шабар горшоог аягатай,
Салдан нюсэгэн һамгатай.

(Инв. № 2877 (3)).

Подальше нашего монастыря,
Ближе Маньчжурского монастыря,
С зеленым дворцом,
С птицей нелетающей,
С домом постоянным,
С глиняным горшком,
С голой женой.

Рапсоды обычно в такой манере перечисляют богатство эпического героя, батора или мэргэна. Эта улигерная особенность определила структурное своеобразие загадки. В эпическом стиле идет перечисление понятий и предметов с соответствующими определениями. В пользу сходства данной загадки с улигерным

отрывком говорят и пространственные границы, определенные в тексте. Поскольку предметы загадывания конкретны и будничны, то и место их действия или расположения бывает предельно близко повседневному окружению людей. Для приведенной загадки характерна пространственная неопределенность, что свойственно эпическим произведениям бурятского фольклора.

Следующая загадка по своему звучанию близка устному рассказу:

Хойто хадайн хормойдо
Хонни толгой нюугаа нам,
Хоноод ошходомни
Утэн хорхой мирлашоод байгаа.
Урда хадайн хормойдо
Унагани толгой нюугаа нам,
Оло хоноод ошходомни
Утэн хорхой мирлашоод байгаа.
(Таряан).

(Инв. № 95).

У подножия северной горы
Овечью голову спрятал.
Через сутки пошел —
Там черви кишели.
У подножия южной горы
Голову жеребенка спрятал.
Через много суток пошел —
Там черви кишели.

(Урожай).

Для достоверности и убедительности повествование ведется от имени действующего лица, очевидца. Это придает загадке особый колорит. При незначительных разночтениях четверостишия тождественны. Отдельные строки совпадают полностью. Повторение последней строки в обоих четверостишиях — явление не случайное. Это преднамеренный прием выделения слов и понятий с основной смысловой нагрузкой. Само повествование идет по линии постепенного нарастания эмоционального накала, что достигается удачным подбором и расстановкой опорных слов, обозначающих однотипные понятия (хонни толгой, унагани толгой — овечья голова, голова жеребенка; хоноод — оло хоноод — через сутки — через много суток).

Уместное использование в загадках приема повторения вызывает ощущение величавости, эпического спокойствия, полноты и емкости в описании загадываемых предметов:

Хасуурһанай оройһоо
Харсага шаньяар бууһан юума,
Харсага шаньяар буухадаа
Хамаг зондоо зугаашаһан юума.
Нарһанай оройһоо
Нашан шаньяар бууһан юума,
Нашан шаньяар буухадаа
Уды зондо зугаашаһан юума.
(Архи нэрэхэ).

(Инв. № 1514).

С вершины ели,
Как ястреб, спустился,
Как ястреб, спустившись,
Весь народ веселил.
С вершины сосны,
Как сокол, спустился.
Как сокол, спустившись,
Всех людей веселил.
(Гнать вино).

Оба четверостишия сходны по своему построению и смысловому значению. Загадка построена на нагнетании синонимов, на повторении однородных слов и оборотов. Все это оказывает впечатление на слушателей.

Итак, повторения, активно употребляющиеся в загадках,

имеют как устойчивый характер, так и свободное расположение в них. В разном интонационном, эмоционально-смысловом ритме, в нарастающем и нисходящем, даны повторы в загадках. Они органично входят в богатую систему образных средств загадок.

Далее, для бурятских загадок характерно употребление парных слов в одном значении. Например:

Халза малаан хурьган майраг-майраг	Лысый ягненок
гээ,	блеет-блеет,
Хасаг тэргэн халбар-хүлбэр	Казачья телега (арба)
гээ.	качается-раскачивается.
(Хүүгэдые үлгээдэхэ).	(Качать ребенка).

(Инв. № 2840 (3)).

Образ ребенка в люльке создается в очень выразительной форме сравнений, путем использования однородных слов и звуков. Первая строка завершается повтором слова «майраг». В следующей строке — парные слова «халбар-хүлбэр», которые даны в одном значении.

Иногда в загадках, особенно в кратких, лаконичных, парные слова несут основную смысловую нагрузку:

Хаб-яб хоёр.	Үүдэндэ үмбөө-сүмбөө.
(Хабхаг тогоон хоёр).	(Нохой).

(Инв. № 1587). (Инв. № 2839).

Парные слова «хаб-яб», «үмбөө-сүмбөө» в загадках играют важную роль в создании образов загадываемых предметов: котла с крышкой в первом случае, собаки — во втором.

Парные слова в таких загадках передают характерные особенности изображаемых предметов, определенное действие, какой-то процесс. Так, течение реки образно передается в загадке на основе парных сочетаний:

Намил-намил, насил-хүтэл гээ.
(Уһанай урдаха).

(Инв. № 2972).

Многие бурятские загадки построены на однородных звуковых и звукоподражательных сочетаниях:

Шиир-шиир хатартай, шинхан	Прыгает, скрипит,
болтороо таргалаа.	раздувается, как чирей.
(Ээрсэг).	(Веретено).

(Инв. № 2877).

Загадки этого типа основаны на непосредственных наблюдениях людей, на воспроизведении естественных звуков:

Хүүр-хүүр дуутай,	Звуки «хүүр-хүүр» издает,
Хүрэн торгон дэгэлтэй.	Коричневую шелковую шубу имеет.

(Инв. № 1606).

Шаар-шаар дуутай,	Звуки «шаар-шаар» издает,
Шара торгон дэгэлтэй.	Желтую шелковую шубу имеет.

(Инв. № 1606).

Звукоподражательные слова «хүүр-хүүр», «шаар-шаар» и другие создают живой, впечатляющий образ загадываемых предметов и явлений, что придает загадке большую выразительность, экспрессивность. Звукоподражательные слова играют немаловажную роль в общей системе художественно-поэтических средств бурятских загадок.

Творцы загадок активно пользуются различными сочетаниями слов — антонимов:

Харахада дүтэ,
Хазахада холо.

(Альган).

(Инв. № 2754 (2)).

Дээшээ хархадам —
Дэмээ мянган сонхо,
Доошоо хархадам —
Долоон мянган хонхо.

(Сумбаари оршоодхо).

(Инв. № 1514).

Смотришь — близко,
Кусаешь — далеко.

(Ладонь).

Вверх смотрю —
Много тысяч окон,
Вниз смотрю —
Семь тысяч окон.

(Решетки самовара).

Использование антонимов в подобных загадках обуславливает их эмоциональную впечатляемость, придает звучанию текста убедительность.

Очень колоритные, запоминающиеся контрастные картины и образы, создаваемые антитезой, делают ее одним из действенных приемов бурятской загадки.

Своеобразие жанра загадок, требующее в основном употребления слов не в прямом, а в переносном значении, способствовало широкому распространению в их текстах различных тропов. Среди них доминирующую роль играют метафоры, так как загадки строятся главным образом на уподоблении предмета отгадки другому предмету. Метафоризация загадок основана на сравнении, уподоблении различных свойств предметов и явлений: формы, материала, цвета и т.д. Например, солнце по цвету и форме уподобляется круглому красному золоту, луна — бронзовому ковшу, зубы — воротам:

Тэнгэридэ түхэрээн алтан,
Огторгойдо улаан алтан.
(Инв. № 1235).

Хээрэ хэлтэгэй шанага,
Голдо гуули шанага.
(Инв. № 1235).

Алтан бартаа архайһаар унаа,
Арад зон бодхожо ядаа.
(Инв. № 2780 (6)).

На небе круглое золото,
На небе красное золото.

В степи изогнутый ковш,
В долине бронзовый ковш.

Золотые ворота свалились —
Люди не могут поднять.

Широкое распространение в бурятских загадках получило олицетворение, разновидность метафоры, основанная на уподоблении неодушевленных предметов живым существам. Например, буквы, выведенные на бумаге, в загадках уподобляются уткам; узоры на заиндевевших окнах — зайцу, белке:

Тохомой шэнээн нуур соо
Тоолошогуй олон нугаһан.
(Инв. № 2839 (2)).

На озере с потник
Неисчислимое множество уток.

Удачное использование таких сравнений, уподоблений оживляет описательную часть загадки, заставляет воспринимать эти слова и понятия как образ.

Шагаабарт шандаган хоноо,
Хнидэ хэрмэн хоноо.
(Инв. № 1235).

На окне заяц ночевал,
В сухом измельченном навозе
белка ночевала.

Разные по своим функциям, строению, форме и цвету предметы, различные явления или действия сравниваются в загадках с какими-то конкретными дикими или домашними животными. Так, в следующей загадке, выразительной и поэтичной по своему звучанию, загадываемый предмет уподобляется овцам и козам:

Хоёр хабсагайн хоорондо
Хони ямаад хабшуулдаа,
Хони ямаанинь шашхаагүй
Хоёр хабсагайн шашхаба.
(Шүдэндэ хабшуулдаһан мяхан).
(Инв. № 1235).

Между двумя скалами
Овцы, козы застряли.
Овцы, козы не визжат,
Две скалы визжат.
(Мясо, застрявшее в зубах).

Зубы в данной загадке образно сравниваются со скалами. А мясо, застрявшее в них, по некоторой аналогии уподобляется овцам и козам.

В бурятских загадках широкое распространение получили уподобление овце и коню. Эта особенность сближает бурятские загадки с монгольскими, карельскими. «Из домашних животных в карельских загадках в качестве уподоблений наиболее популярны овца и конь»³⁴, — пишет Н. А. Лавонен.

У бурят созданы разные варианты загадок, описательная часть которых основана на уподоблениях коню. Эпитеты в таких загадках имеют определенную смысловую функциональную нагрузку. Уподобляя, например, стол коню, творцы загадок определяют его как «туруубой» — без копыт, что играет существенную роль в разгадке:

Томскоһоо ерэнэн морин туруубой,
Талын сагаан хээр ногообэй.
(Инв. № 2979).

Конь из Томска без копыт,
Белая степь без травы.

С разной функциональной нагрузкой используются в загадках названия городов. Они употребляются в качестве уподоблений, сравнений, служат в роли замещающего отгадку образа. Стремясь к конкретности и точности, творцы загадок преднамеренно прибегают к географическим названиям, к топонимам. В текстах бурятских загадок встречаются собственные имена различных географических объектов, расположенных на территории Бурятской АССР, Иркутской и Читинской областей. Сре-

ди них можно выделить гидронимы — названия рек, озер, оронимы — названия гор, хребтов, холмов.

Например:

Байгал далайн дунда
Баржагар хүбүүн түрэмбэ.
Булта зоноо ерхэдэ,
Баярлуулжа найрлуулба.
(Тогоо нэрэхэ).

(Инв. № 2697).

Сэлэнгэһээ нааша сэл-сэл
хатараа,
Сэгээн ногоон тобшоёо гээн
гээн хатараа.
(Хониной хоргоол).

(Инв. № 2697).

Саяан уулайн оройдо
Хайлашагүй саһан ороо.
(Үһэнэй сайха).

(Инв. № 2840 (3)).

Посреди Байкал-озера
Мощный парень родился.
Когда собрался весь народ,
Радостью, весельем одарил.
(Перегонка водки).

От Селенги рысью
бежит,
Светло-зеленую пуговицу
теряя, бежит.
(Овечий помет).

На Саянских горах
Выпал снег, который не тает.
(Поседение волос).

Однако наиболее широкое распространение в загадках получили названия населенных пунктов — ойконимы. У ольхонских бурят, например, очень популярна такая загадка:

Ойхони модон
Уруугшаа ургаа.
(Үһэн).

(Инв. № 3157).

Деревья на Ольхоне
Растут вниз.
(Волосы).

Вариант этой же загадки бытует и в такой интерпретации:

Боохонһоо нааша ерээб,
Уруугшаа ургаһан модо харааб.
(Морини һүүл).

(Инв. № 2896).

Ехал с Бохана,
Видел деревья, растущие вниз.
(Конский хвост).

Названия многих районов Бурятии, Иркутской области находим в загадках:

Баргажанай үхэр
Баруун хойшоо хуу болшэмбэ.
(Тэнгэрийн мүшэд).

(Инв. № 3064).

Алайри басагад
Ардаа мүльһэ үргэлбэ.
(Хюмһан).

(Инв. № 3064).

Баргузинский скот
На северо-западе пасется.
(Звезды на небе).

У аларских девушек
Лед за спиной.
(Ноги).

Конкретные географические названия в загадках этого цикла не обладают большой устойчивостью, напротив, они очень подвижны. Их изменчивость, подвижность определяются широтой их бытования. Географическая конкретизация в тексте загадки нередко определяется местом, микрорайоном его бытования. Следовательно, в одном и том же значении употребляются

разные топонимы. Так, в приводимых ниже загадках довольно свободно происходит перестановка или замена первого слова географического названия:

Хүлэнхэни басагад
Хүзүү сагаан.

(Тун).

(Инв. № 3157).

Шаралдайн басагад
Шаляапа малгайтай.

(Убэли түгэсэг).

(Инв. № 3157).

У кулункунских девушек
шея белая.

(Галка).

Шаралдайские девушки
в шляпах ходят.

(Зимний пенё).

Замена первоначального географического названия другими топонимами объясняется прежде всего стремлением творцов и носителей загадки приблизить звучание текста к местным жителям, придать ему достоверность, правдоподобность. Это послужило причиной активного использования в загадках различных микротопонимов, которые носят узколокальный характер.

Употребляются в загадках и собственные имена:

Хонхор соо Ёнхор бөө бөөлөө³⁵.
(Хонхо).

В ложбине шаман Ёнхор шаманит.
(Звонок).

Некоторые загадки строятся на нарочитом повторении собственных имен:

Урай урай Утай баян,
Баруун тээ Байкал баян,
Хойно Ходээ баян,
Зүүн тээ Зүгээ баян,
Дунда Дугы баян.

(Гэри дүрбэн хана,
дундаа галтай).

(Инв. № 2979).

Впереди богач Утай,
Справа богач Байкал,
Сзади богач Ходой,
Слева богач Зугэй,
В середине богач Дугы.

(Четыре стены дома,
посередине— огонь).

Умело и в меру используемые в текстах географические названия, собственные имена служат одним из средств художественной характеристики загадываемых предметов и явлений. Они усиливают впечатляемость, эмоциональную окраску иносказательного текста загадки.

Широкое распространение в бурятских загадках получил прием сравнения, сопоставления одного предмета и явления с другим. По некоторым одинаковым признакам, например, швейная машинка сравнивается с конем, змеем:

Морин шэнги бээтэй,
Могой шэнги хадхууртай.
(Инв. № 2868).

Тело, как у коня,
Жало, как у змея.

Вся описательная часть этой загадки построена на сравнениях. По такому же принципу сложена и следующая загадка;

Нам шэнги харьдагар,
хара шэнги түхэрэн.

(Мөөр).

(Инв. № 2780 (5)).

Решетчатый, как гребень,
Круглый, как месяц.

(Колесо).

В этих загадках внимание акцентируется исключительно на сравнениях, поскольку каждая строка построена на них. Сравнения в данных текстах носят основную смысловую, функциональную нагрузку, поэтому выбор предмета сравнения в подобных загадках должен быть продуманным, основанным на реальном сходстве.

При художественном иносказательном описании загадываемых предметов и явлений творцы загадок иногда прибегают к гиперболам:

Дэлхэйн шэнээн бээтэй
Дээбэн хара шубуун
Арбан хоёр үндэгэтэй,
Үндэгэн бүрээ гушаад
зулзагатай.
(Жэл, хара, үдэр).

(Инв. № 1587).

Огромная, как земля,
Черная птица Дээбэн
Двенадцать яиц имеет.
В каждом яйце — тридцать
птенцов.
(Год, месяц, день).

Употребление гиперболы не является типичным приемом загадок. Тем не менее в отдельных загадках прослеживается такое гиперболическое описание предмета-отгадки и замещения.

В богатой системе поэтических средств бурятских загадок значительное место занимают эпитеты. Они часто подчеркивают один из признаков загадываемого предмета:

Өндөр уулайн оройдо
Аршам саһан ороо,
Түүни хайлуулха наран
гараагой.
(Үнэнэй сайха).

(Инв. № 223).

На вершине высокой горы
Аршинный снег выпал.
Нет солнца, чтоб его
растопить.
(Поседение волос).

Эпитеты «өндөр», «аршам» в данной загадке определяют размеры горы и выпавшего на ней снега, что образно сравнивается с седыми волосами. Художественные определения в загадках указывают не только на размеры загадываемого предмета, но и характеризуют его форму:

Урхэ дээрэ үрөөлэ бүүлхэ.
(Хара).

(Инв. № 2979).

На дымовом отверстии половина
булки.
(Луна).

Эпитеты, используемые в некоторых текстах, определяют материал, из которого сделан предмет загадывания.

Металлические конские удила в загадках находят, например, такое выражение:

Төнгэрнин басагад
Түмэр мохи жажалаа.
(Инв. № 3157).

Небесные девушки
Железную серу жуют.

Во многих загадках эпитеты указывают и на другие свойства. Определение материала загадываемого предмета часто сочетается в загадках с другими эпитетами, характеризующими его форму, размер. Об этом свидетельствует загадка о самоваре:

Гохо түмэр,
Гоной хүзүүн,
Матар годоһон,
Мангад малгай.
(Инв. № 1606).

Железный крючок,
Длинная шея,
Изогнутые унты,
Русская шапка.

А вот эпитеты, отмечающие цветовые особенности загадываемых предметов:

Хашаатын хара булагһаа
уһалаад,
Самсын сагаан талаар
тараба.
(Инв. № 2754 (4)).

Из Хашатуйского черного родника
воды попили
И по белой Самсинской степи
разбрелись.

Иногда цветовые эпитеты в загадках употребляются с усиительными частицами («саб сагаан», «хаб хара», «уб улаан», «бод боро», «эб эреэн»):

Эб эрээхэн, саб сагаахан,
элжэгэн жороохон.
(Инв. № 2839 (3)).

Пестрый-пестрый, белый-пребелый
осел-иноходец.
(Тонишуул). (Дятел).

Используются в загадках эпитеты отвлеченного, оценочного характера:

Нозог залхуу эсэгэтэй,
Номогхон уриангаа һамгатай,
Сэбэр зулгы басагатай,
Шэрүүн хара хүбүүтэй.
(Жэлэй дүрбэн саг).
(Инв. № 2720).

С нерадивым, ленивым отцом,
С кроткой, доброй женой,
С красивой юной дочерью,
С грубым, черствым сыном.
(Времена года).

Данная загадка насыщена художественными определениями, содержащими оценочную характеристику загадываемого предмета. Каждое время года, олицетворенное в загадке, получает соответствующую оценку в эпитетах различными штрихами и деталями, дополняющими друг друга.

Отмечая те или иные стороны, свойства и признаки загадываемых предметов и явлений, эпитеты ведут к правильной отгадке. Вместе с тем яркие, колоритные они придают загадке образность, эмоциональную выразительность.

Довольно часто эпитеты в бурятских загадках употребляются в органическом сочетании с числительными. Близкие по значению эпитеты и числительные удачно определяют предмет отгадки:

Дүрбэлжэн тэбхэр гэр
Арбан хоёр сонхотой,

Четырехугольный квадратный дом
Имеет двенадцать окон,

Мүнгэн суургатай,
Алтан түлхюүртэй.
(Жэл, 12 һара, наран).
(Инв. № 2754 (1)).

Серебряный замок,
Золотой ключ.
(Год, 12 месяцев, солнце).

Количество месяцев в году указано точно, что подсказывает отгадку, а числовая конкретность обусловлена количественными признаками загадываемых предметов или их частей. Так, о пяти необходимых компонентах бурятского чая (вода, чай, соль, масло, мука) сложена такая загадка:

Тангаһай басаган
Табан заһалтай.
(Инв. № 3064).

У тангутской девушки
Приданных пять.

Характеризуя разные возрастные периоды человека, творцы загадок очень удачно используют числовые выражения:

Углөөнийн дүрбэн хүлтэй,
Үдэрын хоёр хүлтэй,
Үдэшнийн гурбан хүлтэй.
(Инв. № 2780 (6)).

Утром на четырех ногах,
Днем на двух ногах,
Вечером на трех ногах.

Младенческий возраст, когда ребенок еще ползает, символически называется в загадке утром, молодые годы — днем. Старость, когда человек нередко обращается к тросточке, находит сравнение с вечерним периодом. Сама тросточка уподобляется в загадке третьей ноге человека.

Числовые выражения некоторых текстов, как отмечено выше, совпадают с количественными признаками загадываемого предмета. В отдельных же загадках конкретные числовые понятия употребляются в значении «несколько», «много»:

Алайри модон
Арбаниинь дээшээ,
Арбаниинь доошоо.
Түнхэни модон
Түмэнийн дээшээ,
Түмэнийн доошоо.
(Һам).
(Инв. № 3064).

Из аларских деревьев —
Десять (растут) вверх,
Десять — вниз.
Из тункинских деревьев —
Десять тысяч (растут) вверх,
Десять тысяч — вниз.
(Гребень).

Н. А. Лавонен пишет: «Числительные в фольклоре многих народов являются одним из активных средств гиперболизации, у удмуртов излюбленные числа в загадках — 30 и 77 (Кралина, 1954, 146), у марийцев числительные 7, 9, 40, 41, 77 выступают в роли гиперболы (Китиков, 1973, 113), в карельской же загадке в целях гиперболизации используют числительные сто и тысяча»³⁶.

В бурятских загадках гиперболическое значение имеют числительные 1000, 7000, 9000, 10 000. Встречается иногда выражение «много тысяч»:

Дээшээ хархадам — дэмээ минган	Смотрю вверх — много тысяч
сонхо,	окон,
Доошоо хархадам — долоон минган	Смотрю вниз — семь тысяч
сонхо.	окон.
(Сумбаари оршоодхо).	(Решетки самовара).

Числительные в загадках выполняют различные функции, следовательно, они играют немаловажную роль в общей системе художественных средств загадок.

Поэтический язык загадок не сводится к механическому подбору красивых эпитетов, метафор, сравнений и других изобразительных средств. Использование тех или иных изобразительных средств зависит от своеобразия загадываемых предметов и явлений, от их эстетической сущности.

СОВРЕМЕННОЕ БЫТОВАНИЕ ЗАГАДОК

Судьбы разных жанров бурятского фольклора в наше время складываются по-разному. Одни из них уходят из бытования, другие проявляют тенденцию к постепенному угасанию, а третьи живут полнокровной жизнью. Пословицы, загадки и благопожелания можно отнести к третьей группе, что подтверждается конкретными наблюдениями фольклористов, а также собранными их материалами за последние десятилетия.

Многие традиционные произведения этих жанров вполне отвечают идейно-эстетическим потребностям современных людей, что и обеспечило их жизненность в советское время. Говоря об активности пословиц, загадок и благопожеланий, мы исходим из степени их употребляемости в живой разговорной речи. Если пословицы и поговорки используются в непосредственном общении людей, во многих случаях стихийно влетаясь в речь, то загадки и благопожелания исполняются в определенной обстановке, там, где собирается много народу. Коллективная работа, совместный отдых людей создают благоприятные возможности для шуток, анекдотов, для словесных состязаний и турниров, для загадывания загадок.

Загадочную речь включают в себя различные народные праздники, особенно свадебная поэзия. В нее очень легко вплетаются загадки повествовательного характера. Об этом свидетельствуют, например, некоторые сведения, полученные нами от Хамагановой Ульяны Павловны, проживающей в улусе Гушит Эхирит-Булагатского района Иркутской области. «Недавно у нас в Гушите была свадьба, — рассказывает У. П. Хамаганова. — Во время свадебного пира наш главный сват говорит: «Приехал я к вам на свадьбу и увидел свинью с рогами и курицу с выменем. Что это означает, сваты? Мы не сразу разгадали эту загадку, означающую аппарат для перегона архи», — вспоминает она.

В ответ наш местный старик загадал такую загадку: «Трех-

летнего медведя я имел, тридцать золотых монет приобрел. Затем пятьдесят куриц у меня стало. А сейчас шестьдесят лошадей я пасу. Как это вы поняли, сват?»

Так определен возраст человека: 3, 30, 50 и 60 лет.

Подобных примеров можно привести немало. Все они являются доказательством того, как знатоки родного языка свободно и умело вводили в иносказательную речь загадки типа кратких рассказов или развернутых повествований. Повествовательный характер этих загадок, относительная произвольность их формы, по-видимому, раскрывают большие возможности их использования в разговорной речи.

Не менее активны и загадки-вопросы, которые тоже включаются в иносказательную речь состязающихся в остроловии людей. Например:

Хүндэ барнаһаа зөөлэн юун бииб? Что у человека самое мягкое?
(Альган). (Ладони).

(Инв. № 2896).

Барнаһаа амтатайхан эдээн юум? Какая еда самая вкусная?
(Нойр). (Сон).

(Инв. № 2896).

Тематика загадок-вопросов, бытующих в настоящее время в народе, обширна. Она касается разных свойств и качеств предметов и явлений окружающей человека действительности, затрагивает какие-то детали его повседневной бытовой жизни.

Активно бытуют в наши дни загадки песенной формы.

Живут, развиваются, обрастают новыми деталями и вариантами числовые загадки, особенно триады. Большой популярностью загадки-триады пользуются в среде пожилых людей, которые любят состязаться в искусстве владения метким словом.

Наблюдения показывают, что активность бытования тех или иных загадок зависит от местных фольклорных традиций, от интересов людей, от характера их деятельности, нередко определяется и своеобразием их природных условий. Например, среди жителей острова Ольхон особенно популярны загадки о море, о ловле рыб, о рыболовных снастях:

Мөөрбой тэргээр далай	На телеге без колес море
отолжо,	переехал,
Мөөрнэбой хонёр үйлэ	Овцой без хрящей действие
бүтээгээ.	совершил.
Далай соо далан табан	В море семьдесят пять
тёосо.	плах.

(Инв. № 2979).

Приобщение людей к новым формам культуры определенным образом сказывается на тематике загадок. Растущая с каждым годом грамотность, стремление бурят к знаниям, тяга к учебе и книгам стали одной из центральных тем современных загадок. У бурят создано множество загадок о книгах, которые

раньше были доступны не всем по причине сплошной неграмотности среди них. Понятия о письме и книге буряты сравнивают с загадкой, которую нелегко отгадать:

Жэл жэлэй таабари
Жэгдэ хүнэй таахагүй
таабари.

Хур хурай таабари
Хурса хүнэй таахагүй таабари.
(Инв. № 2754 (5)).

Загадку разных лет
Простому человеку не
разгадать.
Загадку давних лет
Мудрому человеку не разгадать.

Однако эта «загадка», как утверждают сами фольклорные произведения, доступна тем, кто знает грамоту, умеет читать, для неграмотных же она остается неразгаданной:

Мэдэһэн хүндэ мэнэ бэлэн,
Мэдэхгүй хүндэ мэтэр хохор.
Таниһан хүндэ тад бэлэн,

Таняагүй хүндэ тажан
соохор.
(Инв. № 2840 (3)).

Для знающего человека очень
легко,
Для незнающего — слепота.
Для знакомого человека очень
легко,
Для незнакомого человека —
пестрота.

Возникновение и бытование в народе таких загадок свидетельствует о том, что люди высоко ценили и ценят знания человека, его умственные возможности. Постигание «всех секретов» грамоты издавна считалось в народе большим искусством. В очень колоритной художественно-поэтической форме передан принцип письма:

Санжа гэжэ шубуун
Ганга нуурһаа уһалаад,
Саста сагаан уулые
Сарья болосор добобо.
(Инв. № 2720).

Санжа-птица
Напилась в Ганга-озере,
Белоснежную гору,
Наследив, преодолела.

Данная загадка очень выразительна по своему звучанию. Эмоциональный накал достигается колоритными сравнениями. Чистую бумагу, на которой обычно пишут, творцы загадок образно сравнивают с белоснежной горой, а чернила — с озером. Письмо, выведение букв на бумаге сравнивается с движением птицы, оставляющей следы на белоснежной горе. Поэтичность, некоторый оттенок реалистичности придают звучанию загадки уточняющие приложения «санжа», «ганга». Не менее выразительна и следующая загадка о письме:

Ама сагаан хулые
Адха шулуунда хагааба.
Алтан бумбатай аршаание
Ариггүй талада шүршэбэ.
(Инв. № 2720).

Савраску белогубую
Горстью камней закрыли.
Аршаном из кувшина золотого
Чистое поле окропили.

В приведенных загадках чувствуется колорит сибирской природы, родной Бурятии с ее снежными горами и целебными источниками. Для иносказательного определения письма нередко используются образы домашних животных. Например:

Хонинийн хара,
Хүрээнийн сагаан.
(Инв. № 2720).

Овца черная,
Ограда белая.

В данной загадке значимость каждого слова возрастает. Удачные сравнения и определения способствуют наиболее точному раскрытию ее смысла. Контрастные по значению определения (хара — черный, сагаан — белый) несут основную смысловую нагрузку: буквы уподобляются черным овцам, а бумага называется белой оградой.

На контрасте построена и другая загадка:

Сагаан газарта хара үрийн
тариба.
(Инв. № 2754 (4)).

Белое поле засеяли черными
семенами.

Бумагу по цветовому сходству сказители иногда сравнивают со снегом:

Сахан дээгүүр хара хонин
бэлшээ.
(Инв. № 1514).

По снегу черная овца
пасется.

Процесс письма довольно часто уподобляется в загадках посеву, пахоте, бегу:

Шубуу нааж тараг бариба,
Шулуу хахалжа тарья тариба.
(Инв. № 2720).

Надоили птицу, сделали тарак,
Распахали камни, засеяли зерна.

Бугын эбэрээр борной шаагаа,
Табатай үхэрөөр тарья
хахалаа.

Рогами изюбра борону сделали,
На пятилетнем быке поле
распахали.

(Инв. № 1606).

Гүйдэл дундаа
Гүлгэлэн хурайдаг.
Сомсорхо дундаа
Соохорлон хурайдаг.
(Инв. № 1235).

Бежит —
Щенят оставляет.
Прыгает —
Пестрые следы оставляет.

В основу подобных загадок положен, по-видимому, принцип обязательного учета движения руки, пальцев при письме. Вот почему, возможно, сам процесс письма уподобляется в загадках какому-то действию — пахоте («газар хахалха»), посеву («тарья хаяха»), бегу («гүйхэ, харайха»).

Знакомство с многочисленными вариантами загадок о письме, затрагивающими разные его детали и компоненты, свидетельствует о популярности данной темы в народе.

С освоением письма существенно расширились возможности людей в общении друг с другом:

Бугын эбэрээр ноёо хээ,
Бүгдын хүүнээр хүүрээ хэлсээ.
Тала газар тарья хаяа,
Талын хүүнээр хүүрээ хэлсээ.

Из рога изюбра крючок сделал,
Со всеми людьми разговаривал.
Открытое поле засеял,
С посторонними людьми
разговаривал.

(Инв. № 1587).

В загадке, отмечающей не только роль и значение письма, но и отдельные его детали, прямая характеристика органически сочетается с переносной, что придает звучанию текста особый колорит. Известен в народе и наиболее краткий вариант:

Хадын саанаһаа нэрэ нэрээ
дуудалсаа.
(Инв. № 2754 (4)).

Из-за гор
перекликаются.

С развитием науки и техники человек получил возможность не только письменной, но и устной передачи сообщений на расстоянии посредством радиоволн. Этот факт послужил толчком для создания различных произведений устной поэзии, в частности, загадок. В них нашли своеобразное выражение первые чувства и мысли людей с появлением радио:

Хэлэгүй байгаад хэлэдэг,
Нюдэгүй байгаад мэдэдэг.
(Инв. № 2868).

Не имея языка, разговаривает,
Не имея глаз, узнает.

Амагүй аад, абяа гарадаг.
(Инв. № 2754).

Рта нет, а звуки издает.

Хобто бэшаад лэ хээтэй,
Хүн бэшаад зугаатай.
(Инв. № 2896).

Не сундук, а с узорами,
Не человек, а разговаривает.

Далигүй аад лэ, дайдаар
эрьедэг,
Хэлигүй аад лэ, хүүр хэлэдэг.
(Инв. № 1235).

Не имея крыльев, землю
облетает,
Не имея языка, разговаривает.

Функциональная особенность радио дает основание для сравнения его с человеком, нередко даже называется конкретное лицо:

Айл бүри Радна.
(Инв. № 2754 (4)).

В каждом доме Радна.

Наряду с радио в жизнь и быт современных людей прочно вошли телефон, телеграф:

Хитаһаа нааша хилбайгаа,
Хилгааһан дээгүүр хилбайгаа.
(Инв. № 3157).

Из Хиты путь держит,
По волоскам пробираясь.

Түби дэлхэй дээгүүр
Түмэр утаһан гүйбэ,
Түмэн мянган хүнүүдые
Хөөрэлдүүлэн гүйбэ³⁷.

По всему свету
Железная нить бежит,
Десятки тысяч людей
Втягивая в разговор, бежит.

На эту же тему созданы загадки-вопросы. О телеграфных столбах известна, например, такая загадка:

Гэртэнэн нааша ерхэдээ
Харгүй хэндэ заалгажа ерээби?
(Инв. № 223).

Из дома сюда кто мне
дорогу показывал?

В системе массовой информации важное место занимает газета как периодическое издание, публикующее материалы о

текущих событиях, что и определило большую ее популярность в народе. Газета оказывается в центре творческих и художественных интересов современных творцов и носителей народных произведений:

Тохомой шэнээн газар дээрэ
Тооложо болохогүй олон хара
галуун.

На земле величиною с потник
Неисчислимое множество
черных гусей.

(Инв. № 2697).

Сама газета, а также напечатанные слова и буквы находят в загадке образное воплощение. Наличие в репертуаре современных сказителей и информаторов таких загадок свидетельствует о том, что новая эпоха, изобилующая различными коммуникативными средствами, активно питает этот жанр, тематически обогащает его.

Возникают загадки о новых предметах, входящих в быт современных людей. Например, о швейной машинке:

Хүн бэшэ аад, хүдэлөөшэ
Намган бэшэ аад, оёшо.
(Инв. № 2754 (3).

Не человек, но работает,
Не женщина, но шьет.

О тракторах и машинах:

Талада тарьядаг баатар
Тарай ногоо ургуулдаг
баатар³⁸.
(Трактор).

На поле грохочущий батор,
Урожай и травы выращивающий
батор.
(Трактор).

Одним из основных компонентов данной загадки, подсказывающим путь к отгадке, является определение «тарьядаг» — грохочущий. При описании тракторов, машин творцы загадок часто прибегают к таким глагольным формам, как «тарьядаг», «ханхинадаг», «хүнхинэдэг» — грохочущий, гремящий, гудящий.

Хүндээдэ хүнхинэнэ,
Хүхэ зүлгэ долёоно.

В Хундэе гремит,
Зеленую траву лижет.

Большой популярностью пользуются в народе загадки о самолете:

Шуран хүнгэн бээтэй,
Шубуун шэнги далитай³⁹.

Легкий и быстрый.
С крыльями, как птица.

Об электричестве, электрической лампочке:

Утаабой галтай
Уняарбой гэртэй⁴⁰.
(Инв. № 2896).

Огонь без дыма,
Дом без дыма.

Эта загадка, по-видимому, основана на традиционном тексте о свече:

Утаагүй гал,
Ууралгүй эдээн.
(Инв. № 2697 (5).

Огонь без дыма,
Пища без пара.

Вторая строка данной загадки звучит совершенно по-иному в новом варианте. Она заменена выражением, раскрывающим характерное свойство загадываемого предмета — электрической лампочки. Путем включения таких незначительных деталей в описательную часть ранее известных текстов рождаются новые варианты загадок.

Одной из возможностей приспособления традиционных текстов к новым явлениям действительности является преднамеренное переосмысление предмета отгадки. Например, популярная бурятская загадка о свете, освещении вообще, современными осведомителями интерпретируется как электрический свет:

Айл бүхэндэ хармагшан.
(Иив. № 2754 (3)).

В каждом доме обезьяна.

Такие примеры не единичны в практике современного бытования загадок.

Новые варианты загадок во многих случаях создаются по образцу старых. Например, повсеместно известна у бурят загадка о пне со снежным покровом: «Үхэдэл үнэгэн малгайтай»⁴¹ — «У мертвеца лисья шапка». По аналогии создана современная загадка о зонте: «Шүдхэр шүнэнэн малгайтай»⁴² — «У черта шапка из ливневницы».

Следовательно, современные загадки складываются в основном по традиционным принципам построения загадок. Если благопожелания в пределах жанровых возможностей иногда ломают некоторые установившиеся традиции, то загадки по сравнению с ними более консервативны. Эта особенность характерна не только для метафорических загадок, построенных на замене одного предмета другим. И числовые, повествовательные загадки обрастают новыми мотивами, не выходя за рамки традиционной формы. Однако они по сравнению с метафорическими загадками более подвижны.

Говоря о традиционных принципах построения современных загадок, мы не можем отрицать наличия в них новых деталей и компонентов, расширяющих жанровые возможности этих произведений. Изучение конкретного текстового материала по загадкам раскрывает некоторые закономерности их появления и развития, обусловленные изменившейся действительностью.

Несмотря на то, что в наши дни традиционные принципы построения загадок сохраняются, некоторые моменты, относящиеся к сфере их бытования в прошлом, все же забываются. Раньше у бурят, как и у других народов, существовали различные формы наказания (в основном шуточного характера) за неумение отгадать загадки, за неудачные отгадки. Сохранились в народе отдельные тексты, сопровождавшие игровые моменты наказания:

Гунжан үнээгээр,
Гурбан нуулга талхаар,
Дүнжэн үнээгээр,

На трехлетнюю корову,
На три ведра муки,
На четырехлетнюю корову,

Дүрбэн хуулга талхаар,
Нэтэрхэй зүүгээр,
Нэмжэ үүхээр,
Оёоргүй торхоор,
Ооһоргүй туламаар,
Шамайе андалдахам, худалдахам⁴³.

На четыре ведра муки,
На иголку без ушка,
На брюшной жир,
На кадушку без дна,
На кожаный мешок без вязки
Обменяю тебя, продам.

В наше время от информаторов можно получить лишь разрозненные, отрывочные сведения об отдельных моментах этой игры, широко практиковавшейся в прошлом в разгадывании загадок.

Загадки в наши дни активно живут в других жанрах бурятского фольклора. Разные типы загадок органически вплетаются в повествовательную канву устных рассказов, легенд, преданий. Во многих сказках основной конфликт строится на формулах загадывания и отгадывания. Без них сюжет сказки теряет всякий смысл.

При всей активности бытования загадок в современную эпоху следует отметить тот факт, что все-таки нет массовости в исполнении этих произведений. Наиболее богат загадками репертуар взрослого населения. Среди детей бытуют обычно очень популярные в народе загадки или такие, которые преднамеренно исполняются взрослыми в детской среде в определенных познавательных и воспитательных целях. В настоящее время репертуар детей существенно пополняется загадками из книжных источников.

Однако основным источником загадок остается всегда реальная жизнь людей.

Жизнь творцов и носителей загадок за годы Советской власти подверглась коренным изменениям. Произошли невиданные перемены в облике бурятских улусов и сел. Появилось много новых предметов и понятий в быту бурятского населения, что становится благодатным материалом для дальнейшего развития загадок, для обогащения их новыми элементами.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 29.

² Зеленин Д. К. Культ онгонов в Сибири. Пережитки тотемизма в идеологии сибирских народов. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1936, с. 218.

³ Зеленин Д. К. Культ онгонов в Сибири. Пережитки тотемизма в идеологии сибирских народов, с. 208.

⁴ Бардаханова С. С. Бурятские сказки о животных. Улан-Удэ, Бурят, кн. изд-во, 1974, с. 25.

⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 639.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 343.

⁷ Записано от Д. А. Булутовой.

⁸ Записано от нее же.

⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 23.

¹⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 19.

¹¹ Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). Л., Наука, 1976, с. 33.

¹² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 489.

¹³ Там же, с. 492.

- ¹⁴ Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии), с. 56.
- ¹⁵ Тумахани А. В. Бурятское народное искусство. Улан-Удэ, Бурят. кн. изд-во, 1970, с. 53.
- ¹⁶ Художественная обработка металла. Улан-Удэ, Бурят. кн. изд-во, 1974, с. 25.
- ¹⁷ Тумахани А. В. Бурятское народное искусство, с. 54.
- ¹⁸ Там же, с. 58.
- ¹⁹ Вяткина К. В. Очерки культуры и быта бурят. Л., Наука, 1969, с. 84.
- ²⁰ Записано от Д. А. Булуговой.
- ²¹ Записано от А. Д. Базарова в с. Кырен Тункинском района Бурятской АССР.
- ²² Записано от С. Ш. Петрова.
- ²³ Северная сторона, почетное место в юрте.
- ²⁴ Митрофанова В. В. Русские народные загадки. Л., Наука, 1978, с. 99.
- ²⁵ Записано от Д. А. Булутовой.
- ²⁶ Записано от Д. Санжын в сомоне Батширээт Хэнтэйского аймака МНР.
- ²⁷ Записано от нее же.
- ²⁸ Записано от С. Ш. Петрова.
- ²⁹ Жуковская Н. Л. Семантика чисел в калмыцком эпосе «Джангар». — «Джангар» и проблемы эпического творчества тюрко-монгольских народов. (Тезисы докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф. 17—19 мая). Элиста, 1978, с. 35.
- ³⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 37.
- ³¹ Лавонен Н. А. Карельская народная загадка. Л., Наука, 1977, с. 25.
- ³² Там же, с. 27.
- ³³ Там же, с. 85.
- ³⁴ Там же, с. 92.
- ³⁵ Записано от Д. А. Булутовой.
- ³⁶ Лавонен Н. А. Карельская народная загадка, с. 103.
- ³⁷ «Буряад үнэн», 1979, 24 февраля.
- ³⁸ Записано от С. Ш. Шопхоева.
- ³⁹ Записано от С. Е. Ероновой.
- ⁴⁰ Записано от Д. Н. Шаракшанова.
- ⁴¹ Записано от Д. Санжын.
- ⁴² Записано от нее же.
- ⁴³ Записано от Д. А. Булутовой.

ГЛАВА III

БЛАГОПОЖЕЛАНИЯ — ЮРӨӨЛНҮҮД

БЛАГОПОЖЕЛАНИЯ, ИХ ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ, ТЕМАТИКА И СОДЕРЖАНИЕ

Благопожелания (юрөөлы) — это своеобразные устнопоэтические произведения в основном стихотворной формы, в которых выражены добрые пожелания человеку. Происхождение и формирование благопожеланий как жанра уходит в глубокую древность и связаны с ранними формами представлений людей о мире, которые верили в силу магического воздействия слова: «В связи с анимизмом возникают и магические представления — вера в силу слова и действий, при помощи которых якобы возможно влиять на силу природы и вызывать желательные для человека результаты: здоровье, удачу на охоте, урожай, дождь, приплод скота»¹.

Посвящая кому-то юролы, наши далекие предки были убеждены, что добрые пожелания, выраженные определенными словами, имеющими магическое значение, обязательно сбудутся. «Ерөөлам и хараалам создатели их придавали магическое значение, — пишет Г. И. Михайлов. — Произнося ерөөл или хараал, люди, надо думать, полагали, что все случится именно так, как ими сказано. Во всяком случае, им хотелось, чтобы их желание исполнилось. Не имея такой надежды, поэты древности вряд ли стали бы сочинять ерөөлы, хараалы и другие поэтические произведения, в магическую силу которых они твердо верили»².

О древнем происхождении благопожеланий говорят некоторые архаические моменты, которые сохранились в отдельных текстах, дошедших до нас. М. Н. Хангалов писал: «Не одно только небо с его явлениями, море и воды с подземным царством служили предметами обоготворения, но вся природа, во всех ее проявлениях, давала обильную пищу фантазии дикаря, возбуждая то страх, то удивление и удовольствие, а вслед затем и сознание своего бессилия перед этой природой и ее объектами, каковое сознание влекло за собой стремление к поклонению этим могучим силам, явлениям и предметам. К таким-то

предметам принадлежат солнце, луна, звезды, животные, растения, камни...»³.

В условиях жестокой жизненной практики, в процессе постоянной борьбы с могущественными силами природы наши далекие предки невольно искали пути и средства облегчения своей участи. В благопожеланиях звучит призыв поклонения небу и земле, чтобы снискать их доброе отношение к себе:

Тэнгэридэ мүргэ,
Тэгшэ жарга,
Газарта мүргэ,
Габшагай жарга.
(Инв. № 1279).

Поклоняясь небу,
Полное счастье найдешь,
Поклоняясь земле,
Быстро счастье обретешь.

Улайран байгша наранайнгаа
Оройдонь мургөөрэй,
Тойрон байгша наранайнгаа,
Толондонь мургөөрэй.
(Инв. № 2754).

Поклоняйся макушке
Багрового солнца,
Поклоняйся лучам
Движущегося по кругу солнца.

«Трудовая деятельность заставляла крестьянина с особой тщательностью наблюдать природные явления (состояние солнца, звезд, формы облаков, количество и виды осадков и т. п.). Поэтический образ Солнца — источника света и тепла, образы выращиваемых человеком хлебных злаков естественно выдвигаются на видное место в календарной обрядности и обрядовой поэзии. Особое развитие получает в них тема солнца и растений»⁴.

Ранние представления людей о единстве природы и человека, о непосредственной зависимости его жизненных благ от окружающей среды нашли в юралах своеобразное преломление:

Өндөр тэнгриhэн үрөөртэй
Өлгөн дэлхэйhөн баяртай

Пусть небо высокое тебя
 благословляет!

байгаарай! Обширная земля пусть радости дарит!

(ИHB. № 208).

Во многих благопожеланиях этого цикла запечатлены элементы стихийного материалистического мировоззрения древних людей. В них в своеобразной форме выражено отношение наших предков к природе, к реальной действительности, к насущным жизненным проблемам. Вместе с тем в юралах сказалась историческая ограниченность мировоззрения людей тех давних времен, так как в некоторых из них обнаруживаются отзвуки религиозных верований и предрассудков:

Тэнгэридэ мүргэ
Тэгшэ жарга,
Бурхандаа мүргэ
Буянтай жарга.
(Инв. № 2754).

Тенгрию молись —
Полное счастье найдешь,
Молись бурхану —
Счастье обретешь.

Роль человека — активного строителя жизни, преобразователя природы в данном благопожелании почти сведена на нет.

Вся надежда на бурхана, доброе расположение которого, по древним представлениям, можно заслужить молитвами и жертвоприношениями. Поскольку культовые церемонии совершались служителями религии, их словам, молитвам, призываниям, обращенным к бурхану, когда-то придавалось большое значение:

Хаялгашни хайраа үгшэ	Брызгание твое пусть
байг,	милостью станет,
Үгэлгэшни үрөөрөө үгшэ	Подношение твое пусть юролом
байг.	обернется.
Мүргэнэшни мүнхэ үрөөр	Молитвы твои пусть вечным
боложо байг,	юролом станут,
Хаяханшни хайхан үрөөр	Брызганье твое пусть красивым
боложо байг.	юролом станет,
Хэлэнэшни хэтэ сагаан	Твои слова и призывания
Дуудаланшни дун сагаан байг!	Пусть всегда будут светлыми.
(Инв. № 96).	

Следует подчеркнуть, что несмотря на бытование таких юролов, религия в них никогда не выдвигалась на первый план, не превращалась в основу их жизни, а наоборот, преодолевалась в процессе активной трудовой практики людей.

Благопожелания, связанные с трудовой, хозяйственной деятельностью бурят, можно выделить в отдельную тематическую группу. Среди них наиболее давними являются, по-видимому, благопожелания, посвященные охотникам и рыболовам. «В доисторическое время прежние буряты занимались звероловством в зэгэтэ-аба и в то же время рыболовством. Девственные леса их родины изобиловали в то время разными зверями, а реки и озера разными рыбами, которые доставляли хорошую и питательную пищу и в которой нуждался бурят тех времен, имея нехитрые орудия как против опасных зверей, так и для ловли больших рыб»⁵, — пишет М. Н. Хангалов.

Чтобы охота была удачной, а улов богатым, у бурят издавна совершались различные обряды, которые непременно сопровождались различными благопожеланиями. По-разному могли звучать эти юролы, обращенные к охотникам и рыболовам, но суть была одна — пожелание богатой добычи. Нередко звучали конкретные пожелания:

Хада гэшхэхэ гэжэ	Вместо горки на
Халюу гэшхэжэ яба,	выдру наступай.
Бута гэшхэхэ гэжэ	Вместо кочки на
Булга гэшхэжэ яба.	соболя наступай.
(Инв. № 1279).	

Отмечая различные обряды бурят, сопутствующие охоте, К. В. Вяткина пишет, что «у тункинских бурят убитого соболя не заносили в дверь, а подавали в особо прорубленное окно, говоря: *айльчин ирэбэ* — т. е. «гость пришел», чем подчеркивалось особое уважение к этому зверьку. Товарища, убившего соболя, охотники встречали с особым почетом»⁶.

Некоторые юролы этого цикла начинаются с общего, очень лаконичного пожелания, которое находит дальнейшую конкретизацию:

Ая зөөлэн, ашаа хүндэ
ябагты,
Боошхоор дүүрэн
оомольтой,
Хашаагаар дүүрэн хадрантай,
Олзо омог ехэтэй ябагты.
(Инв. № 1606).

Пусть будет у вас мягок путь и
тяжел воз,
Пусть добыча у вас будет
богатая:
Полная бочка омулей, полный
загон харнусов.

Юролчин вполне мог бы ограничиться начальной, кратко сформулированной, но очень емкой по смыслу фразой, представляющей собой самостоятельное благопожелание. Однако он преднамеренно конкретизирует эту мысль, органически связывая свои пожелания с удачным промыслом рыболовов, а чтобы приблизить содержание юрола к конкретной ситуации, прибегает к отдельным уточняющим названиям.

В тех местах, где определяющим занятием бурят было скотоводство, активно рождаются произведения устной поэзии, затрагивающие именно эту тему. В юролах, содержащих пожелания человеку различных благ, одним из критериев материального благополучия признается обладание многочисленным скотом, а мерилom полного счастья человека считается дом, переполненный детьми:

Хорёо дүүрэмэ баян
боложо,
Хоймор дүүрэмэ үнэр
болоорой.
(Инв. № 2840).

Стань богатым, чтоб двор
был полный,
Многодетным будь, чтоб
хоймор был полный.

Арситнай танхаар дүүрэжэ,
Адуу малтай тииргээр дүүрэг.
(Инв. № 208).
Үүдэн хүрээтнай үхэр адаһаар
дүүрэжэ байг,
Үндэр гэртнай үхибүүдээр
дүүрэжэ байг.

Пусть вино наполняет кувшин,
Пусть скот ваш улус заполняет.
Пусть рогатого скота будет
у вас полная ограда,
Пусть дом ваш высокий будет
полон детьми.

Иногда в юролах упоминаются конкретные домашние животные, разведением которых буряты занимались. Например:

Хотоороо дүүрэн хун сагаан хони
үдхөөрэй,
Хоймороороо дүүрэн хоёр хушуун
үритэй болоорой.
(Инв. № 208).

Полную стайку белых овец
разводи,
Полный хоймор детей
разнополых имей.

Не только у бурят, но и у монголов бытует немало благопожеланий, различным образом освещающих эту тему:

Урда хормойгьтнай
Үхи хүбүүн гэшхэжэ байг,
Хойто хормойгьтнай
Хони буруу гэшхэжэ байг.
(Инв. № 2877).

Передний ваш подол
Пусть дочери, сыновья топчут,
Задний ваш подол
Пусть овцы, телята топчут.

Во многих юролах содержатся различного рода советы, исходящие из богатой опытом хозяйственно-бытовой практики бурят, из их повседневных наблюдений. В них — практические пожелания, касающиеся выбора земли для посева или пастбища, от плодородия которой зависело богатство урожая и успех скотоводческой деятельности:

Үндэр газарта тарай хаяжа,	На высоком месте сейте хлеб,	
Үргэн газарта адаһа үдхэжэ	На широкой земле разводите	
	байгтыг.	скот.
Ой үбэй газарта таряа тарижа	На безлесном поле сейте хлеб,	
	байгааарайт,	
Урин газарта үтэг абха	На хорошем месте усадьбу	
	болооройт.	имейте.

(Инв. № 1606).

В некоторых вариантах этого благопожелания упоминается волк:

Шоно үбэй газарта	Скот разводи в местах,
Адаһа үдхэжэ байгааарай,	Где волки не водятся,
Шулуу үбэй газарта	Усадьбу имей там,
Үтэг абажа байгааарай.	Где нет камней.

(Инв. № 1606).

В произведениях устной поэзии бурят образ волка получил разное толкование. В некоторых из них отмечены мотивы, оправдывающие различные действия волков, которые якобы нападали на домашних животных строго по указанию всевышнего. Если волки слишком часто нападали на скот, люди обращались к всевышнему за помощью, чтобы он укротил их. По-разному, вероятно, звучали эти слова, но просьба была конкретная:

Һобойто ехэ шоноёо татагты,	Укротите волков клыкастых
Һодото ехэ шубуугаа татагты.	Да огромных птиц крылатых.

(Инв. № 3404).

Неожиданные стихийные бедствия также наносили немалый ущерб хозяйству людей, особенно в те давние времена, когда их возможности были ограничены. Поэтому в юролах звучат пожелания о том, чтобы миновали людей беды и напасти, которые могли нанести урон их скудному хозяйству.

Постепенно человек обретает жизненный опыт, расширяются его возможности противостоять стихийным силам природы. Лейтмотивом многих юролов становится призыв — давать достойный отпор всему, что мешает благополучию человека, не надеяться на всевышнего, а рассчитывать только на свои силы. Надежным помощником и верным другом человека, как отмечают юролы, является добрый и хороший конь:

Шулуу баллаха балтатай	Кувалду имей, чтоб камни	
	байгааарай.	дробить,
Шоно үлдэхэ хүлэгтэй	Аргамака имей, чтоб гнаться	
	байгааарай.	за волком.

(Инв. № 1606).

Хатархаар морьтой,
Ханхинахаар мөнгэтэй ябаарай.
(Инв. № 208).

Имей коня — рысака
да звенящие деньги.

«Лошадь являлась вполне приспособленным животным для пастбищного способа кормления в течение всего года. Она отличалась большой выносливостью и позволяла кочевнику быстро передвигаться с места на место. Она использовалась не только как транспортное животное, но продукты коневодства использовались широко и в быту кочевника», — пишет К. В. Вяткина⁸.

Особенности хозяйственно-экономического уклада определили и сферу непродуцированной социальной жизни бурят, своеобразие их быта, материальной культуры. Ведущее скотоводческое направление в хозяйстве бурят определенным образом сказалось, например, на их пище: «Основой питания кочевого и полукочевого бурятского населения служили молочные продукты и мясо, в меньшем количестве потреблялись мучные блюда.

Многовековое занятие бурят скотоводством, как и у монголов, способствовало выработке большого ассортимента молочных продуктов (*цаган иде*), которые потреблялись не только в весенний и летний периоды максимального удоя молока, но в различных видах заготавливались на зиму, когда доение скота прекращалось. Недостаток свежего молока в это время восполнялся мясной пищей и сушеными молочными продуктами»⁹.

Различные виды национальной пищи нашли специфическое воплощение в благопожеланиях, органически связанных с укладом повседневной жизни бурят. По разному поводу упоминаются такие молочные продукты и напитки, как зөөхэй (саламат), тоһон (масло), хүрэнгэ (молочный напиток, вроде кумыса), хүрэнгын архи (молочная водка):

Халуугаар зөөхэйё шанажа,
Хатуугаар тогооёо нэрэжэ
байгаарай.

(Инв. № 3157).

Тоһоор эдээлжэ,
Торгоор хубсалжа ябаарай.

(Инв. № 3157).

Хүрэнгэтнай ехэ болог,
Хүбүүдтай олон болог.
Архитнай хатуу болог,
Адаһантай олон болог.

(Инв. № 96).

Горячий саламат вари,
Крепкий архи готовь.

Маслом питайся,
Шелковую одежду носи.

Пусть курунги становится больше,
Пусть детей у вас будет много.
Пусть архи ваш становится крепче,
Пусть скота у вас будет много.

Гости, удостоенные теплого приема хозяев, не могли обойтись без благопожеланий. Причем свои юролы они связывали с домом, где шло веселье, с их детьми, с почетными блюдами. Так, бурятский обычай ставить гостям почетные блюда и архи (что непременно требует юрола) вызвал к жизни большое разнообразие благопожеланий:

Аяга дүүрэн эдээтэй,
Айлша буулгаха гэртэй,
Шунгажа эдээлхэ эдээтэй,
Шургажа орохо гэртэй байг.
(Инв. № 3404).

(ИHB. № 3157).

Пусть будет чаша, полная еды,
Пусть будет дом для приема гостей,
Пусть в изобилии будет еда,
Пусть будет дом для житья.

Дом, в который я вошел, пусть
становится шире,
Дом, куда я приехал, пусть
становится просторнее.

Наряду с молочными продуктами существенную роль в питании бурят играла мясная пища, нашедшая определенное выражение в благопожеланиях. Многие юролы связаны с традиционным обычаем бурят заготавливать на зиму мясо и при этом собирать родных, одноулусников, в чем К. В. Вяткина справедливо усматривает пережитки общинно-родового распределения продуктов: «Пережитки общинно-родового распределения продуктов можно проследить у бурят на обязательном приглашении сородичей, когда резали животных (баранов и др.) для употребления в пищу, на обычае распивания араки и тарасуна по кругу путем передачи наполненного сосуда от одного участника к другому, на объединении продуктов скотоводческого хозяйства в обрядах (тайлга и др.) во время жертвоприношения овец и лошадей»¹⁰.

Пусть ваше сено питательным
Пусть скот ваш еще жирнее
будет,
станет.

Сено повыше стогуйте,
Мясо жирное имейте.

Курите архи,
Варите голову.

154

Большой популярностью пользуются в народе благопожелания, связанные с жилищем бурят. В них говорится о разных типах юрт — деревянных и войлочных:

Найман хантай булгааһа
Нахюу газар тотхоорой,
Найман аша үргэжэ,
Үнэр баян һуугаарай.
Долоон хантай булгааһа
Дубуун газар тотхоорой,
Долоон аша үргэжэ,
Үнэр боложо һуугаарай.
(Инв. № 96).

Восьмистенную юрту
На низком месте построй,
Восьмерых внуков воспитай,
Богато и счастливо живи.
Семистенную юрту
На возвышенном месте построй,
Стань многодетным,
Семерых внуков воспитай.

Иногда юролчины в свои благопожелания очень умело вплетают основные детали юрты, особенно войлочной:

Бадма дабхсаад үрхэтэй,
Бата зургаан даагатай,
Бэхи модон халбагатай,
Бүдрүүн шэрүүн үдээтэй,
Ургай модоороо
Уняан бэсынь тааруулсан,
Унага дааганаац сүүлээрээ
Шэлгэдэргынь тааруулсан,
Хандагай бугын арасаараа
Саана наана тобчолсон,
Бодото уулын модоороо
Босого тогогын тааруулсан.
Шэрмэн үбээ тогоонһон
Эдээнэй хэшэг дэлгэрээсэй,
Табан хушуу малань
Тала дүүрэн бологсой.
(Инв. № 1279).

С дымником в несколько слоев,
С шестью мощными подпорками,
С надежными деревянными
укреплениями,
С толстыми, грубыми приметками,
Из прямых деревьев
Каждое стропило подогнано.
Из хвоста жеребенка, лончака
Стежки подогнаны,
Шкуры изюбра и лося
Там и здесь пристегнуты.
Из подлинных горных деревьев
Сделаны косяк и порог.
Пусть котел их будет
Полон еды,
Пусть степь будет полна
Их скотом пяти разных видов.

В благопожеланиях нашла своеобразное освещение коновязь — «сэргэ», которая устанавливалась у дома или юрты и имела глубокий символический смысл:

Хүүни хүбүүн боһогытнай
элээг,
Хүлэгэй унаган сэргытнай
элээжэ байг.
(Инв. № 2877).
Унашагүй сэргэтэй боло,
Унтаршагүй гуламтатай боло.
(Инв. № 2754).

Человеческий сын пусть порог
ваш протирает,
Аргамака жеребенок пусть
коновязь протирает.
Неразрушаемую коновязь имей,
Негасимый очаг имей.

Огонь, постоянно поддерживаемый в очаге, и крепкая коновязь в произведениях устного творчества бурят означали благополучие, мирную жизнь и дальнейшее продолжение рода.

В особую группу можно выделить юролы напутственного характера. Издавна, признавая магическую силу слова, буряты всегда провожали уезжающих добрыми пожеланиями — юролами,

Военные походы, путешествия, выезд на охоту, по торговым делам, по хозяйственным нуждам — все это определило тематическое богатство и разнообразие благопожеланий.

Примечательны юролы, которыми обычно напутствуют уезжающих из родных мест на военную службу, на учебу или на работу:

Албан ажалдаа сайхан,
Эндүү алдуугүй ябаарай.
Дарганарайнгаа үгэ дуулаарай,
Засагайнгаа заабаряар ябаарай,
Осол эсэлгүй ябаарай,
Үндэр соло хамгаалжа,
Минин хүбүүн, сайн сайхан

Служи, трудись успешно,
Ошибок избегай.
Подчиняйся начальству,
Наказ власти исполняй.
Высокое звание заслужив,
Мой сын, счастливо
возвратись.

ерээрэй¹².

Это традиционное в своей основе благопожелание в современном бытовании, по-видимому, наполняется новым содержанием.

Существенно отличаются по своему звучанию юролы, которыми напутствовали уезжающих на фронт. С новой силой в военное время зазвучал традиционный юрол:

Эрхээтэндэ диилдэнгүээр,
Ээмтэндэ булигдангүигөөр,
Дайгаа даража,
Дархан солоёо дурдуулжа
Энхэ тунха
Эрьежэ гэртээ ерээрэй.
(Инв. № 2877).

Не поддаваясь (ничьей)
Силе плеч и пальцев,
Одержав в войне победу,
Прославив силу кузнеца,
Живым, здоровым
Вернись домой.

Призыв к борьбе с врагом и пожелание неперменной победы над ним выражены в традиционном стиле. Переданы они лаконичными, пословичными выражениями, пользующимися в народе большой популярностью.

Буряты часто ездили и по торговым делам. В напутственных юролах выражались различные пожелания, связанные с коммерческими интересами людей:

Олзотой омогтой ябажа,
Наймааншни наян болог,
Худалдааншни хорин болог.

Имей доход и прибыль,
Торговлю доведи до
восьмидесяти,
А коммерцию до двадцати.

(Инв. № 2979).

Такие юролы с определенным смысловым назначением довольно часто употребляются в сочетании с напутственными благопожеланиями общего характера:

Ябаһандаа яргалтай
Зорихондоо золтой ябагты.
(Инв. № 2979).

Удачи вам и счастья
в достижении цели.

Поскольку каждая поездка преследовала конкретную цель, во многих напутственных юролах содержится пожелание непременно достигать поставленных перед собой задач:

Һанаһанаа хүсэжи,
Һарбайһанаа барижа ябаарай.
(Инв. № 208).

Добивайся задуманного,
Достига́й затеянного.

В дальней дороге человека могли подстергать различные неожиданности, опасности. Искреннее желание людей предостеречь родных, близких от случайных дорожных неудач, неприятностей находит выражение в их напутственных благословениях:

Унаһан морёор,
Тохохон эмээлээр,
Олзо омогн
Баяри бахан дээрэ
Һайн ябажа ерээрэй.
(Инв. № 1606).

Хорошо тебе съездить
На оседланном коне,
С богатой добычей вернуться,
С радостью большой.

Пожелания уезжающим счастливой дороги и достижения намеченной цели юролчины органически связывают с благополучным возвращением их в родные края:

Зориһондоо хүрэжэ,
Түрэнһэндөө тэхэрижэ ерээрэй.
(Инв. № 2840).

Задуманное исполнив,
В родные места возвратись.

Мотив счастливого возвращения на Родину, в родные места становится в некоторых вариантах определяющим и центральным:

Үргэн дэлхэйн унтууряар,
Үндэр уулайн хүтэлөөр,
Төрөнһэн тоонтодоо
Түбэг үбэй хүрэгты.
Гараһан газартаа
Гасаа үбэй хүрэгты.
(Инв. № 1606).

По тихим просторам земли,
По холмам и косогору,
До места рождения своего
Вернитесь без преград.
До родных своих мест.
Без препятствий возвращайтесь.

Данное благопожелание завершается идентичными по своему смыслу двустийшиями. Творцы и носители юролов, по-видимому, преднамеренно используют повторение, способствующее выделению основной мысли.

СВАДЕБНЫЕ ЮРОЛЫ

Бурятская свадьба богата различными обрядовыми элементами. Каждый свадебный ритуал щедро усыпан остроумными и меткими словеснопоэтическими выражениями. Не ставя перед собой цели анализировать все художественно-поэтические образцы, связанные с предсвадебными и свадебными церемониями, остановимся лишь на некоторых моментах, которые наиболее богаты выразительными словесными обрамлениями.

Издавна у бурят существовал обряд при сватовстве меняться поясами — «бэһэ андалдаха», который наравне с другими

свадебными компонентами довольно хорошо описан М. Н. Хангаловым: «...оба свата, то есть отец жениха и отец невесты садятся рядом. Потом отец жениха встает, кланяется отцу невесты и целует его, снимает свой пояс, опоясывает им отца невесты и садится на прежнее место. В свою очередь встает отец невесты. Он также кланяется и целует отца жениха, потом снимает собственный пояс, которым опоясывает отца жениха. Этот обычай у бурят называется бөһө андалдаха (т. е. «меняться поясами»)»¹³.

При обмене поясами сваты гозорили друг другу соответствующие этому моменту слова, определенным образом характеризующие смысл настоящего обрядового действия. В народе бытует немало поэтичных выражений, связанных с этим символическим обрядом:

Бэлхэнсэгтэ бэлэлхэн бэлээ	Обменяемся своими поясами —
андалдажи,	Новой родословной основу
Бэши түүхэ холбожи яргайи.	возложим,
Утаһан бэлээ андалдажи,	Шелковыми поясами
Ураг түүхэ занядайи.	обменяемся —
Мөнгөн бэлээ андалдажи,	Родственные узы закрепим,
Мүнхэ үрөөр холбожи байил	Серебряными поясами
даа.	обменяемся —
(Инв. № 208).	Вечный юрол создадим.

Данный текст является одним из ярких образцов, сопровождающих этот трогательный обрядовый момент сватовства. Поэтичность, особую прелесть его звучанию придают такие колоритные определения, как «утаһан бэлэ», «мөнгөн бэлэ», «мүнхэ үрөөр».

Большой интерес представляет словеснопоэтический арсенал, обусловленный эмоциональным ритуалом торжественной встречи свадебного поезда: «Узнав, что свадебный поезд приближается, родители жениха посылают несколько человек встретить свадьбу. Они везут с собою вино и мясо. Это у бурят называется у к т а м ж и (бур. у к т а х а — «встретить»). Посланные от родителей жениха слезают с лошадей и на дороге ждут свадебный поезд. Когда свадебный поезд приблизится к посланным им навстречу представителям жениха, то верховые слезают с коней. Встречающие подносят гостям вино и мясо»¹⁴.

Стороны жениха и невесты обмениваются очень меткими, остроумными вопросами и ответами. Весь диалог носит образно-символический характер и строится в духе состязания. Причем каждая сторона стремится выйти победителем из этого словесного поединка. Так, встречающие свадебный поезд спрашивают:

Хүлэг мориной хүлэ гаргажа,	Аргамаров своих до пота гоняя,
Ханха харгын тооһо бурьюулжа,	По торной дороге пыль поднимая,
Түмэр тэргээн дэрвээ гаргажа,	Железных телег шум издавая,
Тэнгэртэ хүрмэ тооһо татажа,	До самых небес пыль поднимая,

Түмэн зоноороо эблэрээд,
 шууяа
Татан ерэнэн юун зонуудабта?

С шумом прибывшие к нам,
 собравшись все вместе,
Что вы за люди?

Старший со стороны невесты отвечает:

Унагаяа морин болгожо,
Үрээ хүн болгожо,
Алтан түрэ бүтээжэ,
Басаганайнгаа зол жаргал
 олгуулжа,
Гал гуламтатайн танилсуулжа,
Болдогой шэнээн мяха эдихээ,
Нуурай шэнээн архи ууха гэжэ
 ябааша зонуудабди.
(Инв. № 2868).

Жеребенок стал аргамаком,
Ребенок стал взрослым,
Свадьбу золотую справляем,
Счастья для дочери ищем,
С будущим очагом ее знакомим.
Много мяса есть приехали,
Много архи пить приехали.

Когда встречающие свадебный поезд спрашивают: «По какой дороге приехали?», те не ограничиваются односложным ответом. В очень колоритной, художественно-поэтической форме они описывают свой путь, отмечая некоторые местные достопримечательности. Интересен вариант, записанный у ольхонских бурят:

Хүхэйн мундаргайн
Урда бинһээн
Хүхэ далайн
Хойто бинһээн
Даагани сабшаһан
Даланта сагаан харгуяар
Баян болохыетнай
Басага асарбабди
Хүн болохыетнай
Хүбүү асарбабди.
(Инв. № 2979).

С южной стороны
Гольцов Хүхэя,
С северной стороны
синего озера,
По белой дороге,
Проложенной лончаком,
Девушку привезли, чтоб вы
 стали богаче,
Парня привезли, чтоб вас
 стало больше.

В тексте чувствуется колорит местной природы, упоминается «хүхэ далай» — «синее озеро», которым всегда гордятся жители острова Ольхона.

На вопрос встречающих: «Откуда вы едете и по какому делу?» тоже следует образный, во многих своих деталях символический ответ:

Бидэ хоёр сусал хабиржа
Гал болгожо,
Хоёр хүе нуулгажа
Хүн болгожо,
Холын юумэе ойро болгожо,
Хуушан юумэе шэнэ болгожо
 ябаашамди.
(Инв. № 2877).

Из двух головешек
Огонь разводим,
Судьбы двоих соединяем,
Далекое приближаем,
Старое обновляем.

Церемония встречи свадебного поезда непосредственно у дома жениха, где должна состояться свадьба, не обходится без выразительных диалогов. Сваты со стороны жениха спрашивают: «Что вы привезли?»

Те отвечают:

Хэнэнэгээр дүүрэн үүтхэ
Хэлгээр дүүрэн түри
Хүн болохыетнай хүбүүеэ,
Баян болохыетнай басагаа
Урайгаа дэбдихыетнай
Унаган хубсар асараабди,
Хойной дэбдихыетнай
Хонин хубсар асараабди.

(Инв. № 2979).

Полный сундук стрел
Полной желания свадьбу
Чтобы людьми стали, сына
Чтобы богаче стали, дочь
Впереди стелить —
Коврик из шкуры жеребенка
Позади стелить —
Коврик из овечьих шкур

В ответе сватов со стороны невесты содержится лаконичная характеристика цели их приезда. Причем о женитьбе молодых говорится в образной форме, удачно используется традиционное афористическое выражение: «Хүн болохыетнай хүбүүгээ, баян болохыетнай басагаа асараабди».

Упомянуты и некоторые компоненты невестиного приданого.

По-разному строится диалог между сватами. Его выразительность, эмоциональность зависят от красноречия, импровизационных возможностей главных сватов — «худын түрүү», представляющих обе стороны.

Очень эффектна словеснопоэтическая часть застолья традиционной бурятской свадьбы, богатая остроумными и меткими выражениями, афоризмами, благопожеланиями. «Чтобы свадьба была веселой, наполненной шутками, остротами, песнями, юрөөлами, — подчеркивает великолепный знаток обрядовой поэзии Очир Будаевич Будаев, — должно быть очень хорошее, эмоциональное начало, которое должно оживить людей, расшевелить их. — У нас в Джиде, — продолжает он, — «худын түрүү» — «главный сват», например, так открывает свадебное торжество:

Үндэр гэгээн урагууд,
Үргэн сагаан худагынар,
Сарын сайн үдэрын үлэйтэйе

Тахил бурхандатнай дээжэ

Та бүгдэдэ айладхалтай,
Аба эжыгээсээ,
Агуухэ шүтөөнөөс
Тогтоожо хайрлахыетнай
Дэл ехэтэ адуунаас,
Дэлэн ехэтэ үнээнөөс,
Хонгор туруута хоншноос,
Холбоо эбэртэ ямаанаас,

Высокопочтенные родственники,
Великодушные, светлейшие сваты,
Выбрав хороший, счастливый

Вас, почтенных, приветствуя,
От отца и матери,
От великой нашей святыни
Преподносим Вам

Лучшую часть еды —
Чистой закваски архи,
Лучшее из вещей —
Деньги с образным знаком,

От гривастого табуна
И коров наших молочных,
От овец с нежными копытами
И коз с сросшимися рогами.

Почтенные гости — нойоны,
Почтенная сватья золотая,
Дите ваше облюбовали
и породнились.
Аргамака вашего выбрали для
коня.
За благополучие, счастье
И хорошую жизнь наших детей
Просим поднять архи, подносимое
нами.

Высокие подушки на них положили,

Үнгэтэ хүнджэлөөр бүрхөөж,

Эрээн, бараан, сагаан эд
Эдлэн джаргаха эдзэтэйн
абджи,
Унтаснайнь сэрээдж,
Мартаснайнь сануулдж,
Алдуугынь зааж засаж

Алтан тулга гуламтыгаа
Эдэн болгодж абча
суухыетнай

Хүсэн айлладханабдн.
(Инв. № 3209).

Разноцветным одеялом сверху
покрыли,
Пеструю, темную, белую материю
Привезли мы с хозяйкой, чтоб
пользовалась ими и в счастье жила.
Будет в сон погружаться — будите,
Станет забываться — напоминайте.
Ошибется — подсказывайте,
поправляйте.

Желая все это, мы просим принять
ее хозяйкой вашего очага золотого.

Данный текст, как и предыдущие два варианта, щедро усыпан художественными определениями: «үргэн», «эрээн», «сагаан», «бараан». Встречаются очень устойчивые в бурятском фольклоре эпитеты «алтан», «мүнгэн», «алтан хаалга», «алтан тулга», «мүнгэн босого». Примечательно сравнение автомашины с аргамаком. Этот незначительный штрих затрагивает одну из особенностей современной жизни людей. Поскольку автомашина заменила в наши дни основные функции коня, то и свадебный поезд не обходится без нее. Однако знатокам обрядовой поэзии, по-видимому, хочется сохранить все детали традиционных свадебных текстов и, вплетая в них отдельные элементы, раскрывающие современность, они не забывают назвать аргамака.

Богатство и разнообразие обрядовых церемоний на традиционной свадьбе определили и многообразие юролов, являющихся важным компонентом свадебной поэзии бурятского народа. По идейно-смысловому значению свадебные благопожелания можно условно разделить на следующие группы: юролы, связанные с огнем, очагом (гал гуламтатай холбоотой юрөөлнүүд); благословляющие ложе молодых (оро заһахадаа табиха юрөөлнүүд); относящиеся к церемонии подношения госям почетного блюда (төөлэй, али бэшэ нэрэтэ мяха барихадаа хэлэхэ юрөөлнүүд); содержащие пожелания и советы жениху и невесте (бэридэ, хурьгэндэ зорюулһан юрөөлнүүд); юролы-посвящения сватам (худанарта зорюулһан юрөөлнүүд).

Центральное место в традиционной свадьбе бурят занимал ритуал поклонения молодых огню, без которого не обходилась раньше ни одна бурятская свадьба: «Дом без огня не может быть достойным жительства человека; огонь, разведенный в доме, очищает его, как бы освящает его. Таким образом, богиня Ут есть некоторого рода хозяйка дома: кто хочет вступить в члены семейства, живущего в известном доме, должен прежде поклониться ей, как бы прося у нее позволения на это и поручая себя ее покровительству. Потому-то у монголов есть обычай, что жених и невеста в день свадьбы совершают поклонение перед огнем, приносят ему жертвы, что у них заступает место венчания»¹⁶.

Церемония поклонения молодых огню сопровождалась различными юролами, о чем свидетельствуют некоторые высказывания стариков, знающих обрядовую поэзию.

Главный сват со стороны невесты, уезжая со свадьбы, высекает огнем из кремня огонь и подносит его невесте, которая ему поклоняется. В момент поклонения невесты огню ее благославляют таким юролом:

Урин дободо гэрээ бари,
Уужам талада малаа
бэлшээгээрэй.

Эртэ бодоорой, орой унтаарай,
Түмэн зоной түрүү болоорой,

Минган зоной эжы болоорой.
Ута наһатай, удаан жаргалтай
болоорой!

Олон зоной ударидагша болоорой,
Үй түмэнэй эжы болоорой!

Олзо сэхэтэй, олон үритэй
болоорой!
(Инв. № 1268).

На чистом холме дом свой построй,
По широкой степи пусть скот твой
пасется.

Рано вставай, поздно ложись,
Стань во главе десятка тысяч
человек.

Будь матерью для тысячи людей,
Долгой счастливой жизни желаю
тебе!

Стань главою многих людей,
Стань матерью великого
множества людей,

В достатке живи, пусть детей
будет много!

Мать новобрачной тоже посвящает ей юрол:

Галаа бүү унтараагаарай,
Нохойдоо юумээ бүү эдюулээрэй.
(Инв. № 1268).

Не дай погаснуть своему очагу,
Свое добро от собаки береги.

Сам факт популярности у бурят таких юролов является свидетельством того, что обряд поклонения огню сопровождался определенными благопожеланиями:

Түлһэн галнай
Түмэн жэлдэ шатажа байг,
Түрэнэн гараһан хоёрной
Амар найхан жаргажа байг!
Залиршагой зали нэмээбэбди

Унтаршагой умай нэмээбэбди!¹⁷

Түлһэн галтай
Түмэн жэлдэ бадаржа,
Түрэнэн гараһантай
Түмэ мянган боложо
жаргаарай!

Үрхөөр ороһон наран

Туяагаа үгэжэ байг,
Үүдээр ороһон үбгэд
Юрөөлөө үгэжэ байг!¹⁸

Огонь, который мы разожгли,
Пусть десятки тысяч лет горит.
Родные наши дети
Пусть счастливо, спокойно живут!
Разожгли огонь, который не
погаснет,
Продолжили род, который не
забудется.

Огонь, разведенный вами,
Пусть десять тысяч лет горит,
Пусть ваших детей родных
Бесчисленное множество будет!
Солнце, проникающее через
дымник,
Пусть лучами своими одаривает.
Старцы, входящие в дверь,
Пусть юролами вас благословляют!

В юролах, посвященных огню, наблюдаются очень устойчивые, повторяющиеся элементы. Почти все варианты начинаются словами: «Түлһэн галнай түмэн жэлдэ бадараг» — «Огонь, разведенный нами, пусть очень долго горит». Как бы

ни варьировались тексты в исполнении импровизаторов-юролчинов, это выражение остается почти без изменения. В следующем благопожелании эта фраза оказывается во втором четверостишии, а не в начале, как во многих других текстах:

Утхалхан галамнай
Утаан мүнхэ бадараг,
Ушархан уулзахан үрэднай
Амар мэндэ жаргаг.
Түлиһэн галамнай
Түмэн жэл бадараг даа,
Түрэхэн гарахан хоёромнай
Мүнхэ мэндэ жаргаг!¹⁹

От огня, разведенного нами,
Пусть вечно идет дым.
Наши дети, нашедшие друг друга,
Пусть счастливо живут.
Огонь, который мы развели,
Пусть долго-долго горит.
Родные наши дети
Пусть спокойно, счастливо живут!

■ Клонение молодоженов огню, очагу имел символический характер. Это означало приобщение молодой, начинающей совместную жизнь пары к родовой семье. В юролах говорится: «Залиршагуй зали нэмэбэбди» — «К огню прибавили огонь», что свидетельствует о рождении новой семьи, призванной продолжить род.

М. Н. Хангалов писал, что «невеста, кланяясь огню, поворачивает поленья в очаге и подкладывает несколько новых. Это значит, что как увеличивается огонь очага от новых поленьев, так должно увеличиваться семейство ее мужа, а также, что она становится хозяйкой дома»²⁰.

Традиционные свадьбы со всеми сложными обрядами и церемониями постепенно уходят в прошлое. В связи с этим забываются и многие образцы устнопоэтического творчества, органически связанные с каким-то обрядовым действием, совершаемым на свадьбе. Тем не менее в богатом арсенале бурятского фольклора немало произведений, особенно юролов, которые пользуются большой популярностью как на традиционных, так и на новых свадьбах. Весь свадебный церемониал включает в себя самые разнообразные и по назначению, и по содержанию, и по форме юролы. Тематическое богатство этих благопожеланий обусловлено многообразием этнографических деталей, эмоционально-психологических моментов, входящих в состав свадебных обрядов. Юролы обычно исполняются в процессе всего свадебного обряда.

Когда преподносят подарки жениху и невесте, обязательно произносят юролы. Молодым желают дружной, счастливой семейной жизни, здоровья, быть добрыми и отзывчивыми, трудолюбивыми, знатными, пользоваться почетом и уважением в своем коллективе, улусе, селе, развивать добрые традиции своих отцов и дедов и т. д.

Поскольку основу хозяйства бурят издавна занимало скотоводство, то многие юрслы, посвященные молодым, их благополучную материальную жизнь связывают с разведением разного вида скота. Например:

Зэргэ хунгама үнэр боло.
 Үдэр бүри үрөөрэй баяр дуулжа бай,
 Нара бүри хайн заяанай оршотой бай!
 (Инв. № 1268).

Стань богатым, чтоб зелье²¹
 стало шире,
 Многодетным будь, чтобы род
 стал больше.
 Каждый день пусть радость
 приносит тебе,
 Каждый месяц пусть счастливым
 будет в твоей судьбе.

Одни юрлчины выделяют кого-то одного из вступающих в брак, другие благословляют обоих. Это определяет порой и смысловое значение юролов. В благопожеланиях этого типа упоминаются некоторые особенности мужского или женского труда:

Гэртээ гэнэгүй,
Газаагаа гайгүй хуугаарай.
Гунтайхануудаа үдхэжэ,
Гушан хаадаг болгоорой.
Дүнтэйхэнүүдээ үдхэжэ,
Дүшэн хаадаг болгоорой.
Танха дүүрэн архитай,

Стань отцом восьмерых сыновей,
 Стань хозяином восьмидесяти лошадей.
 Пусть под одеялом будет полно детей,
 Пусть во дворе будет полно скота,
 Долгой жизни тебе желаю
 И быть всегда счастливым!
 Стань таким богатым, чтоб
 скота было много-много,
 Детей и внуков пусть будет
 очень много.
 С восьми сторон пусть
 солнечные лучи сияют,
 В четыре стороны пусть пламя
 пылает.
 Каждый день люльку ставь,
 Каждый год пусть дети
 рождаются.
 В тайге будь всегда с добычей,
 Дома живи в достатке.
 Пусть дома будет хорошо
 И во дворе благополучно.
 Трехлеток разведи до
 тридцати коров,
 Четырехлеток разведи до
 сорока коров.
 Пусть кувшин будет наполнен
 архи,

Пусть в Ташире будет детей
Из горных деревьев воздвигни
Из таежных деревьев
полно.
жилье,
жилище построй.

Юролчин с самого начала конкретно определяет лицо, которому посвящается благопожелание. Он подчеркивает: «Найман хубүүнэй эсгэ болоорой» — «Стань **отцом** восьмерых сыновей». Жениху желают построить дом, жилище, что входит в обязанность мужчины — главы семьи.

Большой популярностью в народе пользуется такое благопожелание, посвященное невестке:

С серебряными ножницами приди,
Чтоб перед (одежды) кроить.
С золотыми ножницами приди,
Чтоб спинку (одежды) кроить.

Из черного шелка
Шить умей,
Свекру своему
По праву будь.
Из синего шелка
Шить умей,
Парню, ставшему зятем,
Будь по душе.

Последние две строки каждого четверостишия содержат конкретное пожелание невестке — быть в ладу с мужем и свекром. На эту тему у бурят создано множество юролов. Если в данном благопожелании назидание передается в деликатной форме, то в следующем — отчетливо выражено некогда зависимое положение невестки от свекра, свекрови:

Хадам гэжэ мүргэжэ ябаарайш,
Хада гэжэ хальтаржа ябаарайш.
(Инов. № 3157).

Хайшаяа хан байса бү хаяарай,
Хадам эхээ ян байса бү
уурлаарай.

Свекра почитай, поклоняйся,
Гору признавай, поскальзывайся.

Ножницы звонко не бросай,
Свекровь громко не ругай.

Нередко подобные лаконичные пожелания невестке включаются в состав сложного благопожелания. Например:

Хараасгайн дуунаар бодоорой,
Хамаг зондоо сэнтэй жаргаарай.
Хани нүхэрөө ерэхэдэ
Хабхан домбоо барин

гараарай.
Хүрэгшэ үнээгээ ерэхэдэ
Хүнэг нуулгаяа барин гараарай.
Булжамарай дуугаар бодоорой.
Бултан зонтоёо сэнгэн
жаргаарай.

Буантай нүхэрөө ерэхэдэ
Мүнгэн домбоёо барин
нуугаарай.
Хайшаа хан байтар бү хаяарай,
Хадам ибнигээ хорд байтар бү
зандаарай.

Хулхан үүдэ хаб байтар бү
хаагаарай.
Хадам баабайгаа хорд байтар бү
зандаарай.

Найн мориной жолоо барижа,
Найхан хүбүүнэй хүйнэ барижа
жаргаарай.

(Инов. № 2868).

С пеннем ласточки вставай,
Будь счастлива со всеми.
Милого друга своего
С деревянным кувшином
встречай.

Корову свою — буренушку
С ведром выходи встречать.
С пеннем жаворонка вставай,
Будь счастливой, веселой
со всеми.

Счастливого друга своего
С серебряным кувшином
встречай.

Ножницы звонко не бросай,
Свекрови своей не груби.

Бамбуковую дверь шумно не
закрывай,
Свекру своему не груби.

Поводья хорошего коня держи,
Красивого парня пуповну
держи.

Издавна у бурят было популярно афористическое выражение: «Эртэ бодоһон үдэртэ туһатай, эртэ гэрлэһэн үедэ туһатай» — «Рано встанешь — в пользу дня, рано женишься — в пользу жизни». Эта мысль передавалась в благопожеланиях в поэтической форме, наполненной символики — вставать с первыми птичьими голосами. Юролчины нередко прибегали к конкретному, прямому выражению этой мысли:

Булжамуури дуунаар бодожо,
Булта зоноор сэнтэй жаргаарайш.
Хараасгайн дуунаар бодооройш,
Хамаг зондоо сэнтэй жаргаарайш.
Орондоо одотой,
Барандаа бараатай жаргаарайш.
Эртэ бодожо,
Орой унтажа байгаарайш!²²

С пением жаворонка вставай,
Будь счастлива со всеми.
С пением ласточки вставай,
Будь счастлива со всеми.
Будь в почете у всех,
Рано вставай,
Поздно ложись.

Особую группу составляют юролы, характеризующие приданое невесты, благословляющие ложе молодых. Торжественная церемония складывания постели невесты в доме жениха сопровождалась различными благопожеланиями:

Ороёо заһаббди,
Олбогоо дэбдэббди.
Оронтай уузгай болог,
Олбогтнай зузаан болог.
Обтнай ехэ болог,
Олзотнай үргэн болог.
Нарин газараараа
Нахид байсаран тэбэрэлдэгты,
Бүдүүн газараараа
Бахин байсаран тэбэрэлдэгты,
Налмараа модон шиги
Намаатай бблогты,
Хуһан модон шиги
Һалаатай бологты,
Найман тээшээ үндэлэтэй бологты,
Юһэн тээшээ ехэ бологты.
Дээшээ үндэр бологты,
Үргээшээ бүдүүн бологты.
Ууган баабайн нютагта
Үнэн һайхан эрджи тогтоожо,
Эрдэмтэй һайхан үрээс

үргэжэ,
Үрэтэй хүүхэтэй боложо
жаргагтуун.

Ехэ баабайн нютагтан
Ехэ һайхан эрдэни тогтоожо,
Эрдэмтэ һайхан үрээс үргэжэ,
Баартай хүүхэтэй боложо
жаргагтуун.

Эндээ энхэ жаргагтуун,
Тэндээ тэгшэ жаргагтуун²³.

Постель сложили,
Матрац расстелили.
Пусть кровать станет шире,
Пусть матрац станет толще,
Пусть имя ваше станет выше,
Пусть прибыли будет много.
По тонким местам
Крепко обнимайтесь,
По толстым местам
Сильно обнимайтесь.
Как дерево, будьте с листвою.
Как береза, будьте с ветвями.
Станьте выше,
Станьте шире.
На родине наших предков
Поистине чудо создал,
Растите детей, красивых и умных.
В счастье живите, имея детей.
На родине наших дедов
Красоту большую сотворив,
Растите детей, красивых и умных,
В радости и счастье живите с детьми.
Живите спокойно и счастливо здесь
И там найдите полное счастье.

Данное благопожелание состоит из нескольких самостоятельных звеньев, объединенных основной стержневой линией, характеризующей тематическое назначение юрала. Добрые пожелания молодым юролчин передает в художественной, поэтической форме. Удачно использованы им очень колоритные эпитеты («ууган баабайн нютаг», «ехэ баабайн нютаг», «эрдэмтэй һайхан үрэ», «үнэн һайхан үрэ»), антитеза («нарин — бүдүүн», «эндэ — тэндэ»), сравнения («хуһан модон шиги», «налмараа модон шиги»), числовые выражения («найман», «юһэн»). Сравнения, сопоставления придают юролу большую выразительность, а повторение одних и тех же слов в конце, начале, середине строк как бы усиливают выражаемую мысль, акцентируют внимание слушателей на определенных моментах. Несложные рифмы, встречающиеся в благопожеланиях сводятся в основном к повторению в конце одинаковых окончаний глагольной формы (-гты; -жа, -жэ, -жо; -туун; -бди — тэбэрэлдэгты, бологты, үргэжэ, тогтоожо, жаргагтуун) или к повторению одних и тех же слов (заһаббди», «дэбдэббди»).

Не менее колоритен по своему звучанию следующий юрол, в котором особенно много эпитетов («хүбэн сагаан хүнжэл», «улаан торгон хүнжэл», «наян сагаан адуун», «найман сагаан хүбүүн»), встречаются парные слова («хуби заяан», «амар мэн-

дэ»), синонимические выражения («ушархан уулзаһан», «урматтай хайхан»):

Хурьганиитнай ноохон олбог
Хурга зузаан боложо бүтэг,
Хуби заяан хоёромнай

Амар мэндэ жаргаг.
Оронохоонь олошоржо,
Хүгөөн хүгжэжэ,
Дэрэһээн дэбжэжэ бадаржа байг!
Хүбэн сагаан хүнжэл соотнай
Хүндэтэ хүбүүн түрэг даа,
Улаан торгон хүнжэл соотнай
Урматтай хүбүүн түрэг даа,

Ушархан уулзаһан үрэднай
Урматтай хайханаар жаргаг
даа.

Наян сагаан адууни эжэн
боложо,

Найман сагаан хүбүүни
Хүйнэ барижа жаргаарай.
(Инв. № 2868).

Обязательным компонентом невестинного постельного комплекта было одеяло, которое раньше буряты шили из овечьих хорошо выделанных шкур. И не случайно в некоторых благопожеланиях акцентируется на этом внимание:

Хуриганай архан хүнжэл
Хурган зузаан боложо,
Хуби заяан хоёртнай
Энхэ мэндэ жаргаг ла.
Түлэгэйтнай архан хүнжэл
Төө зузаан боложо,
Түрэн гараһан хоёртнай
Энхэ мэндэ жаргахань болтогой.
Хониной архан хүнжэлтнай
Хурга зузаан боложо,
Хүнжэлөөр дүүрэн хүбүүдтнай
Хубитай заяантай жаргаг ла.

Булад сагаан шүдэнөө буурасаран,

Булаг хара үһэнөө бууралтасаран,
Наян гурбан адуунай эжэн
боложо,
Найман хүбүүнай эхэ эсэгэ
боложо,

Ута наһа абажа,
Удаан жаргалтай боложо,
Хоёр толгойгоо холбожо,
Хото энгэрээ нялгуулжа,
Хэзээ хэтэ жаргаарайт.
Бугайн шэнээн ута

наһатай,
Буурал толгойтой боложо,
Баатар хүбүү үргэжэ

Матрац ваш из шерсти ягненка
С палец толщиной пусть будет.
По воле судьбы нашедшие друг

друга

Спокойно, счастливо живите.
От кровати умножайтесь,
От огня развивайтесь,
От подушки процветайте!
Под белым ватыным одеялом
Почтенный парень пусть родится,
Под красным шелковым одеялом
Жизнерадостный мальчик пусть

родится.

Наши дети, нашедшие друг друга,
Пусть прекрасно, счастливо

живут.

Стань хозяином восьмидесяти
белых лошадей,
Будь счастлив, пуповину восьми
белых мальчиков держи.

Одеяло из шкур ягнят
С палец толщиной пусть будет.
Судьбою избравшие друг друга,
Спокойно, счастливо живите.
Одеяло из шкур двухлетних овец
Толщиною в пядь пусть будет.
Родные ваши дети
Пусть спокойно, счастливо живут.
Одеяло из овечьих шкур
С палец толщиной пусть будет,
Полное одеяло сыновей
С счастливой судьбою пусть
будут.

Пока крепкие белые зубы не
притупятся,
И черные волосы не поседеют,
Будьте хозяевами восьмидесяти
трех лошадей,
Матерью и отцом восьми
сыновей.

Долгих вам лет жизни!
Долгого счастья вам!
Соединив две головы,
Связав свои души,
Будьте счастливы всегда.
Долго проживите, до возраста
изюбра,

До седых волос доживите.
Сына — батора воспитайте,

Баабай ибии боложо жаргаарайт.

Хараасагайн дуунаар бодож,
Хамаг хүнээр нэтхэлтэй,
Большомуурай дуунаар бодож,
Баран зондо сэтгэй жаргаарайт²⁴.

Счастливым отцом и матерью
станьте.
С пением ласточки вставайте,
Счастливы со всеми живите.
С пением жаворонка вставайте,
В почете у всех и в счастье
живите.

Первые три четверостишия по своему построению и смыслу однотипны. Лишь в отдельных своих деталях они дополняют друг друга, конкретизируют некоторые понятия. Сам юрол по составу сложный. Он включает в себя ряд самостоятельных юролов, объединенных одной основной мыслью: пусть в семье молодых будет много детей («хүнжэлөөр дүүрэн»). Причем понятие «хүнжэл» — одеяло всегда конкретно определяется — «архан хүнжэл» — меховое одеяло, «хүбэн хүнжэл» — ватное одеяло, «улаан торгон хүнжэл» — красное шелковое одеяло, «сагаан торгон хүнжэл» — белое шелковое одеяло.

В некоторых юролах, посвященных девушке, выходящей замуж, затрагивается проблема ее равноправия как среди своих родных, так и на родине мужа, о чем в определенной мере свидетельствует такое благопожелание:

Тэндээ тэгшэ,
Эндээ эрхэтэй ябаарай.
(Инв. № 2840 (3)).

И там, и здесь
равноправной будь.

Не всегда свадебные юролы начинаются с конкретного обращения к жениху, невесте и их родителям. На свадьбе большой популярностью пользуются юролы общего характера:

Найрлахан газарта
Нара ногоон ургажа байгуужан,
Хүбшэргэйлхэн газарта
Хүхэ ногоон ургажа байгуужан.
(Инв. № 2840).

На земле, где пировали,
Пусть золотистая трава растет.
На месте нашего веселья
Пусть зеленая трава растет.

Түрээ хэхаан газартатнай
Түхэрээн наран мандаг,
Түрээ хэхаан басаган
Тэгшэ дүүрэн жаргаг.
(Инв. 3404).

Там, где свадьбу мы сыграли,
Пусть солнце круглое восходит.
Девушка, сыгравшая свадьбу,
Пусть счастье полное найдет.

Желая молодоженам светлой и радостной жизни, юролчины часто обращаются к образу солнца, с благотворными лучами которого буряты связывали все самое хорошее:

Арбан табанай һара шэнги
талмайран ерэ,
Алтан шара наран шэнги
мандан ерэ,
Хуһан ургаяа шэрэн ерэ,
Хун сагаанаа туун ерэ²⁵.

Полнолунию подобной приди,
простираясь,
Приди, озаряя, как солнце
золотистое,
Приди с березовым шестом,
Пригони свой (скот) белоснежный.

Родители, родные, благословляя своих детей, вступающих в брак, желают, чтобы солнце всегда их согревало своим теп-

лом, чтобы их жизнь была такой же светлой и яркой, как солнечные лучи:

Наран шэнги мандажа,
Нархан шэнги халбаржа
ябахатнай болтогой!

Как солнце сияйте и цветите
Расцветайте, как сосна.

На старинной бурятской свадьбе совершалось очень много обрядов, наполненных символики. Так, у баргузинских бурят было принято преподносить невестке вареную грудинку. При чем подносят ее как детскую люльку, положив туда завернутый брюшной жир, символизирующий ребенка в пеленках. При этой церемонии обычно говорят:

Ханшараа лунажа,
Хабхана мантайхаш болтогой.

Раздайся вширь,
Пусть расширятся ребра.

В отличие от юролов, содержащих конкретное пожелание молодоженам — иметь столько-то дочерей и сыновей, воспитать таких-то детей, здесь все — и почетное угощение и сопровождающее его благопожелание — дается в символической форме, что говорит не только о многообразии бурятских благопожеланий, но и о богатстве творческого мастерства юролчинов.

Сватам на свадьбе подносили вареную баранью голову («төөлэй»). Раньше, по-видимому, почетным гостям, особенно сватам, преподносили лошадиную голову. Об этом свидетельствуют некоторые традиционные юролы, песни:

Адууни толгой задаржа,
Анханай түрэ бүтэбэ,
Хониной толгой задаржа,
Хуушан түрэ бүтэбэ.
(Инв. № 2697 (4)).

Лошадиную голову раскрыли —
Старинную свадьбу справили,
Баранью голову раскрыли —
Давнишнюю свадьбу сыграли.

Постепенно уходят в прошлое некоторые детали старинной бурятской свадьбы. Происходят изменения и в церемониях угощения гостей. В наше время в качестве почетного блюда, преподносимого гостям, используют вместо лошадиной головы баранью. Сваты в свою очередь принимают это почетное блюдо и обязательно посвящают хозяевам юролы:

Хээээшхэ хони алажа,
Хубсар дэлгэжэ байгты,
Тогоо нэрэжэ,
Толгой шанажа байгты.
(Инв. № 96).
Хонинтай олон болжо,
Хубсартнай үргэн
болжайг.
(Инв. № 96).

Овец всегда забивайте
Да коврик из шкур расстилайте,
Ставьте котел для вина
И голову варите.

Пусть овец у вас будет много,
Пусть коврик из шкур становится
шире.

В обоих вариантах упоминается коврик. Пожелание, чтобы коврик стал шире, символизирует расширение семейства.

Сваты, удостоенные на свадьбе почетного блюда, в своих юролах придерживаются в основном свадебной темы:

Хонни толгой баряжи,
Худа анда орожи,
Хуушан түүхээ заньядажи
байл даа.

Толгой төөлэй баряжи,
Түрүүши түүхээ заньядажи,
Торок номо холбожо байл даа.
(Инв. № 208).

Түүхэмнай олон боложо байг,
Төөлэйнай зузаан боложо байг.
(Инв. № 3404).

Төөлэйнай эдитэй,
Түрхэмүүднай юрөөлтай байг.
(Инв. № 3404).

Стали сватами,
Баранью голову держим,
Историю давнюю укрепляем.

Голову — төөлэй держим,
Прошлую историю соединяем.

Пусть история наша станет богаче,
Пусть төөлэй станет больше.

Пусть төөлэй будет с наваром,
Пусть сваты будут с юролами.

Из множества юролов этого цикла приведено лишь несколько. Они свидетельствуют о том, что юролчики свои благопожелания непременно связывают со смыслом торжества, с церемонией подношения гостям почетного блюда.

Границы между свадебными юролами, условно разделенными на группы, весьма подвижны. Они обладают возможностью взаимопроникновения. Многие компоненты юрала одной группы могут быть органической частью благопожеланий другой группы в различных ситуациях или в исполнении разных лиц. Но это вовсе не значит, что в них нет стержневого узла, или ядра или таких существенных признаков, по которым определяется тематическая принадлежность юрала к той или иной группе. Многие тексты даны в загрязненной, сложной, составной форме, состоящей из нескольких самостоятельных юролов.

Чем же объясняется такое объединение нескольких благопожеланий в одно относительно цельное народное произведение? Это, по-видимому, зависит от смысловых, художественных особенностей самих юролов, что позволяет их объединить в одно целое. Во многих случаях этот процесс бывает продиктован творческой манерой, индивидуальными особенностями юролчиков, определенная часть которых признает в основном длинные юролы. Иногда это диктуется ситуацией, различными обстоятельствами. Например, словесные состязания на разных торжествах, в том числе на свадьбе, способствуют иногда активному варьированию юролов. Этот процесс имеет определенное положительное значение, так как иногда появляются оригинальные варианты юролов с дополнительными, органически связующими составные части звеньями.

Одной из причин такого процесса, по-видимому, являются старинные свадебные традиции. Известно, что раньше на свадьбах специально приглашали старика-юролчина, который должен был три раза благословить молодых. Функция, возложенная на старика-юролчина, была очень ответственная. Поэтому

обычно старались выбрать такого старика, который знал юролы и умел их произносить. Каждый старик-юролчин старался хорошо исполнить свой долг и, естественно, не мог ограничиться каким-то лаконичным благопожеланием. Это, вероятно, способствовало преднамеренному объединению нескольких взаимодополняющих друг друга юролов в единое целое.

Для современного бытования юролов тоже характерно наличие такого рода контаминированных благопожеланий. Наряду с ними активно живут и относительно самостоятельные их звенья, известные в народе в обособленном, лаконичном своем бытовании.

В отличие от традиционных свадебных особенностей, заранее определяющих старика-благословителя или нескольких лиц в качестве юролчинов, в настоящее время каждый преподносящий жениху и невесте подарок посвящает им юролы. Причем содержание традиционных юролов существенно изменяется, наполняется новыми элементами, обусловленными изменившейся действительностью.

Несомненно, есть какие-то различия в свадебных обрядах бурят, разделенных территориально. Поэтому невозможно утверждать, что благопожелания приведенных выше групп связаны с такими именно конкретными церемониями, которые идентичны у всех бурят. В свадебных обрядах даже улусные традиции могут играть большую роль. Тем не менее ясно одно: бурятская свадьба не обходилась без благопожеланий. Причем благопожелания, особенно традиционные, записанные в разных местах и разными собирателями, по основному своему содержанию и смыслу совпадают.

СОВРЕМЕННЫЕ БЛАГОПОЖЕЛАНИЯ

Наша эпоха характеризуется бурным развитием науки и техники. «Основоположники марксизма-ленинизма неоднократно указывали, что коммунизм и наука неотделимы, что коммунистическое общество будет обществом, обеспечивающим полное раскрытие способностей всех своих членов и полное удовлетворение их высокоразвитых потребностей на основе высших достижений науки, техники и организации. Как для победы коммунизма необходимо максимальное использование возможностей научно-технической революции, так и научно-техническая революция нуждается для своего развития в дальнейшем совершенствовании социалистических общественных отношений и их постепенном перерастании в коммунистические»²⁶.

Научно-техническая революция, ставшая одним из ведущих факторов на современном этапе развития нашего общества, оказывает огромное влияние на все сферы человеческой жизни, в частности на художественную культуру. Многие ее стороны затрагиваются в литературе и искусстве, в произведениях

устной поэзии, особенно в ее малых жанрах, признанных наиболее гибкими, отзывчивыми в восприятии новых элементов и явлений в жизни человека.

Произведения устной поэзии бурятского народа в общем русле современных фольклорных творений в своеобразной художественной форме воспевают крупнейшие научно-технические достижения в нашей стране — в первом в мире государстве трудящихся.

Народ, умело подбирая формы и средства выражения, прославляет самоотверженный труд ученых, изобретателей, конструкторов, отмечает их успешные исследования, открытия, эксперименты в области ракетостроения и космонавтики, в освоении и изучении космического пространства.

Тема космоса, занявшая одно из центральных мест в современной жизни людей, находит оригинальное освещение в произведениях устной словесности бурят. В народе созданы различные песни, затрагивающие некоторые аспекты этой темы. Особенный интерес представляют среди них песни о полете в космос Юрия Гагарина и Германа Титова:

Огторгой уудамхан

гээшэмнай

Олиггүй холо гэдэг аад,
Орожо ерэхэ харгы замые
Орёжо нээхэн Юрий Гагарин.
Замбуулин дайда гээшэмнай

Говорят, безгранична небесная

ширь

И весьма далеко до нее,
Но дорогу впервые нашел и открыл
И познал ее Юрий Гагарин.
Широка и привольна вселенная

наша,

Захагуй үргэн гэдэг аад,
Зүблэлтын хүлэг «Востоогоороо»
Жолоодон тойроһон Герман

Безгранична она, говорят,
На «Востоке» — советском хулэке
Облетел ее Герман Титов.

Титов²⁷.

Наряду с конкретными именами космонавтов и реальными элементами, характеризующими понятия и представления людей о вселенной, космических далях, в песне фигурируют традиционные фольклорные штрихи и компоненты. Так, космический корабль «Восток» называется в данной песне «хулэком» — аргамаком, который воспет почти во всех жанрах бурятского фольклора. С большой любовью говорится в песне о подвиге летчика-космонавта, Героя Советского Союза Ю. А. Гагарина, «первопроходца звездных трасс», впервые в мире совершившего полет в космос.

Тематически перекликаются с песнями этого цикла юролы, созданные о первом космонавте. Не вдаваясь в конкретные детали полета Ю. Гагарина, многие юролы подчеркивают его мужество и храбрость, смелость и отвагу, глубоко затронувшие умы и сердца людей всей планеты. Например:

Замда торонгуй ябаха
Зээрде моритой байгты,
Замбуулиннай оньһо мэдэхэ
Зоригтой, Гагариндлин хүбүүтэй

бологты¹²³

В пути преград не знающего
Коня имейте рыжей масти,
Загадки космоса раскрывающего
Сына имейте храброго, как

Гагарин.

Урилдаанда гараха
Ульгам хайн моритой,
Огторгойдо гараха
Гагариндли зүрхэтэй хүбүүтэй
болооройт!²⁹

Выигрывать скачки —
Хорошего коня имейте,
Полететь в космос —
Смелого, как Гагарин, сына
имейте.

Некоторые благопожелания этой тематической группы генетически восходят к традиционным юролам. Фактический смысл традиционных юролов в новой интерпретации не подвергается существенному изменению. И в ранних и в современных вариантах содержится пожелание людям иметь хорошего сына. Только в новом варианте юрала в качестве такого идеала называется конкретное имя космонавта:

Галабта дуулдаха басагатай
болооройт,
Гагариндли хүбүүтэй
болооройт!³⁰

Пусть у вас будет прославленная
на весь мир дочь,
Пусть родится сын, как Юрий
Гагарин.

Не менее популярны благопожелания, посвященные первой женщине космонавту Валентине Николаевой-Терешковой:

Түхэрээн шара наран
Тэнгэрийн зохёожо байг,
Терешкова адли шанга басагад
Тиригмэйтнай зохёожо байг!³¹

Круглое желтое солнце
Пусть небо украсит,
Смелые, как Терешкова, девушки
Пусть улус ваш прославят.

Многие благопожелания этого цикла утверждают мысль о том, чтобы подвиг Валентины Николаевой-Терешковой неизменно нашел последователей среди женщин:

Хүбүүнтнай далайда тамаржа
байг,
Басагантнай космосто хүрэжэ
байг.

Пусть сын ваш плавает по
морю,
А дочь полетит в космос.

(Инв. № 3157).

Разумеется, в архаических юролах бурят не могло быть таких конкретных пожеланий, призывающих людей к достижению подобных высот. На данном же этапе развития нашего общества, в период подъема и расцвета науки, техники, культуры, образования такие юролы воспринимаются как реальные, жизненные, вполне осуществимые.

При Советской власти буряты, как и другие народы нашей необъятной страны, обрели счастливую возможность по своему призванию выбирать профессию, учиться и обучать детей в разных учебных заведениях. С каждым годом растет число местных специалистов высшей квалификации: ученых, инженеров, врачей, учителей, агрономов, летчиков и т. д.:

Үһэнтнай ургажа байг,
Үбдэгтөө туласа ургажа байг.
Үхибүүдтнай нуража гараад,
Үшйтэл, агарном боложо байг!³²

Пусть растут ваши волосы,
Пусть до колен ваших растут,
Пусть дети ваши выучатся
И станут учителями, и агрономами!

Юрол по своей форме напоминает популярные у эхиритских бурят песни-четверостишия. Поэтому нередко это благопожелание передается в песенной форме. Тематически перекликаются с приведенным юролом благопожелания в исполнении тункинских сказителей:

Баабайн гэртэ
Багша басаган түрэг.

Иибийн гэртэ
Инженер хүбүүн түрэг³³.

В отцовском доме
Пусть родится дочь
учительница,
В материнском доме
Пусть родится сын инженер.

Первые две строки данного благопожелания и вторые две строки аналогичны по своему построению. Близки они и по своему содержанию. Довольно часто юролчины подобные пожелания облачают в более сложную словеснопоэтическую форму:

Үндэр ехэ тэнгэр доро
Үргэн ехэ дэлхэй дээрэ
Үндэр ехэ бээтэй боложо,
Үргэн ехэ сээжэтэй боложо.
Эрдэм номыс шодолжо,
Олоной түрүү болжо,
Олон газараар ябажа,
Улад зоноо ударидажа,
Багша болохо болтогой³⁴.

Под высоким огромным небом,
На привольной широкой земле
Будьте высокими, здоровыми,
Пусть грудь ваша будет широкой.
Займитесь наукой, учитесь,
Будьте всегда впереди,
В разных местах побывайте,
Народом своим управляйте,
И будьте учителями.

Человек должен стремиться стать полезным обществу, быть организатором своего коллектива, должен обязательно учиться и получить образование — это основная мысль, которую утверждает юролчин в данном благопожелании.

Многие благопожелания акцентируют внимание на творческих возможностях людей, которые являются активными строителями новой жизни. Современные люди не только очевидцы, а прежде всего непосредственные участники хозяйственно-экономических, социально-политических и культурных преобразований, происходящих в наши дни, они твердо верят в значительные перемены в будущем. Поэтому смысл таких пожеланий обретаёт для них особую значимость.

Во многих современных юролах бурятского народа счастье, благополучие людей передается в органической связи с родными просторами Бурятии, Байкалом, с Родиной, красота и величие которой являются предметом воспевания в произведениях народного творчества. Например:

Байгал номин далай шэнги
Оёорһоо тунгалаг,
Бархан үндэр уула шэнги
Орьёлһоо тунгалаг,
Буряад оронойнгоо гал гуламта
Бата бэхээр түлээд,
Дааган морёо һүүлдэжэ,

Будьте, как лазурное озеро
Байкал,
Прозрачное до дна,
Как высокая гора Баратхан,
Светлая, чистая с вершины,
Огонь в очаге родной Бурятии
Надежно и верно зажгите.

Дархан солоёо нэрлүүлээд,
Хоймороор дүүрэн аша үринэрээ
Холын замда зориулаад,

Хотоор дүүрэн адуу малаа
Хоолой дээжээр үдхээд,
Тала нуга илгэдгүй
Таряа будаа надхуулаад,
Энхэ найхан орондоо
Эрдэм бэлгээр түгэлдэр
Эзэн болон жаргахатнай

болтогой!

(Инв. № 3209).

Держите за хвост лончака,
Прославьте имя кузнеца.
Детей и внуков, которыми
полон хоймор,
В дальний путь провожайте.
Полный двор скота
На лучшем корме содержите.
Со всех полей и лугов
Богатый урожай снимайте.
Успешно овладевайте знаниями
И будьте счастливыми хозяевами
Прекрасной родины своей!

Данное благопожелание, как и другие юролы этого цикла, в своеобразной форме отмечает возросший уровень жизни бурятского народа. Не случайно юролчин упоминает о далеких краях, куда ныне родители провожают детей на учебу или на работу по избранной специальности.

Для выражения современной жизни бурят юролчины умело используют традиционные формы, примером чего может служить и анализируемое благопожелание. В его художественную канву очень умело вплетены устойчивые обороты, изречения, колоритные сравнения.

Выразительность звучанию придают удачно подобранные юролчином эпитеты, парные слова, оригинальные глагольные выражения.

В репертуаре бурятских сказителей бытует немало благопожеланий такого характера, где говорится не только о благополучии какого-то конкретного человека и его семьи, но и о счастье родного колхоза, села, области или республики:

Тракторнай тарьяжа,
Тарай ногоомнай ургажа байг!
Колхознай баян боложо,
Хони хурьгашын үдэжэ байг!
Хадаараа дүүрэн хашарагтай,
Боорёороо дүүрэн буруутай

болог!

Ялагаар дүүрэн ямаатай
Яланхаяар дүүрэн алтатай

болог!³⁵

Пусть трактор гремит
И растет урожай!
Пусть колхоз богатеет,
Пусть будет много овец!
По гористым местам
Пусть двухлеток-телков будет

много!

А в лощинах полно будет коз,
Пусть золотом полнятся

блюдца!

Характерно то, что часто юролчин, начиная свой юрол с добрых пожеланий трудовому коллективу, где человек работает и живет, переходит к пожеланиям каждой конкретной семье, не называя имен. Например:

Колхоз, совхознай баяжаад,
Хоёр миллион доходтой боложо,
Газаа бэритнай машина орожо,

Гэртэтнай телевизор дуугаржа

байг!³⁶

Пусть колхоз наш, совхоз
богатеют,
Два миллиона дохода имеют,
В каждом дворе пусть машина
стоит,

А в доме телевизор пусть
будет!

Благопожелания последовательно и убедительно утверждают, что человек свои интересы должен уметь подчинять требованиям и нуждам общества, должен жить и трудиться на благо своего народа, придерживаться традиций, норм и правил, установленных в коллективе:

Үндэр ехэ гүбээрдээ
Үнтэй эрдэмээ нуража ерыштаа,
Хангай ехэ гоородтоо
Һананан эрдэмээ дүүргэжэ ерыш,
Улаан Армияа дүүргэжэ
Олон зондоо нэрэтэй боложо
Совезд хуулидаа баталамжатай
Урдаа угталгатай болоод,
Үбсүүндээ алтан медаль зүүжэ
Хүнэйдли хүн боложо,
Хүлэгэдли ёроо болоорой!

Хүндэ хэлүүлээбой,
Нохойдо хусуулаабой ябаарай!
Хүн зондоо туналжа,
Ходо хүндэтэй ябаарай!
(Инв. № 1606).

Ногоон соогуур ябаарай,
Нохойн торотог байхашгой,
Номогоор даруухаар ябаарай,
Шамда зэмэ байхашгой³⁹.

Благопожелания призывают человека не только идти по проторенной дороге своих предшественников, но и стремиться выйти вперед, стать организатором, повести людей за собой:

Хонгор жалгайн адагта
Хорин гэрэй түрүү боло,
Нам жалгайн адагта
Найман гэрэй түрүү боло⁴⁰.
Түмэн айлай түрүү боло,
Мянган айлай магнай боло.

В большом городе
Ценность науки постигни,
В крупном городе
Задуманную учебу пройди,
В Красной Армии служи,
В народе славу обрети,

В Стране Советов
Почетной встречи заслужи,
Вернись с медалью золотой.
Стань человеком, достойным
Будь инходцем, достойным

Чтобы люди не осуждали,
Чтобы собака не лаяла.
Служи народу своему
И будь всегда в почете!

По траве ты ходи,
Не будет нечистей собачьих,
Будь спокойным, учтивым,
Виноватым нигде ты не будешь.

На окраине привольной долины
Будь ведущим двадцати домов,
На окраине тихой долины
Стань ведущим восьми домов.
Стань ведущим десяти тысяч айлов,
Будь ведущим тысячи айлов.

Доброе пожелание человеку — стать умелым организатором и руководителем, видным общественным деятелем юрлчины сумели выразить в символической форме, удачно используя определенные числовые понятия. Не всегда исполнители благопожеланий прибегают к такой несколько завуалированной форме. Во многих юролах дается конкретное выражение этой мысли:

Улаан торгон хүнжэл доро
түрэнэн хүбүүншни
Улаан Армие ударидаха
хүбүүн болог!
Хүхэ торгон хүнжэл доро
түрэнэн хүбүүншни

Сын, родившийся под красным
шелковым одеялом,
Пусть в Красной Армии
послужит!
Сын, родившийся под красным
шелковым одеялом,

Коммунис партиаа ударидаха
хүбүүн болог!
Хурьгани архан соо түрэнэн
хүбүүншни
Хуули засаг бариха хүбүүн болог!
(Инв. № 2868).

Пусть партийным деятелем будет!
Сын, родившийся под овчинным
одеялом,
Представителем власти пусть
станет!

В некоторых вариантах благопожеланий этой тематической группы бывают названы конкретные имена ведущих партийных и правительственных деятелей, например:

Боори бүгэлмэ буруутай боложо байг,
Брежневэй хабада хүбүүд түрэнэ байг.
Хада бүгэлма хашарагтай олон боложо байг,
Косыгинай хабада хүбүүд гаража байг.
(Инв. № 3157).

Пусть телков будет много,
что горы закроют,
Пусть рождаются такие
сыновья, как Брежнев.
Пусть бычков будет много,
что горы закроют,
Пусть рождаются такие сыновья,
как Косыгин.

Большой популярностью в народе пользуются такие благопожелания:

Сэргэндээ уяха моритой болоорой,
ЦК-да хүдэлхэ хүбүүтэй болоорой⁴¹.
ЦК-да нууха хүбүүтэй болооройт,
Нарада гараха басагатай болооройт,
Шубуундал мэргэн хүбүүтэй болооройт.
(Инв. № 3157).

Пусть будет конь у вас, чтоб
привязать к сэргэ.
И родится сын, который будет
работать в ЦК.
Пусть у вас родится сын, который
будет членом ЦК,
Пусть родится дочь, которая
полетит на луну,
Пусть родится сын, метко
стреляющий.

Отдельные юролы состоят из нескольких звеньев-двустий, почти однотипных по своему построению, очень близких по содержанию. Каждое двустийе представляет собой как бы самостоятельное и законченное по смыслу выражение — благопожелание. Однако в единой контаминированной форме они взаимодополняют друг друга, и сам юрол обретает внушительное звучание. Например:

Нарада гараха хүбүүтэй болооройт,
Найдуудаар зугаалха басагатай болооройт,
Космосто гараха хүбүүтэй болооройт,
Харине зохёохо басагатай болооройт.
Цекада нууха хүбүүтэй болооройт,
Сэбэр найхан басагатай болооройт.
(Инв. № 3157).

Пусть родится у вас сын, который
полетит на луну,
Пусть родится дочь, которая может
с умными разговор поддерживать.
Пусть родится сын, который
полетит в космос,
Пусть родится дочь, которая
украсит чужие края.
Пусть сын у вас родится, который
будет работать в ЦК.
Пусть у вас родится красавица
дочь.

Подобных благопожеланий немало в репертуаре современных юролчинов. Довольно часто отдельные звенья, ставшие составной частью таких юролов, выступают как самостоятельные. Все определяется конкретной ситуацией, зависит от аудитории, творческого настроения самого юролчина. Подвижность текстов подобного рода благопожеланий, разнообразие формы их выражения, передача юролов в сложном или лаконичном звучании в определенной мере характеризуют живое бытование произведений этого жанра.

В юролах этой тематической группы особое место занимают благопожелания, связанные с именем В. И. Ленина — продолжателя революционного учения К. Маркса, Ф. Энгельса, создателя Коммунистической партии и Советского государства.

Коренные изменения, произошедшие за годы Советской власти в жизни людей разных национальностей и народностей, проживающих в нашей стране, произведения устной поэзии справедливо связывают с именем В. И. Ленина и Коммунистической партией. В общем русле великолепных народных творений бурятские благопожелания утверждают, что гениальные труды и дела В. И. Ленина служат верным примером для подражания:

Лекци дуудаха шадамар
басагатай,
Лениндли сэсэн хүбүүтэй
боложо байгаарайт⁴².

Пусть ваша дочь лектором
станет,
А сын будет умный, как
Ленин.

Имя Ленина в бурятских юролах тесно связано с Коммунистической партией, с ее Центральным Комитетом:

Сэргэдэ уяха хурдан моритой
боложо байгаарайт,
ЦК-да хүдэлхэ Лениндли сэсэн
хүбүүтэй болооройт⁴³.

Пусть быстрый конь у вас будет,
чтоб привязать к сэргэ,
Пусть умный, как Ленин, сын у
вас будет, чтоб работать в ЦК.

Почти во всех юролах, посвященных Владимиру Ильичу, о нем говорится как о самом мудром, умном и добром человеке на земле, которому люди будут всегда отдавать дань восхищения и признательности.

По своему содержанию и смыслу близки к бурятским благопожеланиям, созданным на эту тему, некоторые монгольские юролы. Например:

Агуу Ленинэй хэлснээр
Ардчилсан монгол улс
Ахан дүүгийн найрамдалтай
болсноос
Ажил хэргээ хөгжүүлээ...
Амьдралын сайханд хүрлээ...
Шинжлэх ухаанаа хөгжүүлээ.
Шинжилгээ судалгаа хийлээ.
Шилдэг дээд эрдэмтэдтэй
боллоо⁴⁴.

По заветам великого Ленина
Монгольская Народная
Республика
Братскую дружбу обрела,
Успехов в труде достигла,
Прекрасную жизнь построила,
Добилась расцвета науки,
Ученых своих подготовила
И крупных специалистов.

Идеи Ленина активно живут, вдохновляя трудящихся на борьбу за светлое будущее, за социальный прогресс. Поэтому произведения, созданные в народной среде, справедливо отмечают, что учение В. И. Ленина является верным компасом, надежным путеводителем в осуществлении грандиозных планов коммунистического строительства. Как и в других произведениях устной поэзии, в благопожеланиях бурятского народа образ Ленина является олицетворением всего самого прекрасного на земле.

ПОЭТИКА ЮРОЛОВ

Художественная форма бурятских юролов, их образная система обусловлены жанровым своеобразием этих произведений. Основное назначение композиции, поэтического стиля благопожеланий — как можно сжато и лаконично, но глубже и полнее выразить их идейно-эмоциональное содержание. Главная композиционная форма благопожеланий — монолог, что дает возможность юролчинам прямо и непосредственно выражать задуманные благословения и добрые пожелания. Благопожелания-монологи часто начинаются с конкретного обращения: «Хүндэтэ урагууд!» — «Дорогие гости!», «Хүндэтэ худа-худагынар!» — «Дорогие сваты и сватьи!», «Хүндэтэ бэри, хүрьгэн!» — «Дорогие невестка и зять!» и т. д.

Довольно часты в юролах обращения к хозяевам дома, например:

Зай, хайн ханаата гэрэй эжэн,
сүлтэ бүлнэртэё,

Наян наһа хүртэрөө
Найрай жаргал таһараа үгэй,
Зуун наһа хүртэрөө
Зуртын баршад үзэн үгэй,
Үе дотороо баян,
Үргэлжэ наһандаа
Сайн буужа байгты.
(Инв. № 2720).

Добрые хозяева дома и все
ваше семейство!

До восьмидесяти лет
В праздниках и веселье
проживите,

До ста лет
Невзгод и несчастий не знайте,
Богато и счастливо
Всю жизнь проживите.

Благопожелания обычно завершаются глаголами повелительного наклонения:

Үүхэндэ бү нэлээрэй,
Үгэдэ бү боогдоорой.
(Инв. № 2780 (5)).

От жира не пресыщайся,
Словам найти ответ не затрудняйся.

В данном благопожелании концовка каждой части выражена самостоятельной глагольной формой: «бү нэлээрэй», «бү боогдоорой». Однако иногда идентичные глаголы в юролах спускаются:

Олон хүбүүтэй,
Уужам тэргэтэй боло.
(Инв. № 2877).

Много сыновей,
Широкую телегу имей.

Нередко в конце благожеланий употребляются слова, закрепляющие высказанное юрлчином благословение, например, «Болтогой!» — «Пусть сбудется!»

К таким «закрепкам» юрлчины издавна прибегали, по-видимому, преднамеренно, чтобы повысить магическую действенность благих пожеланий, выраженных словесно.

В композиционном отношении многие юроры построены по принципу образного параллелизма. Первая параллель представлена в основном деталями окружающей человека действительности, а вторая — касается непосредственно человеческой жизни.

Первая часть, имеющая символическое значение, создает определенное настроение для восприятия следующей параллели, наполненной жизненным содержанием:

Үрхёор гарахан унин
Огторгойдо тулажа байг,
Үүдээр оролгон үбгэд
Үрөөрөө үгэжэ байг⁴⁵.

Дым, выходящий через дымоход,
Пусть доходит до небес,
Старики, входящие в дверь,
Пусть всегда благославляют
вас.

В благопожеланиях бурятского народа часто используются синтаксические параллелизмы и различные повторы, выполняющие ту или иную художественно-выразительную функцию. Для многих юролов характерно повторение отдельных слов, оборотов, что способствует усилению эмоционально-смыслового значения благопожеланий:

Тазар хотоймо малтай,
Гуламта хотоймо аша
үритэй болоорой.
(Инв. № 2868).

Пусть скота будет много, чтоб
 земля прогибалась,
Пусть детей и внуков будет
много, чтоб очаг сгибался.

В данном благопожелании повторяется слово «хотоймо», органически вплетенное в художественную ткань каждой из его основных частей. Использование повтора здесь по-своему обогащает силу его выразительности, усиливает смысловую нагрузку благопожелания.

Юрлочкины преднамеренно прибегают к повтору. Во многих случаях повторяющиеся слова являются как бы критерием, определяющим то, что желают человеку:

[illegible]

Пусть в загоне будет полно овец,
Пусть на хойморе будет полно детей,
Пусть в степи будет полно скота.

Довольно часто повторяются и глаголы, которыми обычно завершается каждая часть юрала. Например:

Будь удостоен благословений
огромного неба.
Будь удостоен благопожеланий
всех людей.

Формы повторения в юралах разнообразны: они могут носить свободный характер, то есть слово или сочетание подается каждый раз в новом контексте; могут иметь устойчивую структуру. Закономерно одно: все повторы обусловлены стремлением юрочников акцентировать, выделить определенную мысль, остановиться на каких-то конкретных деталях.

Сэсэг шэнги сэсэглэгты,
Набшалан шэнги намаалагты.
(Инв. № 2754).

Расцветайте, как цветы,
Раскрывайтесь, как листья.

Наран шэнги мандажа,
Набша сэсэг шэнги дэлгэржэ
 хуугаарай.
(Инв. № 2868).

Будь, как солнце восходящее,
Процветай, как листва и
цвѣты.

Арбан табанай нарадал
Талмайран жарга,
Атар газарай ногоондол
Халюуран жарга.
(Инв. № 2754).

Подобно полнолунию,
Пусть счастье простирается,
Как трава на земле благодатной,
Пусть счастье переливается.

Буга шэнги ута наһатай,
Буха шэнги бүдүүн хүзүүтэй
 болоорой.
(Инв. № 2868).

Долго проживи, до возраста
изюбра,
Пусть шея будет толстая, как
у быка.

184

Хайр шэнги олон адуутай,
Хашархан шэнги олон мүнгэтэй
болоорой.
(Инв. № 2868).

Пусть скота, как песчинок,
будет много,
Пусть денег, как чешуек, будет
много.

В некоторых вариантах эти сравнения включаются в состав сложного определения:

Хашархан сагаан мүнгэнэй
Эжэн боложо жаргагты,
Хайр сагаан адуунай
Эжэн болон жаргагты.
(Инв. № 2754).

Будьте счастливым хозяином
Множества денег серебряных,
Станьте хозяином счастливым
Белого табуна многочисленного.

Сравнительные обороты в благопожеланиях строятся в основном с помощью вспомогательных слов «шэнги», «адли»:

Хададал адли үндэр боло,
Хартаабхадал адли олон боло.
(Инв. № 2754).

Становись выше, как гора,
Многочисленным будь, как
картофель.

В разных местах в качестве вспомогательных компонентов, выполняющих сравнительную функцию, юролчины используют различные слова. Например, «зэргэ», «зэргэйн» в юролах ольхонских бурят, «зангаар» — в благопожеланиях боханских бурят:

Толгойн зэргэ тоһо асараарайт,
Тохоное зэргэ хубуу асараарайт.
(Инв. № 2979).

С голову масло достаньте,
С локоть сына родите.

Хараасгайн дуугаар бодооройш,
Хатан зангаар нуугаарайш.
Бульжамуури дуунаар бодооройш,
Бэрэ зангаар нуугаарайш.
(Инв. № 1606).

С пением ласточки вставай,
Как ханша, живи.
С пением жаворонка вставай,
Как невестка, живи.

Уместно используемые сравнения делают речь юролчинов образной и яркой, способствуют живому восприятию благопожеланий, усилению их эмоциональной окраски.

В образной системе благопожеланий значительное место занимают эпитеты, в качестве которых используются различные части речи: прилагательные, существительные, глагольные формы. Юролчины нередко прибегают к сложной форме художественных определений:

Ябадал хайта морьтой,
Яргал хайта хубүүтэй болоорой⁴⁶.

Хорошего коня
И счастливого сына имей.

Эти сложные определения вполне заменимы одиночными эпитетами «хурдан», «яргалтай» и т. д. Тем не менее юролчины часто прибегают к таким эпитетам, которые по-своему обогащают благопожелания в смысловом и эмоциональном отношении:

(ИНВ. № 1606).

наперстком.

Существительные «хүбүүтэй», «басагатай» определяются сложными эпитетами «гуран гуйтай», «гуули хурабшатай», которые тоже можно разложить на определения и определяемые слова. «Гуйтай» определяется эпитетом «гуран», «хурабшатай» — художественным определением, указывающим на один из признаков данного предмета «гуули». Используемые юрочинами в таком сочетании как эпитеты, они с наибольшей наглядностью подчеркивают характерные особенности, присущие определяемым предметам.

Часто употребляют эпитет «сагаан» — белый:

(ИНВ. № 2720).

Белоснежных овец своих
пригони

В первой части благопожелания эпитет «сагаан» употребляется с уточняющим определением «хуһан», указывающим на материал, из которого сделан предмет; во второй части этот эпитет дается с усилительным словом «хун», что придает звучанию юрала дополнительные поэтические краски.

Повторные эпитеты также нередко используются творцами благопожеланий:

Үргэн ехэ сээжэтэй

бологты⁴⁷.

Пусть грудь будет широкой,
огромной.

В данном юрале через строку повторяются определения «үндэр ехэ», «үргэн ехэ». Причем они определяют разные понятия. В первой стихотворной строке определение «үндэр ехэ» характеризует небо, а в третьей — служит эпитетом, определяющим человека. То же самое можно сказать и об эпитете «үргэн ехэ», употребляемом в одинаковом значении во второй и четвертой строках. В одном случае этот эпитет служит определением земли, в другом — относится к человеку. Это, по-видимому, осознанный прием юролчинов с целью добиться тождественной близости в восприятии понятий «высокое небо» — «высокий человек», «широкая земля» — «широкая грудь человека». Такие эпитеты удивительны не только по способу выражения, но и по силе эмоционального воздействия.

В благопожеланиях встречаются эпитеты с синонимическим значением:

Хилэнсэггүй амагалан
Хирэгүй тунгалаг суу.
(Инв. № 2754 (3)).

Безгрешным, безмятежным,
Чистым и честным будь.

Здесь нет буквального повторения эпитетов, но они близки по своему смыслу. Основное значение эпитетов каждого ряда совпадает, разница заключается лишь в оттенках. Разнообразные эпитеты, употребляемые юролчинами, делают речь экспрессивной, эмоциональной. Они придают звучанию благопожеланий выразительность, яркость, повышают силу их эстетического воздействия.

Прием художественного преувеличения используется юролчинами для того, чтобы подчеркнуть основной смысл, идею рассказываемого. Например:

Гал хотойсоро тогоо нэрэжэ,

Перегоняй архи, чтоб очаг
сгибался,

Газар хотойсоро адаһа
үдхөөрэй.

Разводи скот, чтоб земля
прогибалась.

(Инв. № 1606).

Нарин голи насинсара

Будь хозяином восьмидесяти
лошадей,

Ная адууни эжэн боло.

Чтоб (под ними) узкая долина
сгибалась.

(Инв. № 1606).

Уместно использованные гиперболы усиливают нужное впечатление, подчеркивают то, что хотел выделить юролчин.

А вот прием обратной гиперболы в благопожеланиях:

Аргаадхаар харбаха хүбүүтэй,
Аягаяа угаалгаха басагатай
болооройт⁴⁸.

Родите сына, чтоб стрелял
из рогатки,
И дочь, чтобы мыла чашки.

Преднамеренно используя прием художественного преувеличения или преуменьшения и при этом не нарушая правдоподобия изображаемого, юролчины добиваются желаемого результата.

Одним из выразительных средств благопожеланий является синекдоха. Наиболее распространенные ее виды в бурятских юролах — употребление части явления в значении целого и целого в значении части. Например:

Найман сагаан хүбүүнэй
Хүйһэ барижа жаргаарай.
(Инв. № 2868).

Будь счастлив, держа пуповины
Восьмерых белых сыновей.

Обычное пожелание — иметь восьмерых сыновей в данном варианте юролчины сумели передать в несколько необычной форме, что придает звучанию благопожелания большую выразительность.

Как и во многих других жанрах бурятского фольклора, в юролах отдельные слова, выражения употребляются в переносном значении:

Булад сагаан шүдээ
Богоһодоо зоогоорой,
Буурал сагаан толгойёо
Аша гушадаа орсёорой.
(Инв. № 1606).

Крепкие белые зубы
Зарой под порогом,
Седовласую голову
Внукам и правнукам оставь.

Под седовласой головой подразумевается в данном юроле ум, мудрость, жизненный опыт старшего поколения, отцов и дедов, передаваемые молодым, их детям. Эпитет «булад» может быть воспринят как в прямом, так и в переносном смысле.

В живом общении, в разговорной речи буряты часто употребляют одни и те же слова в прямом и переносном значении, прибегают к различным сравнениям, сопоставлениям. Эта особенность не могла не отразиться на поэтической речи юролчинов:

Үндэр тэнгэрийн үүдэндэ
хүрөөрэй,
Үргэн дайдын хормойдо
хүрөөрэй⁴⁹.

Доберись до двери неба
высокого,
Дойди до основания широкой
земли.

Метафорические образные формы «тэнгэрийн үүдэн», «дайдын хормой», основанные на определенном сходстве, усиливают эмоциональный накал данного юрала. Подобные примеры являются свидетельством того, что юролчины привычные фразы умело заменяют образными выражениями, которые достигают высокой поэтической красоты.

Большой популярностью в юралах пользуется прием уподобления живому существу:

Тахал үбэй таряан дээрэ,
Нойр үбэй ногоон дээрэ
ябаарайш.
(Инв. № 1606).

Пусть урожай твой недуга не знает.
Пусть трава не знает сна.

«Нойр», «тахал», присущие живым существам, животным и человеку, в данном благопожелании относятся к растениям. Метафоры, образованные по принципу олицетворения, придают юралам исключительную выразительность.

Одним из колоритных и выразительных средств благопожеланий является антитеза, при помощи которой создается живое и зримое сопоставление отдельных предметов и явлений. Преднамеренно используя контрастные картины и образы, творцы и исполнители юролов достигают большого эмоционального эффекта:

Эртэ бодожо,
Орой унтаж ябаарай.
(Инв. № 2840).

Рано вставай
Да поздно ложись.

Обычное пожелание — быть добросовестной и трудолюбивой хозяйкой — юролчины подают в такой художественно-действенной форме.

В следующем примере обнаруживаем слова с синонимическим значением «гасалангүй», «зоболонгүй»:

Газаагаа гасалангүй,
Зосоогоо зоболонгүй яба.
(Инв. № 2754).

Без внешних препятствий,
Без внутренних тревог живи.

В обеих частях благопожелания выражена идентичная мысль, причем в очень лаконичной, но емкой и выразительной форме. Отдельные варианты бывают построены по принципу антитезы:

Нахир газартнай малаар
дүүрэжэ,
Намтар гэртнай үхибүүдээр
дүүрэг лэ.
(Инв. № 2840).
Үүдэн хүрээтнай малаар
дүүрэг,
Үндэр гэртнай үхибүүдээр
дүүрэг⁵⁰.

В низине вашей пусть скота
будет полно,
В низеньком вашем доме пусть
детей будет полно.
Во дворе вашем пусть скота
будет полно,
В высоком вашем доме пусть
детей будет полно.

Разумно используя слова с противоположным значением «үндэр»—«намтар», юролчины создали очень близкие по своему содержанию, но разные по звучанию юролы. Это в определенной мере свидетельствует о том, что антитеза не только усиливает эмоциональную впечатляемость благопожеланий, но и способствует рождению его новых вариантов.

В благопожеланиях бурят в своеобразной интерпретации юролчинов встречаются отдельные понятия, образы, названия, характерные для эпических произведений народного творчества. Известно, что в произведениях героического эпоса бурятского народа часто упоминаются «сүн далай»—молочное озеро или море, «Сүмбэр уула»—гора Сумеру. Эти понятия органически вплетаются в художественную канву отдельных благопожеланий:

Сүн далай шэнги ундатай,
Сүмбэр уула шэнги хүртэй
болоорой.
(Инв. № 2868).

Будь с питьем, как море молочное,
Будь величественным, как
гора Сумеру.

Молочное море и гора Сумеру в настоящем благопожелании являются символами изобилия и величия.

В некоторых юролах упоминаются популярные в улигерах названия Алтай, Хүхэй:

Хүхэй хүбшын модоор
Хүрэнгэйн бүлүүр хээрэй,
Хүрэн бухайн архаар
Һаба һуулга оёорой.
Алтай арын модоор

Из дерева таежного Хухэя
Сделай мутовку для молочного
напитка.
Из кожи бурого быка
Сделай кожаный сосуд.
Из дерева с севера Алтая

Аарсын бүлүүр хээрэй,
Алаг бухайн архаар
Наба нуулга хээрэй.
(Инв. № 2868).

Сделай для арсы мутовку.
Из кожи пестрого быка
Сделай кожаный сосуд.

На возникновение благопожеланий с некоторыми улигерными фрагментами, по-видимому, определенное влияние оказывают богатая эпическая традиция, особенная популярность в народе отдельных улигерных образов, терминов, географических названий, имен. В юролах встречаются популярные в шаманских призываниях, мифах, легендах и преданиях имена Буха-нойона и Будан хатуна:

Буха ноён эсэгээ
Бойногто шургатугай,
Будан хатан эхээ
Умайдан шурган ирэтэгэй.
(Инв. № 1606).

В войле Буха-нойона отца
явись,
В утробе Будан-Хатун матери
явись.

О художественном единстве жанров и их взаимопроникновении говорит наличие различных пословиц в благопожеланиях:

Хулын дүрөөдэ хүрэг,
Гарын ганзагада хүрэг.

Пусть ноги до стремени дойдут,
А руки — до тороки.

Данное афористическое выражение с определенной формой повелительного глагола в конце становится органической частью некоторых сложносоставных юролов.

При общности формы, поэтических средств в бурятских благопожеланиях прослеживаются и некоторые специфические особенности их использования каждым юролчином, так как юролы почти всегда импровизируются на основе определенных элементов поэтики. Юролчины не могут быть простыми передатчиками установившихся, утвердившихся в народе текстов. В зависимости от ситуации, аудитории и многих других причин изменяются тексты благопожеланий, что носит несомненно творческий характер.

Для убедительности и вескости звучания юролчины иногда включают в текст благопожеланий не одно, а несколько мудрых народных изречений:

«А» үзэг эрдэмэй дээжэ,
Аяга сай эдээнэй дээжэ,
Мэндэ гээшэ үгэ зугаагай
хүндэ,
Тамхин гээшэ танилай хүндэ.
Энэ алтан дэлхэй дээрэ
ябхадаа
Алаг сайхан нюдөөрөө харһанаа
Хоёр харһан шэхээрээ
шагнаһанаа

Буква «а» — начало ученья,
Стакан чаю — угощенья начало.
Приветствие «мэндэ» — разговора
начало,
Табак — знакомства начало.
Пока живете на этой золотой
земле,
Увиденное красивыми глазами,
Услышанное своими ушами

Хөөрөлдэжэ, уулзажа,

Эбээ нэгэдэжэ,
Эрхим нүхэд боложо ябахатнай
болтогой!¹⁵¹

Рассказывайте при встрече друг
другу.

Дружбу крепкую найдите,
Станьте верными друзьями!

Юролчин подчеркивает, что знакомство, дружба, живое общение с людьми необходимы человеку. От общения с хорошими людьми, добрыми друзьями человек становится чище и лучше.

Наряду с изречениями, юролчины включают в художественную канву благопожеланий своеобразную характеристику тех, к кому обращены юролы. Благословляя молодоженов, они нередко отмечают их молодость, неопытность в житейских вопросах.

Благопожелания, посвященные людям умственного труда, представителям науки начинаются, например, так:

Яралаар бологкээ
Ябадлаар болохо,
Боро хоолойн бордоохи

бэшэ
Нарин эдилгэтэд ябажа
байнат,
Эрдэмэй дээжэ баряшад ябанат.
Олбогтной зузаан боложо,

Олзотной ехэ боложо
байг.
Хааршагуй хархагтай,

Буурашагуй буянтай сууха
болтогой!
Ороhon газартнай олзотой,
Ябахан газартнай жаргалтай
байхань болтогой!¹⁵²

Не от спешки зависит —
От кропотливой работы,
Вы не из тех, кто простые
блюда признает,
А признающие изысканные
блюда,
И научных высот достигшие.
Пусть тюфяк ваш становится
толще,
Пусть находок все будет
больше,
Пусть угощение ваше, не
иссякнет,
Пусть ваша жизнь процветает.

Будьте счастливы, удачливы
Везде, где вы бываете.

Благопожелание начинается с изречения. Затем юролчин переходит к обращению, содержащему символическую характеристику представителей умственного труда, а уж потом — к существу своего благопожелания, которое основано на традиционных формулах и выражениях. Обращаясь к традиционным благопожеланиям, не упуская их основных аксессуаров, юролчин стремится придать им современное звучание, связать их с некоторыми реальными, бытовыми деталями.

Обращаясь к научным работникам, юролчин говорит:

Гайн ханаатай,
Гайхан сэдхэлтэй
Эрдэмын хүбүүд боложо,
Алтан дэлхэй дээрэ
Амар жаргал ябажа,
Амитан зондоо
Нэрэ солоёо мандуулжа,

Будьте деятелями науки
С благородными помыслами
И красивой душой,
Будьте счастливы
На земле золотой.
Записанное от разных людей
По верному руслу
направляйте,

Зүнэбүүдийн хүүни хэлэные
Зүб харгидань оруулжа,
Дээшэнь даадхажа,
Олондонь бэшэг болгон
Гаргажа байхатнай болтогой.

Поправляйте, издавайте,
Чтоб доступно было всем.

В благопожелании — импровизации иногда отмечается роль юролчина, значимость его пожеланий и добрых слов:

Хэлэһэн үгэмнай
Хэзээдэ мүнхэ боложо,
Зугаалжа зугаалжа орхиһомнай
Зула мэтэ бадаржа,
Хэлэжэ хэлэжэ орхиһомнай
Хэлээр барлагдан бүтээгдэжэ

ерэжэ,

Агуй хайхан юртэмсын амитан

Амар жаргажа бултадаа
Иижэ ябаебди!

Үрэмнай хүн боложо,
Үрээмнай морин боложо,
Һанаһамнай хайхан бүтэжэ,
Һарбайһамнай үндэр дээрэ
бүтэжэ байг!

Рассказанное нами
Пусть навеки живет,
Изложенное нами,
Как свеча, пусть пылает,
Поведанное нами
Пусть издано будет.

Люди этой прекрасной
вселенной,
Будьте же счастливы все!
Пусть малыш наш становится
взрослым,
Пусть лончак наш станет конем.
Задуманное нами пусть
сбудется,
Затеянное нами пусть
исполнится!

При всей широте своих импровизационных возможностей современные юролчины очень бережно относятся к традиционной основе благопожеланий, что становится ключевым узлом в их творческом акте. Творчество одаренных мастеров художественного слова, талантливых импровизаторов, великолепных знатоков и исполнителей юролов играет немаловажную роль в дальнейшем развитии и обогащении этого жанра устной поэзии бурят.

Жанровая особенность благопожеланий, их прямая зависимость от определенных обрядовых моментов, от конкретной ситуации, от характера торжества, на которых они обычно звучат, обусловили и многообразие форм их передачи. В наши дни бытуют очень лаконичные благопожелания, состоящие из нескольких удачно подобранных выражений. Немало и таких юролов, которые представляют собой цепь нанизанных друг на друга самостоятельных благопожеланий, связанных общей темой или скрепленных единым функциональным назначением:

Буга шэнги ута наһатай,
Буха шэнги бүдүүн хүзүүтэй
боложо,

Намсарай шэнги баян,
Найдан шэнги үнэр болтогой!
Түлиһэн галнай
Түмэн жэлдэ бадараг,
Түрэхэн гараһамнай
Түмэ хүрэжэ,
Хүнжэлөөрөө дүүрэн

Будь долгожителем, как марал,
Толстошеим будь, как бык,

Будь богатым, как Намсарай,
И многодетным, как Найдан!
Разведенный нами огонь
Пусть десятки тысяч лет горит.
Родные наши дети
Пусть долго-долго проживут.
Пусть под одеялом

Хүбүүтэй боложо болтогой!
Ута мориндоо хундалдажа,

Уузгай дэгэлдэ дабхасажа,
Үрэмнай хүн болобо,
Үрээмнай морин болобо.
Татаса таһаршагой,
Матаһаа матаршагой
Ураг болохонмой болтогой!
(Инв. № 2829).

Полно будет сыновей!
На длинной лошади верхом
 вдвоем садясь,
Широкую шубу разделяя вдвоем,
Младенцы наши взрослыми стали,
Лончак наш стал конем,
Мы стали родными,
Пусть родство наше крепнет!

Такие благопожелания обычно звучат на свадьбах как пожелания молодым, начинающим совместную жизнь. В одном контаминированном тексте могут быть органически связаны разные по характеру юролы, в которых звучат пожелания счастья, долгих лет жизни, успехов в труде, учебе, семейной жизни и т. д. Человеческая жизнь многогранна, потому и юролчины хотят затронуть в своих благопожеланиях основные ее моменты, причем показать их органическое единство.

Некоторые благопожелания передаются нередко в песенной форме:

Гунжа үнээгээ үдхэжэ,
Гурбан хүрээ болгое,
Гурбатай үрээ үргэжэ,
Гурбан сэлээн болгое.
Дүнжэ үнээгээ үдхэжэ,
Дүрбэн хүрээ болгое.
Дүрбэтэй үрээ үргэжэ,
Дүрбэн сэлээн болгое.

Трехлетнюю корову разведем,
Три изгороди заполним скотом,
Трехлетнего малыша вырастим,
Чтоб три села он заполнил потом.
Четырехлетнюю корову разведем,
Четыре изгороди заполним скотом,
Четырехлетнего малыша вырастим,
Чтоб четыре села он заполнил
 потом.

Это благопожелание-песня в разных вариантах записана в Тункинском, Аларском, Эхирит-Булагатском районах. Осведомители отмечают возможность обычного словесного выражения данного юрола, а также популярность песенной формы его передачи. Все, по-видимому, определяется возможностями самого исполнителя, его поэтическим настроем, а также настроением публики, подогревающей эмоциональный накал юролчина.

В песенном бытовании у эхирит-булагатских бурят известно благопожелание:

Һараяа гараса
Һабатай һуугаарайт,
Һаншагаа сайсаа
Яргалтай һуугаарайт⁵³.

До восхода луны
С вином в жбане сидите.
До седин на висках
В счастье живите.

С лаконичными песнями-четверостишиями сложились у благопожеланий особые отношения. Текстовая подвижность песен такого типа способствовала тематическому обогащению жанра благопожеланий. Юролы же в свою очередь оказывали влияние на содержание отдельных песен, определяли своеобразие их исполнения.

Некоторые благопожелания по своему построению бывают очень близки к магталам — восхвалениям. В текст юролов иногда включаются хвалебные слова, характеризующие достоинства того, кому посвящены юролы. Например:

Нара наранай толондли
Һаргама һайхан бэетнай
Һаарал мориной тоондо
Хиртэнгуй ябахань болтогой!⁵⁴

Ваша красота,
Подобная сиянию солнца и луны,
Пусть не блекнет
От пыли буланого коня!

Слово «һайхан» — «красивый» определяет не только внешние особенности человека, характеризует и красоту его внутреннего мира. И в понятие «хиртэнгуй ябаха» юролчин вкладывает, по-видимому, обобщающий смысл: сохранить правдивость, чистоту и благородство. Восхваление может быть в благопожелании краткой и более развернутой. Оно дается в разных частях юрола, не только в начале текста, о чем свидетельствует приведенный пример.

Поэтичность и образность слов-прославлений, их место и значение в благопожеланиях определяются характером и содержанием текста юрола, а также замыслами и намерениями благоговителя, его творческими, импровизационными возможностями.

Однако в юролах хвалебные слова не играют решающей роли, как в магталах. В последних восхваление составляет основной смысл произносимой речи. Например, в магталах («Со-ло дуудалга»), посвященных коню, восхваляются все его достоинства:

Ээн болтогой!
Хүрэн азаргайн хүбүүн,
Хулагша гүүнэй унаган.
Туруун дороо шабхайбэй,
Тохом дороо тоорогбэй.
Сахир булад туруутай,
Хүлэр мүнгэн һүүлтэй,
Хобол мүнгэн дэлһэтэй,
Заан һайхан дүрэтэй,
Загал һайхан нюргатай.
Шургаһан хараасгай мэтэ,
Шунгаһан загаһан мэтэ.
Харанхуй газари
Толотуулан ерэнэн,
Харганатай газари
Харгуй гарган ерэнэн.
Бүрэнхы газари
Гэгээрүүлэн ерэнэн,
Бооритой газари
Тэгшэлэн харайһан.
Хүрэн азаргайн хүбүүн,
Хулагша гүүнэй унаган.
Хүлэгэй түрүү болоһон,
Галданай габшагай болоһон
Ээн болтогой! Амаршалан дууданаб.
(Инв. № 2780).

Пусть сбудется!
Бурого жеребца потомок,
Саврасой кобылы жеребенок.
Под копытами его нет грязи,
Под его потником нет пыли.
С блестящими копытами стальными,
С мощным хвостом в серебре,
С ровной гривой в серебре,
С прекрасной статью слоновой,
С красивой спиной темноцветной.
Как ласточка, подлетающая,
Как рыба, ныряющая.
Темную местность
Озаряя прискакал,
Через кустарник дорогу
Проложив прибежал.
Мрачную местность
Освещая прискакал,
Гористую местность
Разровняя прибежал.
Бурого жеребца потомок,
Саврасой кобылы жеребенок.
Ставшего в скачках первым
Быстроногого рысака Галдана
прославляю! Пусть сбудется!

Формула зачина и концовки данного магтала совпадает с обычной концовкой благопожеланий: «Болтогой!» Причем в магтале и в юролах это слово употребляется в одном значении: «Пусть сбудется сказанное!»

Простые сравнения в тексте прославления («хараасгай мэ-тэ — как ласточка», «загаһан мэ-тэ — как рыба») по принципу построения идентичны с сравнительными оборотами благопожеланий.

Исполнители магталов, как и юролчины, прибегают к разным формам повторений. Начальные две строки, характеризующие происхождение восхваляемого коня, преднамеренно повторяются в конце магтала. Повторяются в тексте однородные слова и обороты, что характерно не только для благопожеланий и магталов, но и для других жанров бурятского фольклора.

Для определения понятий «һүүл», «дэлһэн» употребляется популярный в устной поэзии бурят эпитет «мүнгэн» — «серебряный». Эпитеты «хүлэр мүнгэн», «хобол мүнгэн» в данном тексте не раскрывают родовых признаков и свойств определяемых предметов. Цель их использования — вызвать живую, эмоциональную картину в восприятии слушателей. И в благопожеланиях бурят эпитеты «алтан», «мүнгэн» часто употребляются с такой же функциональной нагрузкой.

В художественно-изобразительных, выразительных средствах магталов и юролов немало совпадающих деталей, устойчивых формул, свидетельствующих об их близости.

Однако специфику магталов и юролов определяет ряд особенностей, характеризующих их содержание и форму. Для магталов характерен больший по сравнению с благопожеланиями объем, наличие всестороннего художественного описания прославляемого предмета, относительная устойчивость текста, завершенность поэтически возвышенной речи — восхваления.

Немало совпадающих деталей в поэтике благопожеланий и заговоров. Содержание и художественная форма заговора обычно определяется своеобразием его назначения, утилитарно-практической направленностью текста. Но это не ограничивает творческие возможности заговаривающих. Они очень умело вводят в заговорный текст образы и мотивы улигеров, сказок, легенд, используют поэтические формулы, присущие малым жанрам бурятского фольклора. Творцы и исполнители заговоров иногда включают в текст отдельные образцы афористической поэзии. Для примера можно привести текст одного лечебного заговора бурят:

Гал намарһан хүбүүн,
Гарьха шара басаган.
Мойһон хара басагад,
Мохин хара хүбүүд.
Шэмхэдэг улаан хүбүүд,
Шэбэнэдэг улаан басагад.
Улаан утаһаар оройгооб,

Молодец в струпьях багровых,
Круглая, рыжая девушка.
Как черемуха, черные девушки,
Как сера, темные молодцы.
Щипающие красные молодцы,
Шепчущие красные девушки.
Красной шелковой нитью провел,

Хүхэ утаһаар хүрээлөөб.
Худаг сагаан
Нүхөө бүгэлжэ гара,
Хубхай сагаан
Яраяа хюһажа гара.
Айли хүүндэ хэлүүлхэгүйээр,
Алаг нохойдо хусуулхагүйээр⁵⁵.

Синей шелковой нитью обвел.
Отверстие белого колодца
Закрывая выходи,
Сухие белые коросты
Очищая выходи.
Чтобы улусные люди не обсуждали,
Чтобы пегайа собака не лаяла.

По современным записям трудно судить о том, когда возник данный заговор: в глубокой древности или сравнительно недавно. Тем не менее ясно одно: заговорный текст основан на очень древнем анимистическом мировосприятии людей. Образные параллели данного заговора построены на одухотворении некоторых явлений по аналогии с живыми существами (уподобление болявок на лице с красными молодцами и девушками). Не случайно в тексте использованы эпитеты «улаан — красный», «шара — желтый или рыжий», «шэмхэдэг — щипающий», «хубхай сагаан — сухой, белый» и т. д. Каждый из них несет строго определенную смысловую нагрузку, дает точную характеристику определяемых предметов.

Заговаривающий, как и юролчин, не обходится без сравнений и повторов. В тексте повторяются слова: «улаан — красный», «утаһан — шелковая нить», «хүбүүд — молодцы», «басагад — девушки», «гара — выходи».

Заговорный текст, как и благопожелание, заканчивается обычно «закрепкой», которая должна, по мнению древних людей, закрепить сказанное, усилить магическую его действенность. В данном примере роль завершающей формулы — «закрепки» выполняет лаконичный юрол, ставший органичной составной частью заговора. Такие примеры характеризуют одну из сторон живого фольклорного процесса, открывающего широкие возможности для взаимообогащения и взаимопроникновения жанров.

Интересные совпадения наблюдаются в юролах и харалах — проклинаниях, прямо противоположных по своему назначению жанрах. Образность, эмоциональность и афористичность этих жанров нередко достигается одинаковыми художественно-поэтическими средствами. Основной их отличительной чертой является ярко выраженная функциональная нагрузка произведений этих жанров — благопожелания и проклятия.

Своеобразной формой их взаимодействия является включение произведений одного жанра или отдельных компонентов в состав другого. Некоторые юролы при незначительной переработке текста и пересмотре смыслового, функционального их назначения переходят в харалы. Известно в народе благопожелание:

Амитанда табиһантай
Арбан боложо байг.
Зондо табиһантай
Зуун боложо байг⁵⁶.

Что вы людям ставите,
Пусть в десять раз увеличится.
Что народу ставите,
Пусть в сотни раз увеличится.

Изменение завершающих каждую фразу строк придает звучанию текста совершенно другое звучание:

Амитанда табиһантнай
Алаг нохойдо эдюулжэ байг.
Зондо табиһантнай
Зуудаг нохойдо эдюулжэ байг⁵⁷.

Что вы людям поставили,
Пусть пегая собака съест.
Что народу вы поставили,
Пусть злая собака съест.

Путем такого переосмысления отдельных моментов популярных в народе произведений рождаются не только харалы, но и юролы. Можно привести немало благопожеланий с использованием поэтических формул харалов. Сами юролы иногда передаются в ярко выраженной форме харалов. Например:

Шулуутай газарта үтэг абажа, В каменистой местности усадьбу
Шоной газарта адаһаа үдхэжэ имейте,
байгаа райт⁵⁸. Где много волков, скот разводите.

Такие благопожелания по смыслу и звучанию очень близко сходятся с проклятиями. О наличии подобных юролов у монголов пишет П. Хорлоо: «хорыг маажан өгөөдсэн байдаг»:

Нар сар гэртээ мандуулаад, Пусть в доме светят солнце и луна,
Нагч цэцэгийг хотондоо ургуулаад, Пусть в стойке растет трава,
Явган нүүн, нүцгэн суун жаргатугай⁵⁹. Кочуй пешком, сиди нагишом,

«Свет и луна в доме», по мнению автора, означает дырявый дом, «трава в стойке» — отсутствие скота.

Приведенные выше примеры говорят о непрерывном процессе взаимовлияния, взаимопроникновения жанров. Особенно широко проявляется взаимодействие жанров одного типа: юролов, магталов, харалов, заговоров, идейно-эстетические, художественно-поэтические особенности которых в пору их активного бытования определялись верой в магическую силу слова.

При всем своем сходстве с другими жанрами бурятского фольклора благопожелания имеют свои специфические черты и особенности. Сам факт импровизации, включение в состав юролов элементов и деталей из других произведений устного народного творчества не нарушает жанровых закономерностей благопожеланий, а творчески развивает их.

Как своеобразный памятник устной поэзии бурят благопожелания имеют большое значение не только для изучения их мировоззрения, быта, но и народного языка. Богатство бурятского языка, его художественно-поэтических средств нашли яркое выражение в разнообразных по смыслу и звучанию благопожеланиях.

¹ Кравцов Н. И., Лазутин С. Г. Русское устное народное творчество. М., Высшая школа, 1977, с. 265.

² Михайлов Г. И. Проблема фольклора монгольских народов. Элиста, 1971, с. 24.

³ Хангалов М. Н. Собр. соч., т. 1, с. 318—319.

- ⁴ Русское народное поэтическое творчество, т. II, кн. I. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1955, с. 469.
- ⁵ Хангалов М. Н. Собр. соч., т. I, с. 114.
- ⁶ Вяткина К. В. Очерки культуры и быта бурят, с. 79—80.
- ⁷ Записано от Л. А. Абзаева в улусе Адаг Курумчинского сельсовета Баяндаевского района Иркутской области.
- ⁸ Вяткина К. В. Очерки культуры и быта бурят, с. 76.
- ⁹ Там же, с. 90—91.
- ¹⁰ Там же, с. 61.
- ¹¹ Записано от С. С. Сонтахонова.
- ¹² Записано от Ш. Жамсаранай в сомоне Мүнгэнморьт МНР.
- ¹³ Хангалов М. Н. Собр. соч., т. II, с. 57.
- ¹⁴ Там же, с. 69.
- ¹⁵ Записано от О. Б. Будаева в селе Алцак Джидинского района Бурятской АССР.
- ¹⁶ Банзаров Д. Черная вера, или шаманство у монголов, с. 73.
- ¹⁷ Записано от Б. Д. Парханшиковой в селе Кырен Тункинського района Бурятской АССР.
- ¹⁸ Записано от Д. А. Булутовой.
- ¹⁹ Записано от Д. Н. Шаракшанова.
- ²⁰ Хангалов М. Н. Собр. соч., т. II, с. 87—88.
- ²¹ Зэлэ — волосная веревка для привязывания телят и жеребят.
- ²² Записано от Д. А. Булутовой.
- ²³ Записал С. П. Балдаев от Д. Д. Ошорова в улусе Толтой Тункинського района Бурятской АССР.
- ²⁴ Записал С. П. Балдаев от Д. Д. Ошорова.
- ²⁵ Записано от Д. Базарын в сомоне Батширээт Хэнтэйского аймака МНР.
- ²⁶ Большая советская энциклопедия, т. 17. М., 1974, с. 343.
- ²⁷ Записано от Д. Санжын.
- ²⁸ Записано от Б. Доржоханда в сомоне Биндар Хэнтэйского аймака МНР.
- ²⁹ Записано от Д. Б. Бадмаевой в селе Баянгол Баргузинского района Бурятской АССР.
- ³⁰ Записано от Д. А. Булутовой.
- ³¹ Записано от М. С. Сонголова в селе Бохан Иркутской области.
- ³² Записано от С. Е. Ероновой.
- ³³ Записано от Д. Н. Шаракшанова.
- ³⁴ Записано от Д. Д. Ангаева.
- ³⁵ Записано от П. И. Мотошкинова в улусе Бахай Баяндаевского района Иркутской области.
- ³⁶ Записано от него же.
- ³⁷ Записано от С. Ш. Петрова.
- ³⁸ Записано от С. Ш. Шопхоева.
- ³⁹ Записано от У. П. Хамагановой в селе Гушит Эхирит-Булагатского района Иркутской области.
- ⁴⁰ Записано от Д. Базарын.
- ⁴¹ Записано от С. С. Сонтахонова.
- ⁴² Записано от Н. С. Сонтахоновой.
- ⁴³ Записано от С. Ш. Петрова.
- ⁴⁴ Хорлоо П. Монгол ардын ерөөл. Улаанбаатар, Шинжлэх Ухааны Академийн хэвлэл, 1969, с. 87.
- ⁴⁵ Записано от Н. С. Сонтахоновой.
- ⁴⁶ Записано от А. Х. Хамаганова в селе Гушит Эхирит-Булагатского района Иркутской области.
- ⁴⁷ Записано от Д. Д. Ангаева.
- ⁴⁸ Записано от Б. Будаевой в селе Ацагат Заиграевского района Бурятской АССР.
- ⁴⁹ Записано от С. Е. Ероновой.

⁵⁰ Записано от С. Ш. Петрова.

⁵¹ Записано от Д. Д. Ангаева.

⁵² Записано от него же.

⁵³ Записано от М. Б. Болхоевой в улусе Бахай Баяндаевского района

Иркутской области.

⁵⁴ Записано от Д. Н. Шаракшанова.

⁵⁵ Записано от С. С. Сонтахонова.

⁵⁶ Записано от П. И. Мотошкинова.

⁵⁷ Записано от него же.

⁵⁸ Записано от С. Е. Ероновой.

⁵⁹ Хорлоо П. Монгол ардын ерөөл, с. 5.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пословицы, поговорки, загадки и благопожелания тесно связаны с жизнью народа, его историей, бытом, трудом. В них нашли широкое отражение свойственные бурятскому народу бытовые черты, жизненный уклад, обычаи, его этнографические детали, географические названия, топонимы и т. д.

В. Г. Белинский справедливо считал, что «поэзия каждого народа есть непосредственное выражение его сознания» и она «лучше самой истории свидетельствует о внутреннем быте народа, может служить меркою его гражданственности, поверкою его человечности, зеркалом его духа»¹.

Малые жанры бурятского фольклора характеризуются своими специфическими особенностями, отличающими их от сходных жанров фольклора других народов. Отличается и система художественных средств бурятской афористической поэзии, что показано в работе на фактическом текстовом материале.

О национальных особенностях бурятских пословиц, поговорок, загадок, благопожеланий говорят и широкие возможности их употребления в других жанрах фольклора. Афористические произведения нередко оказываются необходимыми компонентами улигеров, сказок, легенд, преданий и устных рассказов. Афоризмы, удачно использованные улигершинами и сказочниками, углубляют идейное содержание эпических произведений, придают им образность, выразительность. Пословицы и поговорки с острым социальным звучанием употребляются в сказках для усиления сатирической характеристики классовых врагов народа. Загадки определяют сюжетную основу некоторых сказок. Основные эпизоды сказок о трех умных сыновьях, о споре братьев, богатого и бедного, о мудрой дочери бедняка — невестке хана или богача — построены на загадках. Без формул загадывания и отгадывания эти сказки потеряли бы весь свой колорит.

Своеобразие афористических произведений бурят выражается и в их языке, который, несмотря на близость к языкам других монгольских народов, обладает своими специфическими чер-

тами и особенностями. Это нашло яркое выражение в бурятских пословицах, загадках и благопожеланиях.

Вместе с тем обнаруживается немало сходных и общих элементов в пословицах, поговорках и загадках разных народов, что является результатом генетических, исторических, культурно-экономических связей. Общее прослеживается в тематическом разнообразии пословиц, поговорок, загадок, их богатом поэтическом мире, в особенностях раскрытия идеи и образов.

Произведения малых жанров в данной работе рассматриваются в развитии — с древнейших времен до наших дней. Каждая эпоха вносит новую струю в произведения устной поэзии. Она пополняет арсенал народного поэтического творчества новыми произведениями, характеризующими свою эпоху. Наряду с ними в каждый исторический период сохраняются в народе произведения, созданные предыдущими поколениями. Благодаря преемственной традиции до нас дошли многие традиционные пословицы, загадки, благопожелания, в которых запечатлено немало архаических элементов.

На основании фольклорного материала, собранного фолклористами, лингвистами, этнографами за последние десятилетия, а также исходя из своих полевых наблюдений, можно сказать, что судьбы разных жанров бурятского фольклора в современный период складываются далеко не одинаково. В настоящее время продолжают жить и обнаруживают довольно хорошую сохранность те традиционные фольклорные жанры, которые отвечают современным идейно-эстетическим потребностям советского народа. «В самой жизни и быту народных масс, в их морали и психологии далеко не все подвержено коренным преобразованиям и ломке,— пишет В. Е. Гусев,— и эта устойчивость некоторых явлений отнюдь не всегда является выражением косности, консерватизма и т. п.— просто есть ценности, которые не теряют своего значения и в наши дни. Поэтому некоторые традиционные произведения, связанные с такими устойчивыми взаимоотношениями, обычаями, представлениями и идеалами, ...с полным основанием могут быть также отнесены в область современного фольклора, поскольку они выражают то, что живет и поныне и что живыми нитями связывает новое поколение с предшествующими»².

Напротив, из повседневной жизни современных людей уходят некоторые архаические явления устного народного творчества, которые не отвечают их запросам, а иногда и прямо вступают в противоречие с новым мировоззрением советского человека.

Многие традиционные обряды в современных условиях постепенно уходят из быта. Вместе с ними утрачивают свои функции отдельные жанры обрядовой поэзии, которые были тесно связаны с конкретными моментами обряда. Например, уходят

из жизни, забываются заговоры, смысл которых, по определению А. М. Горького, «сводится к стремлению древних рабочих людей облегчить свой труд, усилить его продуктивность, вооружиться против четвероногих и двуногих врагов, а также силою слова, приемом «заговоров», «заклинаний» повлиять на стихийные, враждебные людям явления природы»³.

В первые годы Советской власти в бурятских улусах довольно активно бытовали обряды заговаривания и сопровождающие их заговорные формулы. Постепенно они выходят из употребления и забываются.

Хотя мы со всей определенностью говорим об угасании жанра заговоров и заклинаний, но это не значит, что в народе ничего не осталось от них. В наши дни еще встречаются знатоки заговорных обрядов и исполнители их словесных формул. В процессе полевых работ мы иногда оказываемся свидетелями заговаривания. Но это единичные факты, не имеющие повсеместного распространения. Знатоки и исполнители заговоров сами уже не верят в их магическую силу. Они исполняют заговорные формулы в основном по просьбе собирателей-фольклористов, этнографов.

Такие жанры, как пословицы, поговорки, загадки, благопожелания в наши дни живут полнокровной жизнью.

В советское время бытует большое количество не утративших своего значения традиционных бурятских пословиц и поговорок. Это по-видимому, объясняется специфическими особенностями этих произведений. Несмотря на предельную краткость и простоту, пословицы отличаются большой содержательностью. Любая пословица представляет собой четкое суждение, ясное выражение определенной мысли, обобщение, вывод из жизненных наблюдений и социально-исторического опыта народа. Пословицы рождаются и бытуют в живой разговорной речи.

Благодаря конкретному выражению общего и общему выражению многих конкретных моментов пословица может применяться ко многим однотипным явлениям. Использование той или иной пословицы в речевом контексте придает ей конкретное значение. Если прислушиваться к обычной разговорной речи бурят, то можно услышать самые разные пословицы о жизни, труде, о поведении человека, о взаимоотношениях людей и т. д. Пришлось к месту — и прозвучит пословица. Порою даже совершенно неожиданно, стихийно завязывается своеобразная перестрелка остротами-изречениями.

Люди, хорошо владеющие родным языком, свободно вводят в речь пословицы, поговорки, которые метко характеризуют конкретную ситуацию, оперируют разными понятиями, содержат поучения и советы.

В живом общении люди нуждаются в метких изречениях, активно используют их, потому и живет жанр пословиц и пого-

ворок полнокровной жизнью, развивается, обогащается новыми произведениями.

Наряду с традиционными пословицами и поговорками, ставшими неотъемлемой частью современного фольклора, активно рождаются и бытуют в народе новые афористические выражения, затрагивающие изменения в жизни, быту и психологии бурят. В них говорится о преимуществах социалистического образа жизни, коллективного ведения хозяйства, открывающего, по словам пословицы, «путь к счастью», о равноправии, дружбе и братстве всех народов нашей страны. В новых пословицах и поговорках отчетливо проявляются особенности духовного мира современных людей, их нравственные, эстетические представления.

В народе сохраняется и развивается традиция иносказательной речи, что питает жанр бурятских загадок. Наиболее популярны в наши дни числовые загадки — триады, четвериады. Активность бытования таких загадок объясняется их спецификой, возможностью их использования в качестве формул для испытания сообразительности человека.

В естественных условиях бытования встречаются загадки типа лаконичных рассказов иносказательного характера, которые также употребляются в целях испытания собеседника. Они очень легко включаются в живую разговорную речь, что и способствует их активному бытованию в народе. Однако отдельные виды бурятских загадок в советских условиях не получили широкого распространения.

Большую жизненность в новых условиях обнаружил жанр благопожеланий, отличающийся от загадок и пословиц более свободной формой, произвольностью своего строения. Их создателями и исполнителями обычно являются хорошие знатоки устной народной поэзии, умелые рассказчики-импровизаторы. Собиратели справедливо указывают, что благопожелания полнее раскрываются в естественных условиях своего бытования. Таковыми являются различные торжества, праздники, особенно свадьбы, требующие обязательного присутствия добрых пожеланий.

Как же создаются юролы в наши дни? Прежде всего они создаются традиционным путем. Как и в прошлом, многие благопожелания возникают экспромтом в самых различных жизненных ситуациях и обстоятельствах. Новые юролы иногда возникают путем переосмысления старых.

Во многих случаях глубоко продуманная замена нескольких слов, отдельных строк способствует рождению новых по своему содержанию и форме благопожеланий. Этот прием иногда используется и при создании новых загадок, пословиц, в чем отчетливо проявляется продолжение традиций бурятского устного народного творчества. Путем творческого переосмысления тра-

диционных произведений фольклора, а также художественно-поэтического освоения новой действительности рождаются новые образцы устной народной поэзии, отражающие мысли и чувства наших современников.

Таким образом, основным источником народного поэтического творчества в советскую эпоху является сама жизнь. В подавляющем большинстве случаев те или иные пословицы, поговорки, благопожелания возникают как прямой отклик на определенные, конкретные жизненные события.

В современную эпоху идет тенденция к развитию реалистичности бурятского фольклора. Даже в бурятских сказках возрастают реалистические элементы. Этим, по-видимому, объясняется творческий интерес современных сказочников к афористической поэзии. Пословица в сказках или улигерах как бы служит заключением, афористическим выводом или моральным правилом, регулирующим поведение сказочного или улигерного персонажа.

Продолжается сложное взаимовлияние жанров бурятского фольклора. Произведения одного жанра активно включаются в произведения другого. Не только в эпических жанрах встречаются меткие изречения, но и в отдельных загадках, особенно в благопожеланиях.

Пословицы и поговорки часто включаются в загадки, особенно числовые, которые отличаются сложностью своей структуры. Многие пословицы и загадки тематически перекликаются, иногда и текстуально совпадают. Числовые загадки-триады, четвериады, утратившие вопросительные формулы, которые требуют отгадки, нередко бытуют как пословицы. Однако не все суждения, ставшие составными звеньями числовых загадок, могут пополнить репертуар пословичных выражений. Но тем не менее близость, органическая связь бурятских пословиц и загадок очевидна. Взаимовлияние, взаимопроникновение этих и других жанров свидетельствуют о том, что устнопоэтическое творчество бурятского народа, как и фольклор многих народов, представляет собой своеобразную систему. Следовательно, все компоненты этой системы, то есть фольклорные жанры находятся в сложных, исторически меняющихся взаимоотношениях. Поэтому бурятский фольклор необходимо изучать как определенную, органически связанную систему жанров, а отдельные жанры, в том числе и малые, рассматривать в их взаимоотношении с другими.

Собираанию и изучению малых жанров бурятского фольклора за последние годы стало уделяться серьезное внимание. Нашими фольклористами, собирателями и исследователями собран значительный материал по малым жанрам, определены важные проблемы в его изучении и достигнуты в этом некоторые результаты.

Вместе с тем следует отметить, что еще не все проблемы, поставленные исследователями, фольклористами, получили исчерпывающее освещение. Для решения многих проблем и вопросов по малым жанрам бурятского фольклора, особенно по обрядовой поэзии, требуется дальнейшее собирание, изучение малых жанров. Давно уже назрела необходимость двуязычного издания бурятских пословиц, поговорок, загадок, благопожеланий.

Фольклористов немало волнует проблема бытования фольклора в наши дни. Для изучения современного состояния устного народного творчества и тенденций его дальнейшего развития исследовательская работа нами проводится в органической связи с собирательской, то есть произведения устной поэзии по возможности изучаются в естественных условиях своего бытования. Непосредственные наблюдения, научные эксперименты на местах, работа со сказителями, певцами, исполнителями юролов, любителями загадок в какой-то мере способствуют раскрытию фольклорного процесса современной эпохи.

Актуальное значение имеет в настоящее время изучение роли афористической, обрядовой поэзии в формировании бурятского советского фольклора, в бытовании других жанров устнопозитического творчества бурятского народа.

Совершенно не изучена жизнь пословиц, поговорок, загадок, благопожеланий в улигерах, сказках, устных рассказах, хотя некоторые эпизоды эпических произведений строятся исключительно на материале малых жанров бурятского фольклора.

Немало сложных и интересных вопросов о творческом использовании афористической поэзии в литературных произведениях, так как многие бурятские писатели, поэты обращаются к фольклору, к многообразным изобразительно-выразительным средствам народного творчества. В то же время определенное влияние на бытование современного бурятского фольклора оказывает литература. Литературное влияние сказывается на поэтике, образной системе устных народных произведений. Отдельные элементы литературного стиля находим в произведениях устной поэзии бурят. Влияние литературы особенно заметно в современном бытовании жанра благопожеланий. По своей содержательной форме, структуре новые образцы благопожеланий нередко перекликаются с литературными произведениями.

Различные вопросы и проблемы возникают в связи с близостью фольклора монгольских народов. Учитывая этническую общность близких народов, генетические истоки фольклорных произведений, не следует забывать и о разных возможностях заимствования устнопозитического творчества. В пословицах, поговорках, загадках далеких по языку и территории народов часто встречаются общие, сходные элементы, параллели, иног-

да дословные совпадения. Поэтому дальнейшее сравнительно-историческое изучение фольклора разных народов остается одной из актуальных задач современности.

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. 5. М., 1954 с. 329.

² Гусев В. Е. Виды современного фольклора славянских народов.— История, культура, фольклор и этнография славянских народов. М., 1968, с. 298.

³ М. Горький. Собр. соч. в 30-ти т., т. 27. М., 1953, с. 300.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Пословицы — Онъһон үгэнүүд	
Происхождение бурятских пословиц	21
Пословицы, отражающие эпоху родового строя и древние воззрения людей	32
Отражение в пословицах противоречий классового общества	44
Пословицы советской эпохи	51
Художественные особенности бурятских пословиц	62
Глава II. Загадки — Таабаринууд	
Отражение действительности в загадках бурятского народа	77
Социальные мотивы в загадках	103
Разновидности бурятских загадок	109
Своеобразие языка и поэтического стиля загадок	125
Современное бытование загадок	139
Глава III. Благопожелания — Юрөөлнүүд	
Благопожелания, их историческое развитие, тематика и содержание	148
Свадебные юролы	157
Современные благопожелания	173
Поэтика юролов	182
Заключение	200

Светлана Сумановна Бардаханова

МАЛЫЕ ЖАНРЫ БУРЯТСКОГО ФОЛЬКЛОРА
Пословицы, загадки, благопожелания

Рецензенты: **Е. В. Баранникова**, канд. филол. н.;

Ц. Ц. Цыдыпов, д-р. филол. н.

Редактор ред.-изд. отдела **Л. Д. Шестакова**

Редактор издательства **Э. Б. Алтаева**

Оформление художника **О. Д. Цыремпилона**

Технический редактор **М. Д. Жигжитова**

Корректоры **С. С. Золтеева, Р. Б. Гончикова**

ИБ № 760

Сдано в набор 22.08.81. Подписано в печать 22.04.82. Н-00591.
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага тип. № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 13. Усл. кр.-отт. 13,13. Уч.-изд. л. 14,11.
Тираж 1000. Заказ 467. Цена 1 руб.

Бурятское книжное издательство, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Советская, 25.

Республиканская типография Государственного комитета Бурятской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Борсоева, 13.

✓

ЦУНБ

им. Н. А. Некрасова

2 000003 065622

1 руб.

УЛАН-УДЭ * 1982